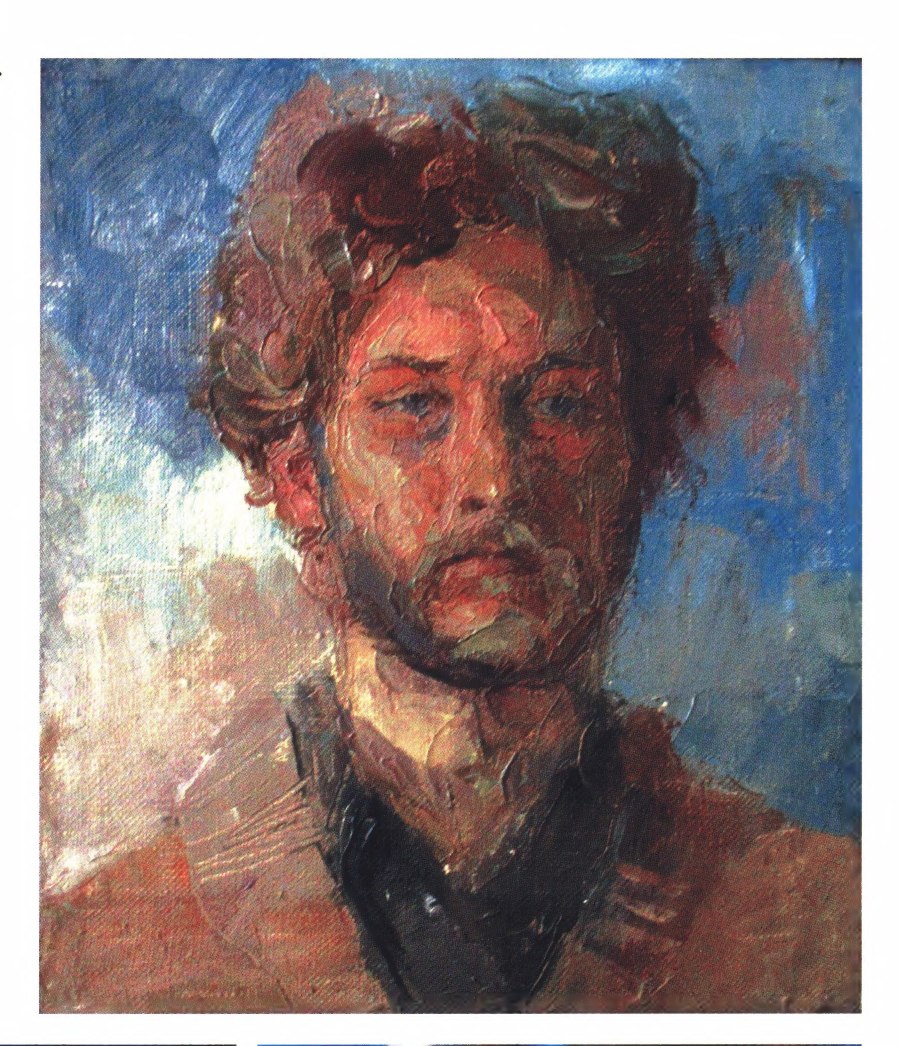
ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 5, 2021

Автопортрет.

Дягилев.

Художник из Толледо.

ИГОРЬ БУШУЕВ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСКУССТВЕ ИЛИ ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЕМ

Искусство вечно, жизнь коротка.
…
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.
…
Пусть чередуется весь век
Счастливый рок и рок несчастный,
В неутомимости всечастной
Себя находит человек…. (И.В.Гете «Фауст»)

В искусстве живописи художник – Творец, подобно писателю в литературе. Он создает, творит новую реальность на холсте – посредством красок и мазков кисти, линии и цвета, композиции – в ограниченном размерами двухмерном пространстве, вовлекая в него своего зрителя. Это своего рода диалог со зрителем или монолог с самим собой. Искусство служит человеку и создается для него, через интерпретацию и индивидуальность автора и потребителя (зрителя, слушателя, читателя), поэтому искусство – субъективно, и в этом его уникальность и самоценность.

Судьба окунула Игоря Бушуева в искусство с самого рождения, предопределив ему появиться на свет в творческой художественной среде, где была особая атмосфера любви, созидания и служения искусству. Поэтому и в живопись он влюбился с детства, получив огонек вдохновения и творчества от родителей; сегодня он сам – творец и передает эту эстафету своим детям и внукам, являясь продолжателем династии.

Отметим, что Игорь Владимирович Бушуев родился в 1962 году в Казахстане в городе Пржевальске, как уже было сказано, в семье художников Владимира Яковлевича Бушуева и Людмилы Михайловны Сгибневой, выпускников Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина (Академии художеств СССР) и ярких представителей уральской реалистической школы живописи. С запахами краски с детства впитывал он особый мир искусства, особый взгляд и мышление художника. Не удивительно, что родители отдали его учиться в Детскую художественную школу № 1 г. Свердловска, которую он закончил в 1975 году, затем поступил в Свердловское художественное училище им. И.Д.Шадра (1978–1982) и в Свердловский архитектурный институт (1982–1987). По окончании института работал в Свердловском отделении «Росмонументискусство» (1987–1993), параллельно – в Детской художественной школе № 1 (1988–1993), Среднеуральском книжном издательстве (1988–1990). С 1982 года участвует в выставках – республиканских (Москва, Краснодар, Сочи), зональных (Свердловск, Уфа), областных молодежных (Свердловск, Челябинск). В 1988 году вошел в молодежное объединение Союза художников, а с 1993 стал членом Союза художников России. На сегодняшний день произведения Игоря Бушуева хранятся в частных и музейных коллекциях в России и за рубежом.

Диапазон творчества И.В.Бушуева широк – это и жанровые картины, и портреты, и натюрморты, и анималистические сюжеты, выполненные в любимой технике – масло; помимо этого, с 1991 года он занимается и монументальной живописью (витражи, росписи, мозаика), и скульптурой. Тем не менее, живопись была и остается любимым видом искусства: она раскрывает разные творческие грани и авторское ви́дение через цвет, линию и форму, особый внутренний мир и душу художника. Важно, что он практически не использует в своих работах черный цвет и ма́стерски владеет законами цветоведения, ощущает гармонию-контраст других цветов спектра, тонов и полутонов. Важной составляющей творчества Игоря Владимировича является внутреннее содержание картин – результат философских воззрений, жизненного опыта и осмысления мирового искусства. Так каждое его произведение наполнено разной эмоциональной содержательностью и исполнено на высоком художественно-техническом уровне.

Большое значение для него как живописца стало открытие творчества испанского художника греческого происхождения Доме́никоса Теотоко́пулоса, прозванного на испанский манер Эль Греко. Фантасмагорические картины Эль Греко запоминаются сразу и навсегда, не оставляя никого равнодушным, поражая экспрессией художественного исполнения и замыслом. Такое случилось и с Игорем Бушуевым. Будучи пораженным когда-то, он долго стоял около картин… Еще долго потом всплывали в памяти образы и светящиеся лики святых, мерцающий грозовой пейзаж окрестностей Толедо… Но больше всего его восхитила живопись: виртуозное владение техникой мазка и сочетание цветов. Открытием явились землистые краски, которые в руках мастера превращались в необыкновенное светящееся чудо!

Ирина Зябликова-Исакова

(Окончание на стр. 40–42)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

Корректор номера
Дмитрий Андреев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке: живопись И.Бушуева (1) «Дворик», (4) «Коломбина».
Выпущено в свет 30.06.2021 г.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

12+

Заказ № 1310.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сегодня человек стремится найти пользу в каждом своем действии. Еще 50 лет назад, живя в «самой читающей стране мира», мы не задумывались об этом – просто читали. Сегодня «просто читать» могут и хотят далеко не все. Вот поэтому давайте попробуем взглянуть на проблему чтения с точки зрения пользы. Я думаю, что у каждого из вас есть свои соображения на этот счет. Я поделюсь своими.

Что касается профессиональной литературы – тут все ясно. Это образование. Без изучения накопленного опята невозможно стать профессионалом.

Для кого-то чтение было и остается удовольствием. Без удовольствий жизнь наша не будет яркой и интересной.

Во время чтения, как утверждают ученые, мозг наш работает гораздо активнее: человек размышляет, развивается память и логика, улучшается грамотность, да и словарный запас обогащается. Врачи говорят, что чтение – это один из лучших способов избежать старения мозга и возрастных деменций. А еще они говорят, что во время чтения человек выходит из состояния стресса, приобретает чувство уверенности, повышается его самооценка и даже улучшается сон! А это – наше здоровье, причем без таблеток и всякой химии. Ученые говорят, что человеческая старость – это вовсе не время, а состояние нашего мозга. Чем лучше он работает, тем дольше мы остаемся молодыми и красивыми. Согласитесь, об этом мечтает каждый.

Один курьезный случай про чтение: однажды на столе у знакомого я увидела новомодную книгу с «бессюжетно-абстрактным» сюжетом, назовем ее «М». Да, и в литературе, как и в одежде, существует понятие моды, чтобы в определенном кругу занимать определенное место.

– Ты читаешь «М»? – спросила я. То ли в интонации моей было что-то провокационное, то ли в моей улыбке был какой-то подвох, он ответил искренне:

– Я ее уже полгода пытаюсь читать – первые два абзаца, а дальше просто засыпаю. Пусть лежит на столе! А вообще-то я читаю – классику.

Так ведь и в одежде многие из нас не носят модные штаны с дырками, кеды с бальным платьем или шорты с пиджаком и бабочкой. И не читают модную «М».

Но чтобы выбрать для себя интересную книгу, опять же надо читать.

Получается, что все-таки какая-никакая польза от чтения есть. Но, конечно, выбор остается за каждым из нас.

Главный редактор
Татьяна Богина.

ВЕСИ

№ 5 (173)` 2021
июнь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2021 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

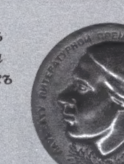
Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

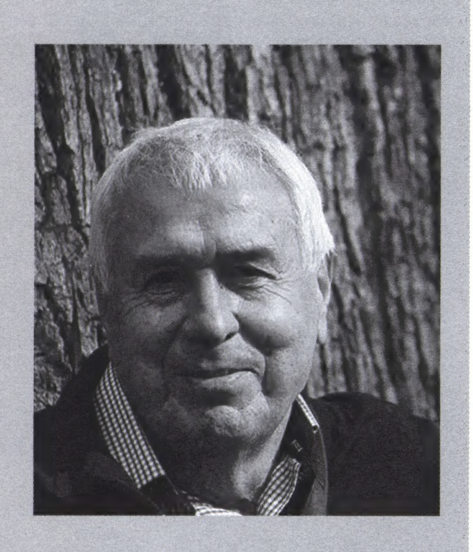
РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

«КАВО ЛЮБЛЮ...»

Геннадий КАЛАШНИКОВ

Член Союза российских писателей. Член жюри многих литературных конкурсов и фестивалей. Работал в «Литературной газете», в издательстве «Эксмо». Публиковался в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Грани», «Плавучий мост», «Новый берег», «Дарьял», «Гостиная». Автор нескольких книг стихов, сборников стихов и прозы. Дипломант Всесоюзного конкурса им. М.Горького, премии «Московский счет», Международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник», премии Пушкинского общества Америки «Душа в заветной лире», диплом «Золотое перо Тулы», диплом «Золотая Тыква» (Тверь).

ФАРЯБНИК

Он появлялся в деревне внезапно.

Кричал лениво и не очень громко, но еще до его крика все мы знали:

– Фарябник приехал!

Его приезд всегда был событием, сопряженным с легким чувством опасности.

Но сначала надо пояснить, кто такой фарябник.

В словаре Даля такого слова нет, зато есть слово «фаряб», и Даль толкует его как лоскут холста, тряпица, ветошка.

– Тряпье берем, берем тряпье ... – меланхолично тянул фарябник, и мы тут же бросали все свои игры и бежали домой, обшаривали комнаты, сени, искали во дворе всякую ненужную рухлядь.

Тряпьем фарябник – ражий, кряжистый мужик – не ограничивался, он брал дырявые кастрюли, гнутые сковороды, старые калоши и даже кости.

Мы тащили все это к его телеге, на которой стоял большой зеленый сундук.

Фарябник неторопливо и величественно рассматривал наши трофеи. Кое-что он взвешивал на безмене, что-то оценивал на глаз. А потом открывал крышку своего зеленого сундука. Снизу нам было видно, что изнутри она оклеена пестрыми картинками. «Старинными...» – как сказал кто-то. Припоминая эти картинки, я думаю, что они и впрямь были старинными – какие-то многофигурные лубки или олеографии. Жалко, что я не попытался как следует рассмотреть их.

В сундуке, стенки которого тоже были оклеены бумагой с пестрым узором, таилось немало сокровищ, более притягательных, чем какие-то картинки.

Чего там только не было: рыболовные крючки и лески, складные ножички, резиновые литые мячики, коробки цветных карандашей, ленты, иголки, в том числе и «иголки-цыганки», зеркальца, нитки «мулине», коробочки пудры «Кармен» с черноволосой красавицей на крышке. За ухом красавицы пунцово горела пышная роза. Наверно, были товары и посущественней, но я их не помню, как не помню и взрослых возле телеги фарябника. Приезжал он обычно днем, когда взрослые были на работе.

Со стороны это, наверно, напоминало визит белого человека к островным туземцам. Мы толпились вокруг телеги, совали свою рухлядь и выбирали товар. Можно было взять деньгами, но в них мы мало что понимали, а вот крючок или ножичек другое дело.

Была в сундуке и стеклянная банка с разноцветной карамелью. Иной раз и соблазнишься этими «подушечками». Фарябник тряхнет принесенную ветошь, бросит ее в телегу и ложкой начинает откалывать от карамельного айсберга твою льдинку. И всегда как-то так получалось, что зачерпывал он своей ложкой глубоко и вроде как много, но в итоге на ладони у тебя оказывалось три-четыре бледно-желтых или бледно-зеленых «подушечки», мгновенно таявших во рту.

А легкая опасность заключалась в том, что заставал он нас всегда врасплох. Но совершить обмен почему-то считалось делом обязательным. Да и как пропустить такое событие, оставаться

праздным зрителем, а не активным участником сделки?

Под горячую руку многие из нас тащили из дома все, что попало, в том числе и вполне добротные, нужные вещи. Я, например, как раз за четыре «подушечки» отдал практически новые калоши с собственных валенок, посчитав, что до зимы еще далеко.

Фарябник благополучно отбывал, а вечером многих из нас ждали неотвратимые и вполне телесные наказания.

Кроме делового обмена лично меня притягивала лошадь, запряженная в телегу с зеленым сундуком. Она была пегая. Непонятно, то ли она белая, покрытая рыжими пятнами, то ли наоборот, рыжая с белыми пятнами. Лошадь походила на своего хозяина. Такая же крупная, величественная и несколько меланхоличная. Казалось, ей давно надоела эта человеческая суета, это глупое желание выменять на жалкую ветошь нечто ценное.

Я частенько вспоминал эту лошадь. У нас в деревне пегих лошадей не было. Коровы попадались, но они меня не очень интересовали.

Я любил лошадей.

ЛОШАДИ

Любовь к лошадям связана у меня с грозой и чувством страха.

Помню, я проснулся посреди ночи и сразу понял – что-то происходит. Мама смотрела в темное окно, а отца не было. За окном шумел дождь.

– Гена, не бойся! – сказала мама, почувствовав, что я проснулся. – Это гроза. Молния ударила в конюшню, и она загорелась. Папа ушел на пожар...

Я подошел к окну.

За рекой, на краю луга, где стояла бревенчатая колхозная конюшня, трепетало пламя, то разгораясь и охватывая стены длинными языками, то почти пропадая. И даже дождь не мог потушить огонь. Идти туда надо было в обход, через мост. Я представил себе, как отец идет под дождем к горящей конюшне, совсем один в этой темноте, и мы тут тоже совсем одни...

И мне стало страшно.

Страх этот прошел, когда на следующий день я узнал подробности, как было дело. Оказывается, сторож куда-то ушел, и молния, как нарочно, ударила в крышу конюшни. Начался пожар, лошади метались и ржали в своих стойлах.

Они сгорели бы, если бы не Пират, сказал мне Витька Горячев, который жил ближе всех к конюшне и, по его словам, видел все своими глазами.

Этого Пирата я прекрасно знал – рыжий, огромный, заметно крупнее других лошадей, с широкой белой пролысиной на длинной морде, он держался важно и солидно, словно знал нечто такое, чего не знали другие лошади из колхозного табуна.

Выходит, и вправду знал, если сумел выбраться из стойла и освободить других лошадей, разбив ударами копыт ворота конюшни. Лошади выбежали на волю, никто не сгорел. Конюшню потушили подоспевшие мужики вместе с пьяным сторожем. И дождь тоже помог.

Я ужасался и восхищался – какой же молодец Пират, настоящий герой, да и остальные лошади тоже. Я просто заболел ими.

Хотя, если припомнить, они нравились мне и раньше. Я был совсем маленьким, и мы с папой и мамой возвращались к себе домой из деревни Березово от бабушки. В этой деревне я не заметил ни одной березы, и это стало предметом моих несколько отвлеченных размышлений. А наша деревня называлась Ровно, хотя в ней не было ровно ничего ровного, начиная от норова ее обитателей и кончая овражистой и холмистой местностью, где она находилась.

В пути нас застала сильная гроза – предшественница той, что через пару лет подожгла конюшню. Отец взял меня на руки, мама шла за нами в зеленом прозрачном плаще. Сверкали молнии, гремел гром, но на руках у отца мне было не страшно. Он укрыл меня своим китайским плащом «Дружба», и я смотрел на грозу из этой прорезиненной пещеры. На холме я увидел трех разномастных мокрых лошадей. Они сбились в кучу – рыжая, черная и белая – и безропотно стояли под сильным дождем. Их вид меня поразил.

– Папа, а это Африка? – спросил я, указывая на этих разноцветных, каких-то нездешних, как мне казалось, лошадей.

– Африка, конечно, это Африка... – рассмеялся отец и оглянулся на маму.

К коровам я был равнодушен, они были рядом, у соседки тети Поли – рыжая Тамара с кривыми нестрашными рогами и ее, тоже рыжая, дочь Майка. Овец же я панически боялся из-за того, что они неожиданно замирали и смотрели на тебя неподвижным, ничего не выражающим взглядом. Много позже я прочел у Василия Гроссмана про овец: «Глаза овцы как-то по-особому, отчужденно-стеклянно смотрят на человека, так не смотрят на человека глаза лошади, собаки, кошки...»

Особенно страшновато выглядели овцы по весне, когда они появлялись на улице, неровно стриженные «порожками», на тонких ногах и с нелепыми остатками шерсти между ушей, похожими на грязноватые шапочки.

Совсем другое дело загадочные и, как мне казалось, независимые лошади.

Мне нравились их крепкие ноги, необычно вылепленные уши. Говорили, что лошадь непременно утонет, если ей в уши попадет вода. До сих пор не знаю, так ли это.

А еще мне нравились круглые лошадиные копыта с тяжелыми подковами. Совсем не то, что раздвоенные и какие-то скучные коровьи. Никакого сравнения.

Я видел, как кузнец прибивал подкову, зажав между колен лошадиную ногу. Гвозди для подков были особые, конические, с прямоугольными шляпками, и отверстия в подковах тоже были под эти гвозди – прямоугольные.

Такие гвозди и назывались коротким и непонятным словом – ухнали. Торчащие из копыта кончики этих коротких гвоздей-ухналей кузнец плотно загибал к копыту, чтобы подкова не соскакивала. А уж самое острие откусывал клещами. И напоследок еще проходился по гвоздям и подкове грубым напильником.

Молоток стучал, клещи лязгали, напильник вжикал, а лошадь стояла смирно, хотя и было видно, что ей это совсем не по нраву.

Так что, читая у Маршака: «...враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя», я не особенно удивлялся. Гвоздь же не простой, а специальный – для подковы. Такого запросто могло и не оказаться в кузнице.

Нравилась мне и короткая лошадиная шерсть, так ровненько и плотно, волосок к волоску, обтягивающая лошадь. Нравились грива и хвост, из волос которого умельцы плели леску для рыбной ловли, а еще делали петли, прикрепляли их к дощечке и зимой, насыпав на дощечку каких-нибудь семян, ловили птиц.

Нравился и запах лошади. Не могу описать этот древний, сразу узнаваемый запах.

Особенно сильно пахло им в шорной – небольшой избушке, стоявшей неподалеку от конюшни. На ее стенах висели тяжелые пропотелые хомуты, в углу громоздились седёлки. Не седла, в которых сидят всадники, а седёлки, через которые пропускают чересседельник, когда запрягают лошадь. И еще деревянные дуги, тоже необходимейший предмет конской упряжи. В центре дуги, в самом ее закруглении было прикреплено железное колечко. К нему обычно привязывали повод уздечки, ну, и колокольчик. Колокольчиков к дуге в нашей деревне не привязывали, хотя я видел их в некоторых избах. Позеленевшие от старости, с витиеватой надписью по ободку: «Каво люблю таво дарую».

Вроде, это колечко под дугой называют зга. В метель и ночью его не видно, вот и говорят: не видно ни зги.

В шорной на наших глазах поссорились из-за дуги объездчик Аким с деревенским прозвищем Аряря за сбивчивую и нечленораздельную речь и наша школьная техничка – тетя Марфуша. Они начали отнимать друг у друга злосчастную дугу. Палец тети Марфуши попал в железное колечко. Аким рванул дугу и отломил палец. Помню этот мгновенно пожелтевший, словно восковой, палец, лежавший на замызганном полу шорной.

А на недалеком лугу паслись лошади.

И хотя теперь я понимаю, что это были самые обыкновенные колхозные лошади, замученные работой и небрежным уходом, – помню, как строптивая Битва вставала свечой на дыбы, не в силах сдвинуть с места тележный «ход» с тяжелым длинным бревном – но тогда они казались мне необыкновенными. Я знал их всех по именам, знал их повадки и очень хотел обращаться с ними так же запросто, как и мои сверстники.

Но всякую большую и настоящую любовь сопровождают трудности, на ее пути встают преграды, ей мешают досадные мелочи и недоразумения.

Колхозный табун летом обычно пасся на лугу за речкой.

Каждая деревенская семья по очереди должна была выделять кого-то, кто присматривал бы за лошадьми. Днем почти всех их разбирали на работы, а вечером пригоняли на луг. И забирали, и пригоняли лошадей обычно мальчишки, взрослые были заняты другими делами.

Мои родители были учителями, и на них эта повинность, к моему жгучему огорчению, не распространялась. Мне приходилось упрашивать ребят, чтобы они взяли меня с собой пасти лошадей. Хорошо, что у меня были настоящие друзья, тот же Шурик Сулоев или Толик Бурдин. С ними я целый день крутился у табуна. Более того, там мы катались на лошадях. Конечно, это громко сказано – на лошадях. Катались мы на Лягушке, гнедой низкорослой кобыле. Она была полновата и флегматична и почему-то почти всегда оставалась на лугу, в то время как других лошадей разбирали на всяческие работы – возить зерно или доски с пилорамы, тащить между грядок свеклы культиватор или ехать в город за хлебом. Девять километров туда, девять обратно с дощатой будкой, стоящей на телеге. В этой будке были плотно уложены буханки хлеба. Еще теплый! – говорили грузчики-добровольцы, терпеливо ждавшие привоза хлеба у магазина.

Да мало ли находилось дел, где нужны были лошади.

Думаю, что Лягушка была просто стара и к тому же ленива, поэтому брали ее неохотно, да и то на всякие пустяковые работы.

Но нас это вполне устраивало, похоже, и ее тоже. Лягушка безропотно подпускала нас к себе. С другими лошадьми это было непросто. Например, та же Битва, даже стреноженная, удирала, не давала схватить себя и надеть уздечку, каурилась. Да и другие лошади не стремились на работу. Такую строптивую конягу мы окружали кольцом и медленно смыкали его, приговаривая что-нибудь зазывно-льстивое и протягивая руки. Кольцо постепенно смыкалось, и кто-нибудь из загонщиков прыгал и вцеплялся в гриву лошади. Некоторое время она пыталась его сбросить, и это было зрелище, от которого у меня замирало сердце. Я понимал, что не смогу вот так прыгнуть и вцепиться в мечущуюся лошадь. Но признаться в этом было стыдно, и приходилось делать вид, что только какая-то ерунда в очередной раз помешала мне сделать этот прыжок.

Лягушка же безропотно позволяла надевать на себя «обротъ» – примитивное подобие уздечки, и так же безропотно и меланхолично плелась по лугу вокруг табуна.

Я ликовал и был уверен, что могу ездить на лошади. А тут как

раз подоспели каникулы, я закончил четвертый класс. Получил начальное образование и в некотором роде стал взрослым.

И заявил родителям, что буду работать в огородно-полевой бригаде вместе с ребятами. Помоему, родители даже обрадовались такому моему решению, все-таки буду при деле.

Утром я пришел в бригаду, бригадир записал меня в тетрадь и указал на лошадь. Я так и не понял: то ли лошадь была прикреплена ко мне, то ли я к лошади. Это был Комарик – ладный, коричневый конек, который всегда мне нравился.

Не помню, что мы, мальчишки, делали днем, наверно, разбирали инвентарь в сарае. Но вот наступил вечер, лошадей пригнали в расположение бригады, и теперь нам надо было отогнать их в табун.

Я довольно ловко вскарабкался на своего любимого – я полюбил его сразу – Комарика, и мы помчались.

Ни седла, ни уздечки на лошадях не было. У некоторых ребят имелись свои уздечки, у иных «оброти» – некое подобие уздечки; к «оброти», например, привязывалась веревка, если лошадь паслась на привязи. В основном обходились лыковыми путами. То есть, плетеными из липового лыка короткими веревками. На одном конце такой веревки был узел, а на другом петля. Этими путами связывали передние ноги лошади, чтобы далеко не ушла из табуна. Путами подхлестывали лошадь или хлопали ее по морде, заставляя поворачивать в нужную сторону.

Путо на Комарике было, висело на шее, словно тесное ожерелье. Но я даже и снять его не успел, потому что ребята сразу же пустили лошадей вскачь.

И тут мой смирный конек удивил меня. Он действительно считался смирным. Зная норов всех этих Ночек, Серых, Монахов, Звездочек, Зорек, я знал и Комарика. Знать-то знал, но, как выяснилось, не очень хорошо. Мой Комарик оказался компанейским парнем.

Некоторые лошади не любят, чтобы их обгоняли, изо всех сил рвутся вперед. Нет, таким честолюбием Комарик не обладал. Но и отставать от всех он не любил. Ему нравилось быть в компании. Все идут шагом, и он тоже, все в галоп, и он заодно. Придержать я его не мог, и нечем было, да он бы меня и не послушался.

Наш с ним галоп длился недолго: попрыгав на костлявой – и это тоже было не очень приятное открытие – лошадиной спине, я свалился на дорогу. Ребята приостановились, помогли мне сесть на лошадь и снова погнали вперед. И я опять упал, на этот раз в какую-то канаву, заросшую лопухами и крапивой. Пока мы добрались до табуна, я грохался с невозмутимого Комарика еще несколько раз. И понял, что моя езда на сонной Лягушке – полная ерунда, и ездить по-настоящему я не умею.

Ребятам совсем не нравилось, что из-за меня срывается их лихая скачка, и они тут же принялись учить меня ездить «по-настоящему». Думаю, не только из-за того, что я отставал и задерживал их, а просто это была еще одна из забав – довольно жестокая, как многие из наших тогдашних забав.

Учеба была простой и суровой. Меня сажали на ту самую непослушную Битву, а потом кто-нибудь сзади хлестал ее прутом. Битва, даже не всхрапнув, а как-то коротко и яростно огрызнувшись, тут же срывалась в галоп, я немедленно падал, и все повторялось сначала. Напрасно я цеплялся за гриву, это только раздражало лошадь. На Битве даже была уздечка – Витька Горячев был наездник со стажем. И напрасно я дергал поводья уздечки – страх был сильнее меня, и я падал. В очередной раз, когда лошадь подстегнули прутом, а меня подстегнул страх, в ожидании неизбежного падения я обреченно расслабился – и вдруг почувствовал ритм, в котором скакала Битва. Каким-то образом я понял, что мне надо слиться с этим ритмом, не напрягаться, не цепляться за лошадь, тем более что, кроме гривы, там и цепляться-то было не за что.

Я не упал и даже сумел повернуть Битву к табуну.

Больше мы с Комариком не отставали.

Так я научился ездить «по-настоящему». Мог даже стоять на лошадиной спине, правда, когда лошадь шла шагом. Мало того, мог вскочить на необъезженную молодую лошадь и продержаться на ней какое-то время, что у нас считалось особым лихачеством.

Мне пришлось пройти еще через одно не очень приятное испытание. Ездили мы, конечно, без седла, а лошади были довольно костлявые. Так что через неделю на моих ягодицах образовались две больших саднящих потертости. За ночь они подсыхали, но стоило только мне сесть на лошадь, как они лопались и начинали болеть, да так, что я еле терпел. И опять на помощь пришли ребята. Они-то уже давно прошли через это. Неделю я ходил пешком. Пока жопа подживет, как лаконично сказали мои друзья. А Комарик скакал, пристегнутый путами к другой лошади. Зато потом, когда все зажило, я мог сидеть на лошади любой, даже повышенной, костлявости – и ничего. Никогда больше этих мучительных ссадин не появлялось.

Я обзавелся собственной уздечкой, одежда моя насквозь пропиталась запахом лошади, и мама не разрешала входить в ней в дом. Одежду и уздечку я хозяйственно вешал на гвоздь в сенях. А утром брал кусок черного хлеба, посыпал его крупной солью и шел в табун, к Комарику.

Это было счастливое лето, я не расставался с лошадьми и ребятами.

Помню, как в заднее копыто Серого впилось донышко бутылки с острым стеклянным шипом. Мы столпились вокруг неловко поджавшего ногу мерина. Я уже к этому времени знал трагическую разницу между жеребцом и мерином.

Решено было вынуть донышко, что мы и проделали. В копыте, вернее, в промежутке между роговыми его извилинами, зияла рана. Мы, недолго думая, решили лечить Серого. По очереди вставали на колени перед этим кровоточащим копытом и пускали в рану струйку мочи. Серый, явно понимая, что мы заботимся о нем, стоял смирно и не дергался, а ведь ему было больно, и он мог бы любого из нас ударом копыта оставить без перспективы счастливого отцовства.

Так что повторяю – это было счастливое лето.

ВОДОПРОВОД

За домом, где жила наша семья, был вишневый сад. Звучит красиво – вишневый сад. На самом деле неказистые серые вишневые деревья, высаженные квадратом, окружали заросший бурьяном пустырь. Когда вишни цвели, это было красиво. Но я тогда не обращал внимания на красоту.

Этот запущенный, неухоженный сад считался колхозным, но скорее был ничей, а вернее, принадлежал деревенским детям. Здесь мы играли, строили «штабы», лазили по шершавым и сучковатым деревьям, рвали недозрелые розовые вишни, отдирали от стволов наплывы желтоватой или темно-коричневой вишневой смолы с клейким сложным вкусом.

И вдруг пустырь внутри сада начали расчищать. А до этого прошел слух, что в нашей деревне будут проводить водопровод. Не в каждый дом, а просто установят на улицах колонки.

Прошлым летом в деревню провели радио, так что слух походил на правду. Наверно, цивилизация решила всерьез шагнуть в наше захолустье.

До этого единственный на всю деревню радиоприемник был у нас в доме. Отец установил на огороде шесты, растянул антенну и присоединил ее к детекторному (до сих пор не знаю, что это такое) приемнику «Комсомолец» с силуэтом Спасской башни и кремлевской стены на толстом пластмассовом корпусе. Этот хриплый «Комсомолец» работал от больших и тяжелых батарей, которые отец приносил из города. Батареи вечно садились, отец соединял их в громоздкие блоки, приемник трещал, звук куда-то уплывал, и тогда из динамика слышался заунывный космический гул.

Помню заостренные спички, воткнутые в разноцветное нутро приемника, отец ловил какие-то станции и пытался удержать волну. Кстати, этот трюк с заостренными спичками я увидел гораздо позже, уже в Москве. Мой друг втыкал их в механизм своего магнитофона, измученного джазовыми ритмами. Так что, спички в среде любителей акустики столь же традиционный и незаменимый инструмент, как рычаг в механике или скальпель в хирургии.

Для того чтобы в дом провели радио, от домовладельца требовалось прорыть узкую канаву от дома к улице. А по улице трактор протащил деревянные сани, на которых было установлено нечто вроде плуга и катушки с двухжильным проводом. Плуг прорезал в земле щель, в нее укладывался провод, а уж от него к домам разбегались индивидуальные ответвления.

Все это проделали довольно быстро, и в каждом доме немедленно заиграло радио. Репродукторы были включены на полную громкость и никогда не выключались. Так что летом можно было идти по улице и непрерывно слушать какую-либо передачу – «Театр у микрофона» или «Концерт по заявкам», а то и оперу, «Семен Котко», например. В некоторых домах даже выставляли радиоприемник в раскрытое окно.

И вот теперь наступила пора водопровода, можно сказать – эра водопровода, если вспомнить про водопровод, «сработанный еще рабами Рима». Но «срабатывали» водопровод у нас не рабы, а вольные и поэтому несколько бесшабашные и размашистые пришлые мужики.

Мы их называли бурильщиками. Они бурили довольно долго, а мы с ребятами гадали, как глубоко под землей находится вода.

Высказывались даже предположения, что так можно добуриться и до центра Земли. Помню, меня поразило это неслыханное открытие: оказывается, из нашей незаметной нечерноземной деревни можно пробить скважину до центра Земного шара. Деревня как-то сразу обрела географическое измерение.

Одновременно с бурением на нашем вишневом пустыре начали строить высокую водонапорную башню. Внутри нее установили огромный ржавый бак. Бак этот привезли еще зимой на тракторных санях. Сережка Денисов, только что вернувшийся из армии, где он геройски, по его словам, служил в погранвойсках и задержал «до ... нарушителей границы», рассказывал, как он мерз внутри этого бака.

– Загрузили и поехали. Еле тащились, ну, б...! А мороз, знаешь, на ..., какой! Уцепишься, на ..., за трос внутри бака и вот дергаешься сколько есть сил, греешься, на... Ну, б...!

Я смягчаю его морозную пограничную речь, но примерно так был словесно окрашен наш только-только начинающийся водопровод. Подобная лексическая оправа присуща всем деревенским делам и начинаниям – большим и малым. Оправа или, скажем, острая приправа извечного деревенского скепсиса к любым проявлениям прогресса, даже если его плодами вполне успешно пользовались.

Построили башню из грубого, непропеченного кирпича, в чем я убеждаюсь каждый раз, когда приезжаю в родную деревню и смотрю на руину, оставшуюся от этого грандиозного по тогдашним временам сооружения.

Башня выглядела пришельцем-исполином со шпилем-громоотводом на тесовой крыше, она возвышалась над нашим кротким

деревенским простором, напоминая мне башни замка из романа «Айвенго».

Но даже и эта красная кирпичная башня померкла, когда рядом с ней собрали ажурный металлический ветряк. Этот гляделся уж совсем чужаком-иностранцем. Хотя что-то и родное, журавлиное в нем тоже было. Ветряк размашисто вращал алюминиевыми лопастями и качал воду из артезианской скважины в бак. На его площадку можно было влезть по металлическим скобам. С этой высоты открывался обзор, недоступный даже с самого высокого дерева. Видно было всю деревню с ее серебристыми крышами из дранки, а кое-где виднелись и желтовато-серые соломенные, хочется сказать, кровли.

Деревня с этой верхотуры выглядела помолодевшей и ожившейся. Казалось, еще немного, и она под бодрый авиационный рокот лопастей взлетит и перенесется прямо в светлое будущее. В будущее, о котором с утра до ночи пели-заливались радиоточки, в будущее, где в трубах будет весело булькать водопроводная вода, в будущее, где наконец-то в дома войдет электричество и четко щелкнет выключателем.

Началось рытье траншей для водопроводных труб. Каждому дому выделялся кусок улицы. Все взялись за лопаты. Копали, стараясь не ударить в грязь лицом друг перед другом. Траншеи рыли глубокие, чтобы трубы не промерзали зимой. И не только глубокие, но почему-то еще и широкие. И когда рыжая кривorогая корова Тамара, принадлежащая нашей соседке тете Поле, возвращаясь с пастбища, свалилась в траншею, то до дома она добралась, как бывалый пехотинец. Тетя Поля со своей немножко странноватой племянницей Парашей долго не могли понять, откуда доносится такой знакомый рев. А когда увидели в траншее родную Тамару, то одновременно закричали, причем Параша ревела совершенно неотличимо от Тамары. На их крик прибежало полдеревни. Извлечение бедной Тамары проходило долго и трудно. За это время я значительно пополнил свой словарный запас и твердо уяснил, куда надо отправить этот ... водопровод.

Параша (Параха по-деревенски) всегда громко и ни к кому не обращаясь говорила. Мне казалось, что голосом она подтверждала реальность своего существования, опиралась на него, как на посох. В собеседнике она не нуждалась, его заменяла корова. Они даже были похожи друг на друга. С коровой Параша делилась своим недоумением от несовершенства мира. Она никак, например, не могла смириться с моим именем.

– Чего выдумали... Гена... Ну, какой Гена? Нету такого имени. Игнат! – как-то раз счастливо осенило ее, – что Гена, что Игнат, одно и то же.

Так я стал Игнатом, и мне даже нравилось, когда Параша называла меня этим именем. В деревне у всех были настоящие фамилии и фамилии уличные. Причем настоящие были не в ходу. Помню мое удивление, когда в первом классе я обнаружил, что Витька Комарёв на самом деле Тимохин. А Васька, внук деда Гриши Хорька, вовсе не Хорек, а Потекаев. Так что наличие второго имени уравнивало меня со всеми, наверно, даже немного путало злых духов, которые захотели бы причинить мне неприятности.

После происшествия с любимой коровой Параша несколько дней беспрерывно, как спортивный комментатор, ведущий репортаж с главного матча сезона, рассуждала об этих проклятых траншеях, о том, что водопровод не к добру, и лучше бы зарыть поскорее эти ямы.

Рыжая Тамара наверняка была с ней согласна, но зато соседи не обращали на пророчества Параши никакого внимания и продолжали копать.

Копали по всей деревне и то и дело находили трехгранные штыки, немецкие ребристые термосы, каски, а кто-то даже откопал автомат ППШ. Как писали, да и сейчас пишут, в газетах – эхо войны.

Трубы не укладывали еще долго, и мужики наловчились извлекать из траншей коров с завидной сноровкой. О курах, поросятах и говорить нечего. А козы выбирались сами.

Попутно с этими происшествиями постоянно замолкали радиоточки. Когда рыли траншеи, неизбежно обрывали двухжильный провод, и безостановочно работавший репродуктор немел. Начинались взаимные обвинения в злонамеренном обрыве, порой доходившие до драк. А один умелец, чтобы отомстить за свое умолкнувшее радио, воткнул иголку в оболочку провода, шедшего к репродуктору соседа, и перемкнул контакты. В конечном итоге он был изобличен и соответственно наказан. Так одно прогрессивное начинание вступило в противоречие с другим, не менее прогрессивным.

Трубы в конце концов уложили, траншеи засыпали, на улицах установили колонки, и на какое-то время нашим любимым развлечением стало одной рукой давить на тугой рычаг, другой зажимать кран и окатывать зазевавшихся друзей веселой, холодной струей. Если же никого рядом не оказывалось, то можно было просто любоваться сверкающим водяным веером или стараться как можно дальше запустить водяную струю.

Пользоваться водой из колонки никто, однако, не спешил. Вода эта ощутимо отдавала ржавчиной. А если ее налить в стеклянную банку, то через пару часов у дна банки начинал колыхаться густой коричневый осадок.

– Пройдет! – авторитетно и снисходительно к деревенской темноте заявляли пришлые водопроводчики в бывалых, промасленных бушлатах. – Вот отстоится немного, прокачается и будет как слеза!

– Ни ... не пройдет! – не менее авторитетно возражал пограничник Денисов, проделавший немалый зимний путь внутри ледяного

бака и знавший, что говорит. – Он же весь ржавый, на ...! А в воде еще больше, на ..., ржаветь начнет.

Так что за водой, или, как говорили в деревне, по воду, для питья и для стряпни по-прежнему ходили «под берег». Там текла мелкая речка Вырка с каменистым дном, у которого шныряли стайки пескарей.

«Под берегом», то есть, на берегу речки была выкопана не очень глубокая – так, чтобы влезло ведро – ямка. На сером дне этой ямки шевелился небольшой песчаный бархан. Это родник выносил из темной глубины на свет божий мелкий желтый песок и как бы перебирал его своим пульсирующим биением. Ямка до краев была наполнена чистой и ледяной родниковой водой. Вот туда-то все и ходили с ведрами и коромыслами. Ходил и я, правда, не с ведрами, а с алюминиевым бидоном. В моем сознании алюминий этого бидона каким-то образом перекликался с лопастями ветряка, жужжавшего на горе над речкой. Это была какая-то неуловимая связь между водой из родника и водой из колонки.

Ведра с водой носить на коромысле было трудно. Прекрасно это делал отец. Бывало, пойдем с ним «под берег», он наберет два ведра воды, подвесит их на коромысле, а еще два ведра возьмет в свободные руки и легко, без остановки, поднимается по крутому склону. Я со своим бидоном тащусь по тропинке сзади и все гляжу – не плеснется ли вода из ведер. Нет, не плещется. А у меня, когда я хожу за водой с ведром и тащу его в гору, в конце пути остается всего полведра воды, а мои штаны мокры от колен до пяток.

Кстати, за эту «ямку под берегом» отца в письмах бранили его московские тети. Николай, так примерно писали они, почему ты забился в эту дыру, где даже воду берут из какой-то ямы. У тебя же высшее образование, ты мог бы найти работу в приличном месте. А дети! Что они там видят? В конце концов, надо подумать и об их образовании...

Тетки были «старорежимные», когда-то окончили гимназии, жили в Москве, а одна из них работала машинисткой в Кремле. Меня это не очень впечатляло, а вот письма, отпечатанные на машинке, я рассматривал с интересом. В деревне пишущих машинок не было.

Лето уже заканчивалось, а из колонок по-прежнему текла ржавая вода, и путь «под берег» не зарастал. Прогресс топтался у порога и не решался перешагнуть его. Угрюмо и недоверчиво глядело на него настоящее с водой из ямки, с желтым светом закопченных керосиновых ламп, с избами под соломенными кровлями, а кое-где и с земляными полами. Нам, мальчишкам, эти полы нравились, на них можно было и зимой играть в ножички.

Председатель колхоза с мягкой фамилией Иевлев был явно огорчен такой незадачей с водопроводом. Сам-то он старался идти в ногу со временем. Его, городского жителя, рекомендовал на пост председателя райком партии. Помню выборное собрание на улице перед школой. Мы с Шуриком Сулоевым пробрались к столу президиума, и Шурик, схватив ручку-вставочку с пером 86, написал фиолетовыми чернилами на какой-то бумажке – «Иевлев». Помню, как отливали зеленью на солнце непросохшие фиолетовые чернила. Так мне эта фамилия и врезалась в память.

Поначалу новый председатель объезжал колхозные угодья на лошади. Для этого колхоз купил ему жеребца Героя, белого с просвечивающей сквозь шерсть розоватой кожей. До сих пор не понимаю, почему именно жеребца. Ведь жеребцы злые и непослушные звери, не то что мерины, обреченно расставшиеся со всеми иллюзиями.

Вскоре председатель пересел на красный велосипед с фарой на руле. Так было современнее. А Герой шатался вокруг табуна, как дикий мустанг, и наводил на всех страх и трепет.

Но на велосипеде мотаться по полям было совсем неудобно, и тогда колхозом была приобретена новенькая серая «Победа».

Деревня онемела и притихла.

На «Победе» председатель по полям не ездил. Отправлялся на совещание «в район», за опытом в соседние колхозы, «в область» и по другим не менее важным и нужным делам и направлениям.

На свою беду, в шоферы себе он выбрал дядю Кирюшу Степочкина, нашего соседа.

Дядя Кирюша был мастером на все руки, прекрасно разбирался в любой технике, лихо водил машину, не чуждался и пчеловодства. Эту сферу его интересов, особенно когда он качал мед, я сполна и болезненно прочувствовал на собственной шкуре.

Все бы хорошо, но дядю Кирюшу (Кирюху, как его звали на деревне) подводило чрезмерное увлечение выпивкой, к которой, по его словам, он пристрастился на фронте, а еще врожденная удаль, удесятерявшаяся, стоило ему принять на грудь. В таком виде он был способен на все. Нашу округу периодически сотрясали скандалы дяди Кирюши с тетей Дусей, его женой. Тетя Дуся тоже была фронтовичка. Она работала медсестрой, курила папиросы «Север» и мастерски делала уколы. Это ее умение перекликалось у меня с пчелами дяди Кирюши.

Поскольку мы жили рядом, то их боевые схватки проходили на наших глазах. Два фронтовика умели воевать и не уступали друг другу ни в тактике, ни в стратегии, твердо удерживали завоеванные позиции. Это тоже было эхо войны.

Похоже, дядя Кирюша не спешил расставаться со своим боевым прошлым. Когда мы поселились в доме по соседству, он, чтобы проверить соседа на крепость, как-то ночью выстрелом из винтовки разнес нашу печную трубу. Винтовку он прихватил с войны и хитроумно хранил ее в соломенной застрехе крыши. Кстати, с фронта он вернулся в

каких-то диковинных красных сапогах и довольно долго щеголял в них в любое время года. Во всяком случае, я их отчетливо помню.

Отец тоже воевал, и его разговор с Кириллом был краток. Даже не разговор, а скоротечная рукопашная схватка. После этого дядя Кирюша притих и зауважал отца. Я как-то раз услышал, как он убежденно говорил своему очередному собутыльнику: «Сосед у меня человек...»

Коли уж прозвучала военная нотка, то стоит добавить, что наш колхоз носил имя легендарного полководца Чапаева. Это не то чтобы оправдывало, но как-то объясняло поступки многих членов этого коллективного хозяйства, а необычные сапоги дяди Кирюши как бы напоминали о лихих атаках красных кавалеристов.

И вот этого человека Иевлев назначил своим шофером. Сначала дядя Кирюша был преисполнен чувством собственной значимости, он явно ощущал себя государственным человеком. Утром ездил в город за председателем – тот жил в районном городке и в руководимый им колхоз переезжать не собирался. Вечером отвозил председателя и возвращался в деревню.

Помню, я брел домой, и почти уже у дома меня нагнала «Победа». Резко затормозила (надо добавить неизбежное: «взбив густое облако пыли», асфальта же не было), взбив густое облако пыли, и дядя Кирюша царственным жестом распахнул дверцу:

– Прошу!

Я впервые оказался в необыкновенном нутре легкового автомобиля. Не могу сказать, что я испытал, понравилось ли мне или, что вряд ли, не очень. Просто это было какое-то другое измерение, его надо было впитать и, рассказывая друзьям, осмыслить. До этого я ездил только в кузове «полуторки», да еще в кабине трактора «К-64»: отец моего друга, Толика Бурдина, был трактористом, и нам порой перепадала возможность проехаться по разбитой деревенской улице на тракторе и даже подергать за стальные тракторные рычаги.

Помню, родители смеялись, когда у нашего дома остановилась «Победа» и из нее с неопределенным выражением лица вылез я.

Служебное рвение дяди Кирюши длилось недолго. Все чаще, отвезя Иевлева в город, он отправлялся в самостоятельное плавание, порой с весьма ненадежным экипажем на борту. На «Победе» появились вмятины и царапины, из ее выхлопной трубы струился едкий, черный, вроде пиратского флага, дым. Потом выхлопная труба отвалилась и потерялась. Теперь машина мчалась по большаку с танковым ревом. Дядя Кирюша не спешил с установкой нового глушителя. Наверно, этот грозный рев напоминал ему совсем недавнее боевое прошлое, в нем ему слышалось раскатистое эхо войны.

А ржавая вода все текла, все струилась...

Решено было промыть всю систему каким-то раствором, назовем его каустиком. Выполнение этой миссии было возложено на технического умельца дядю Кирюшу. Это было очередной ошибкой председателя: деньги, выданные на чудо-средство, личный шофер потратил на покупку совсем других веществ, коими тут же и промыл свою собственную систему. К процедуре промывания присоединился и его бесшабашный экипаж. Процесс затянулся, дядя Кирюша на несколько дней исчез с общественного горизонта.

Не знаю уж, как добирался Иевлев до колхоза имени легендарного комдива, но, добравшись, он тут же начинал заниматься поисками своего технического специалиста. Дядя Кирюша, используя свой фронтовой опыт, маскировался и маневрировал. Наконец их встреча состоялась. И произошло это напротив дома деда Гриши Хорька, у огромной, никогда не просыхающей лужи.

Завидев взбешенного председателя, дядя Кирюша с неистребимой солдатской смекалкой вошел в своих красных сапогах в зеленоватые тяжелые воды лужи и закрепился в самом ее центре.

– Степочкин! Степочкин, немедленно выходите! Слышите, Степочкин? Я вас под суд отдам! Выходи, ...! Срок получишь, на ...! Выходи, ..., сюда, кому говорю!

Иевлев бегал в своих городских штиблетах по берегам лужи и походил на курицу, внезапно обнаружившую, что ее любимый цыпленок оказался утенком, и притом довольно гадким.

Дядя Кирюша отвечал ему с истинно солдатским достоинством и красноречием. По-моему, после этой, в некотором роде исторической, встречи вода в луже стала соленой, впитав в себя все речевые изыски собеседников.

Как-то незаметно Иевлев исчез из колхоза, дядя Кирюша, счастливо избежав обещанного суда, сосредоточился на домашних слесарных работах: всегда надо было кому-нибудь что-нибудь починить, а потом и вспрыснуть это дело.

Со временем, как я уже и говорил, водонапорная башня превратилась в руину, журавлиный ажурный ветряк, в последний раз взмахнув алюминиевым крылом, куда-то бесследно исчез, вслед за ним незаметно исчезли с улиц и колонки.

И только трубы остались под землей. Лежат они там и сейчас, забытые всеми, с ослепшей и замершей в них водой прошлого века.

А в ямке «под берегом» по-прежнему пульсирует родник, все стремится из земной толщи наверх, все перебирает и перебирает легкий желтый песок.

НАЧАЛО

Недавно мне позвонили из одного журнала и попросили ответить на вопрос, как я начал писать стихи. С чего, собственно, все у меня началось?

Стихи? Да я и не подозревал, что это такое. В школе, конечно, «проходили» Пушкина, Некра-

сова, помню что-то из Никитина: «Куст заденешь плечом, на лицо тебе вдруг с листьев брызнет роса серебристая». Было похоже на правду, такое доводилось переживать, например, на рыбалке, но все это оставалось на бумаге, в школьной программе – выучил, ответил, забыл.

Вокруг шла серьезная жизнь, вокруг была послевоенная, а оттого по бедному, деревянно-лыковому укладу почти бунинская деревня, где рифмованную речь можно было услышать лишь в частушках, всерьез говоривших, так сказать, о суровой правде жизни, о подлинных и мнимых ее ценностях.

На горе-горушке
Дрались побирушки.
Мужик бабу за виски –
Отдавай мои куски!

«Виски» в данном случае – это волосы. Так и говорили: виски отросли... Эта частушка из тех немногих, что можно процитировать. И еще бесчисленные «складные» поговорки, присказки, присловья, по большей части относившиеся к телесному низу и всем его функциям. Этих органов и функций было, в сущности, не так уж и много, но их осмысление и вербальное воплощение отличалось неиссякаемой изобретательностью. Чуть позже появились песни вроде «Мы идем по Уругваю....» Стихи оставались далеки от меня, так же, как этот самый неведомый Уругвай, про который мы горланили в морозной ночи, возвращаясь после киносеанса из клуба соседней деревни.

Наверно, это тоже было какоето начало.

Время было послевоенное, в деревню заходили нищие, стучали в дома и просили милостыню. Помню двух из них. Один благообразный, седобородый, в длинной белой, подпоясанной веревочкой, рубахе и лаптях. Он становился на колени у порога и затягивал: «Христа ради...» Мне он казался каким-то сказочным персонажем, каликой перехожим. А второй – худой, высокий, в кепке, которая от долгой службы приняла очертания его черепа и скорее походила на скульптурное изваяние кепки. Он просил требовательно и при этом смотрел в сторону. Помню, как он проходил нашим проулком, и на него залаяла собака. Нищий резко обернулся, из-под козырька косо и хищно блеснул глазами, но сдержался, лишь перехватил покрепче свою ореховую палку со срезанной спиралью лентой коры.

Появление в деревне цыганского табора походило на праздник. Ехали телеги, сбруя на лошадях была увешана бубенцами, дуги перевиты цветными лентами. Вокруг с лаем бегали большие собаки, с телег дерзко смотрели смуглые мужчины в распахнутых полушубках. Они ставили шатры на окраине, разводили костры, а пестрые цыганки рассыпались по деревенским дворам, предлагая женщинам свои лукавые услуги.

Помню, как возле магазина маленький, лет семи, цыганенок предлагал за деньги спеть, сплясать и даже «сплясать на пузе». Один из наших ребят, из тех, что были повзрослее, сунул ему монету: давай!

– А как тебя зовут? – уточнил цыганенок.

– Серега...

Цыганенок довольно формально затопал босыми ногами, захлопал в ладоши и спел, отчаянно блестя антрацитовыми зрачками и синими белками:

Ой, Сережа, дорогой,
Я тебя уважу:
На макушку насеру,
Палочкой размажу!

– А на пузе?.. – после некоторой паузы спросил растерянный заказчик.

– Видишь, как грязно? – резонно ответил цыганенок и указал на землю. Действительно, не плясать же «на пузе» в таком замусоренном месте. Сам исполнитель тоже был отнюдь не в белоснежном одеянии.

Наверно, тогда я интуитивно понял, какую дополнительную силу и убедительность обретает слово, обращенное непосредственно к конкретному человеку, «целевой аудитории», как сказали бы сейчас.

И это тоже походило на начало.

Отец любил Пушкина, знал почти всего «Евгения Онегина» наизусть и при случае любил щегольнуть этим. Но я относил это к числу его чудачеств, неких духовных трофеев, вроде той же вполне вещественной трофейной опасной немецкой бритвы или летного кожаного шлема, которые он привез с войны. Бритва была мне не нужна, летный шлем тоже был в деревне как-то ни к чему, значит, и стихи необязательны. Сила пушкинских строк, ритм онегинской строфы ничуть не задевали меня. Говорю же, серьезная жизнь была вокруг, «без черемухи» и стихов. Не считать же стихами то, что я барабанил на «монтаже» по праздникам в школе:

Кремлевские звезды над нами горят,
Повсюду доходит их свет!
Хорошая Родина есть у ребят,
И лучше той Родины нет!

Вернее, именно это я и считал стихами. И разве это могло заинтересовать, увлечь в «Страну Поэзии»? Так кокетливо называлась рубрика в еженедельнике, в котором много позже мне довелось работать.

Да и отрочество, на удивление, тоже как-то обошлось без стихов. Помню, я пытался что-то сочинить какой-то девочке, но ничего не получилось, и я удовольствовался крадеными строчками из песни, услышанной из постоянно бубнящего, непрерывно поющего про успехи «хорошей родины» репродуктора.

Тогда я жил в нашем уездном городе. Снимал вот именно что угол в большой городской семье, в их типичном провинциальном – кирпичный низ, деревянный верх, герани за чистыми оконными стеклами – доме, и учился в девятом классе.

Я сильно тосковал по своему дому, по семье, как оказалось чуть позже, доживавшей в полном составе последние месяцы.

В пятницу вечером (уроки были во вторую смену) или в субботу утром я шел домой, не обращая внимания на погоду. Идти надо было, если в обход на мост через Оку, то четырнадцать километров, а зимой по льду Оки, «на тот берег» – всего-то пять.

В начале апреля, в субботу, я и проскочил по мокрому уже льду домой, а в воскресенье мама разбудила меня.

– Гена, вставай. Ока пошла...

И действительно, в окно было видно, как по вздувшейся за ночь реке сплошным потоком несутся льдины, порой медленно, с тугим усилием становясь на ребро и показывая влажную, сизовато-синюю прозрачную изнанку. И грохот ледохода, этого шумного и торжественного действа, тоже был отчетливо слышен. До «орловского» льда, до темных, почти черных от копоти орловских заводов льдин еще было дня три, если не больше. Да и то Ока не сразу после этого пойдет на убыль, еще постоит, принимая в просторный разлив стаи уток и всякой другой водяной птицы.

Это означало, что мне срочно надо было возвращаться в город. Иначе Ока разольется еще шире, и я уже не пройду на железнодорожный мост. Наш ближайший, самый обычный бревенчатый мост был затоплен недели на две. Почему-то пропустить школьные занятия было немыслимо. Об этом даже и речи не шло. Да и то – две недели, что я провел бы среди разлива, срок немалый. И пришлось мне наскоро собираться, надевать кирзовые сапоги (сколько верст отмахал я в этой незаменимой обуви!) и немедля отправляться.

Мост вроде вот он – из нашего окна в апрельском утреннем тумане виднеются ажурные фермы, – а идти надо в обход. Ока ползет вверх, заполняя все овраги, с натугой запихивая в них тяжелые льдины, заливая все низины, перерезая дороги. Надо идти верхами, по высоким косогорам, по опушкам перелесков. И неизвестно, сколько километров получится. Скажу одно – вышел я рано утром, а к мосту пришел уже в сумерках. В дни разлива через этот мост пускали, в другие же дни часовой еще издали махал винтовкой: не подходи! Я шел, проваливаясь в рыхлые зажоры, оказываясь по пояс, а то и выше, в пропитанном водой зернистом шершавом снегу. Вылезал, выжимал одежду, выливал воду из сапог и отправлялся дальше.

И вот в разгар этой разгоряченной, сосредоточенной ходьбы что-то, как пишут в романах, шевельнулось во мне; в такт шагам, на помощь им возник какой-то непонятный, но мой, я это сразу почувствовал, ритм, требующий слов, да не просто слов, а каких-то особых и рифмующихся слов.

Не помню, что я бубнил в своем восторженном состоянии, какие слова и как складывал, составляя из них строчки. Наверняка что-нибудь бодрое и романтичное, наподобие того, что слышал по тому же радио или в кино. Но зато помню, что это был мой ритм, моя мелодия. И она мычала и ворочалась во мне, ища форму, которая совпала бы с этим высоким солнечным апрельским днем, с этим небосводом и его чуточку пушистой синевой, с этим по-весеннему туманным простором и с этой рокочущей рекой, с ее мускулистым, быстрым потоком, ворочающим в своей растущей на глазах шири огромные льдины.

Это точно было начало.

С тех пор что-то подобное стало приходить ко мне все чаще. Ворочалось, беспокоило, требовало.

Я пытался писать, но ничего хорошего из этого не выходило. Как я завидую людям, которые, по их словам, начинали говорить и писать в рифму чуть ли не в младенчестве! Иногда мне казалось, что вот – получилось, но при ближайшем рассмотрении это оказывалось совсем, совсем не то, что так просилось на волю, гудело, шелестело листвой, свистело ветром, шуршало снегом.

Так это и длилось. Я отдал дань Есенину, доступному мне тогда поэту. Что-то такое: «По полям гуляет черный ветер, в тусклом свете месяца кривого, словно ветер лета не заметил, словно ветру жить уже не много...»

Начало?..

К тому времени в моей жизни, как это бывает в молодости, произошло много перемен, в том числе и географических. В одиннадцатом классе, уже далеко от Оки с ее ледоходами, серьезная девочка Ира Гилярова дала мне серый томик Пастернака. Я прочел его и, разумеется, ничего не понял. Прочел еще раз и с нигилистическим подростковым гонором, с каким-то саркастическим и, как мне казалось, остроумным замечанием вернул его Ире.

Каково же было мое изумление, когда через несколько дней стихи, строфы, строчки стали неожиданно всплывать в моей памяти. От этого они не становились понятнее: «И какую-то черную доведь, /И – с тоскою какою-то бешеной –/К преставлению света готовит, /Конноборцем над пешками пешими...» Но это было уже и не важно. Вот она музыка, мелодия, мычание и бормотание, воплотившееся в совершенной словесной полноте. И вот что мне надо искать.

Поиски продолжаются до сих пор. Беспроигрышных автоматических навыков я так и не приобрел, все время возвращаюсь к манящему, неуловимому, вечно дробящемуся ритму, к вечному началу.

Ко льду, плывущему по широкой реке.

Татьяна ФИРСТОВА

Поэт, прозаик, публицист. Член Московского союза литераторов. Стихи и рассказы опубликованы во многих сборниках, журналах и альманахах. Автор книг стихов «Уверенность» и «Точка росы». Живет в г. Москве.

СТЕПАНЫЧ
(РАССКАЗЫ)

ХОЖДЕНИЕ ПО ВОДАМ

Жил Игорь Степаныч, немолодой, но крепкий человек. В городе жил, в спальном районе. У Игоря Степаныча была жена и теща. А детей – нет, не было. Потому как неудачно Степаныч в армии свинкой переболел. И мужская доблесть осталась, а смысл в ней пропал.

Но так-то Степаныч дельный был. И дома хозяйствовал, и безропотно огородом занимался. Жена его, Вера, тоже была работящая и приветливая. Даже теща не особо мешала. Побухтит иногда, что зять в семейных трусах по дому ходит, погремит сердито мослами и в каморке своей уймется. Беспокойная была, но не злая – просто не в себе немного.

...И вот затосковал Игорь Степаныч.

Вышел как-то утром из дачной дверки, чахлым тюлем задернутой, взглянул на две линялые задницы, мерно ползущие к огородному горизонту. Костлявый – тещин, пухлый – жены. И две эти задницы разговаривали и хихикали. Сюрреализм жизни больно ударил по проснувшимся глазам Игоря Степаныча.

И душа дико затомилась.

Отпросился он в город по делам, полёг там в квартире на пол и почти отключился с вопросом: «Зачем», в голове.

Поскольку дверь в квартиру была открыта настежь, вошел туда сосед Серёга – мелкий, дробный, пританцовывающий человек с длинным носом. У Серёги глаз дергался, он был древних традиций алкоголик.

Сели со Степанычем пить.

Степаныч не пьянел, а Серёга пришел в дикое возбуждение. И рассказал, что шурин его, Лёва, в таком же состоянии всю семью на уши поставил. Дня три бухал – и всё как стекло. А на четвертый в петлю полез. Из петли-то его вынули, но задумались. Взялись таблетками лечить – так чуть не залечили до овощного состояния. И вот когда теща уже втихаря от всех стала о месте на кладбище для Лёвы договариваться, Ленка, Лёвкина жена увезла его в Чапино. К старцу Нектарию.

После имени старца Серёга отрубился, а Степаныч выпил из горла еще ноль семьдесят пять водки и очнулся на дороге с Серёгой подмышкой. Серёга осуществлял маятниковые движения и пытался вернуть завтрак на битый асфальт. Небо было смурное, как крышка кастрюльки, а прямо околь глаз был новенький указатель на Чапино. Серёга сполз из подмышки и принялся кричать желудком на бордюрный камень.

Степаныч пошарил в кармане. Нашел там бутылку, на дне которой плескалась прозрачная жидкость, и выпил. И даже не понял, что это было.

Навстречу им вышел очкастый мужик с собакой, оглядел Степаныча и Серёгу и доходчиво рассказал, как дойти до дома старца.

Дорога длилась до конца дня и всю ночь. Прекрасный рассвет застал их лежащими возле калитки, из-за которой на них свирепо смотрел коренастый полуголый дедок, изобильно поросший темно-рыжим волосом. Он открыл калитку, впуская Степаныча. Степаныч показал жестом, что хочет, и Серёгу внести, но старец рявкнул, что Серёга сам должен достигнуть...

Степаныч вошел в маленькую горницу. В горнице было чисто и пахло сушеными травами и грибами. В красном углу висела икона Спасителя деревенского письма. Спаситель радовал глаз пухлыми

румяными щеками и сочувствующим выражением лица. Старец дал Степанычу ковшик горькой гадости. Степаныч покорно выпил, и реальность стала контрастной до рези. После чего меховой старец уселся напротив и задал вопрос: «Ну?»

Кроме рассказа о говорящих задницах и грядках, из Степаныча ничего не вытекло. И ему стало стыдно. А старец громко забегал по горнице. На улице стонал Серёга, достигший середины двора и павший рядом с колодой для колки дров.

Старец порешил, что должны они пойти к озеру. Там Степаныч искупается.

Пока они шли, Степаныч мучился вопросом, почему старец так говорит? То есть, Степаныч свободно владел фольклорным русским, но Нектарий матерился так сложно и, одновременно, как бы между делом, что изумление росло.

Старец бодро шел впереди, и сосны плакали росой на его застиранную милицейскую рубашку. Возле озера Степаныч задал мучивший вопрос. Старец осерчал и, скупо жестикулируя, пояснил, что ни одно Евангелие не сохранило словесных баталий Христа и солдат. А он, Нектарий, не уверен, что сын плотника в порыве грусти и боли говорил с ними цитатами из Писания.

Степаныч робко высказал недоверие, после чего Нектарий кротко вздохнул, подошел к краю озера, перекрестился и пошел по водам.

Дойдя до середины озера, он обернулся и, осиянный восходным светом, затейливо и почти несердито позвал к себе Степаныча.

Степаныч не спорил. Он дошел до кромки воды и глупо заулыбался, мотая головой.

Старец на водах озлился. Речь его стала еще краше. Степанычу даже послышались в ней какие-то иностранные ругательства. Водная гладь пружинила под сердитым старцем.

И Степаныч пошел, завороженный страстностью слов. Не дойдя до Нектария метров трех, он свечкой ушел под воду. И было это не страшно, но досадно. Верхний предел воды уходил вверх чашечкой зелененькой.

Но досада утопления одолела, и Степаныч пошел вверх. Руки по швам – как солдат. Уши закладывало. В чашечку по-птичьи заглядывал старец, стоявший на корточках.

Степаныч вынырнул и утвердился. Нектарий веселым оком смотрел на него снизу вверх.

И они пошли обратно...

Возле дома старца спал Серёга, всхрапывая и скоблясь во сне, как собака. Возле него ходил настороженный петух и пара пестрых кур. И в воздухе пахло так хорошо и приветливо, что хотелось жить долго.

Лет так восемьдесят, чтоб не устать.

НЕОПАЛИМЫЙ

Игорь Степаныч любил осеннюю дачу.

И любовь эта была зрелой.

По молодости, когда жена ссылала его на осеннюю барщину в Тамбовскую область, Степаныч роптал и пробовал бить кулаком по столу.

Но возрос над собой к пятидесяти годам и вдруг понял, что это хорошо.

Дня три-четыре он сладко томился под скудным осенним солнышком, готовя дом и землю к зимовке. Земля расстилалась почти бесстыже, вздыхая и источая аромат любви и тлена. Степаныч изнывал от нежности над грядками и глотал слезы, открывая лицо тонким ветвям нерожавших еще яблонь.

После дачной отсидки бывал он с женой ласковым и почти страстным...

...Что она, бестолочь, неизменно списывала на его дачную аскезу.

В тот год Степанычу, правда, было грустно. Зарядил бисерный дождик, нарушив последовательность действий. Но и в нем вдруг сыскалась прелесть. Закутавшись в битый молью тещин тулупчик, Степаныч пил травяной чаек и курил на веранде под стрекотание прохладных капель и скулёжь неведомой собаки.

Когда дождь почти закончился, с соседнего участка потянуло ароматным дымом. Там жил сосед – «вшивый интеллигент». Когда-то он купил участок у жадных детей бывшего соседа Матвея и переделал там всё.

Снес к шутам старую халабуду и долго строился.

...Сновал молчаливый угрюмый народ, болботавший на неведомом наречии.

Дом обозначился небольшой, но аккуратный.

Участок – ухоженный, но не более того. Из-за колючих кустов особо не разглядишь. Что за порода?

Быстро взросли и сомкнулись.

Соседа Степаныч не видел ни разу – не то они не совпадали по времени, не то сосед просто не появлялся в своих владениях. Или уезжал рано?

Степаныч был нелюбопытен.

Другие же обитатели товарищества жильца ущучить стремились, да он не давался. За всё платил исправно, но на собраниях лица не казал. Порой появлялся какой-то его представитель – рыжий, кучерявый детина с недобрым взглядом и раскатистым басом.

Но детина на участке не хозяйствовал.

Степанычева жена любила строить по поводу жильца дикие гипотезы, а в один лихой час вздумала у него слив покрасть, но руку, перелезаючи через забор, сломала.

Сказано же – бестолочь.

Вскоре после этого ветка сливы к ним свесилась. Цвела и плодоносила. Степаныч даже украдкой ел, но упертая жена орала в заборные щели, что ей чужого не надо.

Ну, а тут – запах горелой листвы.

Степаныч изумился, потом напугался – не пожар ли?

Вышел под сикающий дождь как был. В тулупчике и калошах.

Чавкая раскисшей землей, достиг забора, и сквозь живую изгородь увидел плотный дым, в котором неясно темнела мужская фигура, собирающая с земли листья и сучья. У ног фигуры бегала собака и побрехивала.

Степаныч изумился: такого плотного дыма он не видел. Причем, ограниченного забором и живой изгородью.

В небе обозначился самолетный гул. Фигура досадливо махнула рукой – гул смолк.

Степаныч отвесил челюсть, потом, подумав, кашлянул и подавился. Приступ кашля швырнул его от кустов.

Происшествие разъярило Степаныча. Соседские фокусы разрушили изумление. Порвав приступ кашля затейливым матерным коленцем, Степаныч наконец отдышался.

...Голос из-за забора пригласил его.

Степаныч не преминул – аж сердце зашлось!

Оказалось – любопытен.

На соседских шести сотках рос сад. Туманность ему шла.

Хозяин сидел на венском стуле посреди двора и, задрав голову, смотрел в кроны деревьев. Перед ним акварельно пылал маленький костерок, источая тонкий, смолистый аромат. Степаныч прослезился.

Жалостливо пахло.

Как в церкви.

Сосед показал на соседний стул. Степаныч сел.

– А чего, Степаныч, хороша нынче осень?

– Да надымил же ты...

– Ну... Это от паразитов. Знаешь, заведутся червяки в яблоках – чисто змеи. И никакой дуст не берет.

– Во-во. Многоножки.

Сосед досадливо махнул рукой и понурился.

– Степаныч, а где жена?

– Да холостякую три дня. С землей мудохаюсь.

– Не выражайся. Не люблю. Беса тешишь.

– Ты поп, что ли?

Сосед замялся.

– Не совсем.

– А женат?

– Та-а-а... Это очень личное, Степаныч.

– Понял, не дурак. А дети есть?

– Сын был...

Сосед понурился и загрустил

– Спился?

– Типун тебе на язык! Убили его. Молодой был...

Степаныч поглядел на соседа. Седой, бородатый... Неприметный, в общем. Глаза только такие – особенные. Знакомые. Как в кино.

– Э, да ты актер, что ль?!

Сосед охотно кивнул головой. А Степаныч расслабился. Это хорошо, что актер, а не интеллигент. Тех Степаныч не жаловал. С одним как-то пил – так перевод продукта вышел. Интеллигент пол возле дивана заблевал. И разговор-то был ни о чем. Какая-то пустопорожняя философия...

Степаныч приосанился и заерзал на сочно хрустящем стуле. Вытащил из кармана пузырь. Сосед вежливо отверг и в ответ принес домашнего вина и пару каких-то глиняных плошек.

Вино Степаныч не жаловал – бабский напиток. Но это, из плошек, было особенное. Густое и явственное как небо, где каждая звездочка на вкус ощущается.

И плакать охота.

– Марочное?

– Ну, типа того.

– Вот, мутный ты, соседушка. Намеки сплошные и недоговорки. Вот, я тебе про себя всё рассказать могу.

– Не. Степаныч, не рушь вечер.

– Ладно.

Потом они пили. Пели. Сосед знал какой-то особенный язык, что слова словно глотались и булькали. Степаныч заслушался и почему-то понял, о чем мужик поет. Об одиночестве, о сыне, которого потерял, о жизни.

– Слышь, а чего не женишься-то?

– Да некогда всё. Жене же внимание нужно, а я очень занят. Не продохнуть. С тобой, вот, расслабился. Спасибо. Но теперь спать – встаю рано.

...Вышел утром на крыльцо и офигел.

На соседушкином участке весело и непостижимо горел не костер, а маленький куст. Язычки пламени вроде листьев – колыхались, но ветвей не жгли. Пританцовывали, подрагивали, выбрасывали в воздух жалостливый запах. И, вроде как, песня в воздухе стояла. Торжественная, смыкающая небо сводом и стелющая твердь земную до самого горизонта.

ГРАЙ

Жизнь у Игоря Степаныча почти наладилась.

Жене стало не до Игоря Степаныча.

...Оставила она Игоря Степаныча на мал-мало времени в покое – занялась теткой из Мурома. И тещу забрала.

Тещина сестра болеть чрезвычайно любила.

Бывал Степаныч вовлечен в эти пляски, но через пару дней в Муроме так многосмысленно вздел в воздух табурет, что больная аж зажмурилась. Чем стала для Степаныча не в пример как милее. Теща же валерьянкой упилась и Степаныча выгнала домой. К его тихой радости.

С тех пор повелось: как болеет тетка Груша, так жена с тещей усвистывают, а Степаныча не неволят.

Но беда объявилась другая – Серёга.

Он пить-то бросил, но охота до веры его одолела. Повадился он в ближайшую церковь Косьмы и Дамиана ходить. Определили туда чудеснейшего батюшку – отца Алипия. Отец Алипий, крепкий молодой человек, буйно жаждал просвещать и, паче всего, спасать души заблудших.

Крамола теплилась в виде кружка свидетелей Иеговы.

Пять старушек собирались вместе, чтобы отправлять свой странный культ. Что-то жиденько пели, вязали носки и пили чай с вареньем.

Порой к ним присоединялся какой-то неглубокий баритон. После посещения баритона робкие бабки толклись у автобусных остановок – раздавали жухлые библии на склизкой бумаге.

Пару раз пытались ходить по квартирам.

Первый же рейд их переменил. Жильцы относились всяко... по большей части, глумились из-за двери.

...С тарарамом сдали полицейским. Старушки в участке вдохновились – пели и плакали, в вере причудливой укрепляясь. Полицейские их накормили, напоили, получили по пестрому буклетику, но терновые венцы над седыми головами воссияли.

Отец же Алипий первой задачей своей поставил старушечьи души в лоно православное вернуть. Он по-

ложил себе бабок не переубеждать, но прочих отвратить. И с тех пор каждую свою проповедь увенчивал сожалениями, либо гневом за заблудшие души. И речь его была такой захватывающей, не объясняющей подробностей, что старушки, к досаде отца Алипия, прославились.

Баритон в город зачастил, а библий и буклетов стало не в пример больше. Отец Алипий осунулся и похудел.

Вот тут-то Серёга и подоспел. Чтобы добить.

На проповедях отца Алипия он молчал, глядя в пол, мотал головой и часто крестился. Освобожденный от алкоголя дух был мятежен. До поры до времени Серёга робел, но через какое-то время попросился на исповедь. Отец Алипий после трехчасовой беседы дико истомился, но в полночь его осенило.

...Посеял зерно сомнения в Серёгину душу.

...Посоветовал поискать правды у старух.

И Серёга отправился в душистую анисово-зверобойную квартиру бабок-свидетельниц. Увиденное и услышанное там дико разочаровало Серёгу. Заморская полиграфия низкого качества, полоумные тетки с дикими разговорами о том, что Бог не может быть сам себе сыном, рожденным от дочери.

Серёга угрюмо пил чай. После пятой чашки уста его разверзлись, и руки его воспарили. Он страстно и с удовольствием расписал бабкам свои приключения в Гридино и Чапино. Какими-то дикими словами пересказал он все мытарства и очищение.

Не сказать, что старушки прозрели, но зерно сомнения взошло. В секте начался раскол, сопровождающийся битием чайной посуды и хватанием друг друга за редеющие кудри.

Отец Алипий возлюбил Серёгу, но Серёгина любовь была больше и страшней.

Он одолел батюшку богословскими беседами.

Долгими.

Изнуряющими.

Тут надо уточнить: Серёга был язычником по сути – и ничего было нельзя с этим поделать. Он пытался сочетать язычество с христианством каким-то причудливым образом. Яростной канвой вплеталась в Серёгино мировоззрение могучая вера в пришельцев. Редкий сайентолог постиг бы глубины Серёгиных знаний.

А и постиг бы, так ужаснулся.

Желание прикончить Серёгу отец Алипий замаливал долгими вечерами, приводя матушку в священный ужас. Через неделю такой изумляющей дух жизни попадья решила поговорить с Серёгой.

Серёга новому слушателю обрадовался. Попадья же дух смирила, но крепость ее таяла от часа к часу. После коронного Серёгиного номера про ангелов, принимающих воскресшего Христа на борт летающей тарелки, попадья побледнела и заплакала. А уж когда Серёга полез за иллюстрациями, взвыла: «Изыди», и попятилась к двери. Серёгины богоискательские рисунки были чем-то средним между наскальными росписями и офортами Гойи...

...На пороге попадья выдохнула: «Съезди на озеро. В Грай. Там караси». И упала в кабину лифта.

После всей этой череды событий Серёга и нарисовался на пороге Степанычевой квартиры. Глубокой ночью. И призыв его к рыбалке был таким непреклонным, что Степаныч покорно собрался и поехал. Благо, был вовсе не против.

Яичко солнца еще нежилось в лесу на горизонте, подмигивая сквозь листву. Воздух целовался троекратно и снова троекратно, причесывая ресницы и размягчая душу до состояния облака.

Серёгин мотоцикл тарахтел, не давая возможности разговаривать.

Степаныч не знал, куда они едут. Да и ладно! Шибко хорошо.

Дорога свернула влево, углубляясь в перелесок, вынырнула вблизи ЛЭП и уже ухнула в лес капитально, истончаясь и утолщаясь, подбрасывая мотоцикл и ловя его своей узловатой ладонью. В Степаныче что-то ритмично и сладко ёкало.

Озеро выпрыгнуло навстречу неожиданно.

Круглое. Чашечкой.

Мотор смущенно смолк и засопел, остывая.

Вскоре они уже сидели на берегу, наблюдая за спокойными поплавками.

Серёга молчал. Степаныч тоже.

Звенела мошкара, в кронах возился ленивый ветер. Иногда принималась орать неизвестная птица. Степанычу было хорошо. Серёге, видимо, тоже.

...Когда сзади раздался голос, оба подпрыгнули.

– Чо, мужики, на мое место пришли?

У сосны стоял маленький, усушенный какой-то мужичок с ясными глазами. Вид у него был миролюбивый. Руку протянул. Улыбнулся.

– Не, я чо? Я ничо – тут не подписано. Мишка я. Батраков.

...Пристроился рядом и наладил нехитрую снасть.

Блаженство накрыло всех троих.

Но Серёгу бес глодал. Если рот водку не пьет – должен говорить.

И полился из него богоискательский беспредел в духе «секретных материалов». Широкий и полноводный – аж рыба заплескала.

Степаныч попытался Серёгу остановить, но куда там...

Мужичок обернул к ним доброе, морщинистое лицо и кивнул головой.

– Не, а чо? Мужики, это ж не пупырка с заковыркой, а жизнь. Вот, вы в Грай ходили? А всё ж верно. Вот, в девяносто четвертом там беда случилась – Любка Носова с сельпо водку привезла. Радовалась, стервь, что дешево. А там, как раз, у Прохорыча юбилей. Не, а чо? Как без ее-то?

Ну, перво-наперво, закупились. Сельпу всю выгребли. Любка кипюры уж не по карманам, а в бисгальтер посовала. Грайские еще Тороповских ждали. Там Андрюха, Прохорыча брательник жил. И я тоже. Мишка я. Батраков.

Ну, пока ждали, немного накатить решили. И к нашему приезду померли все.

Не, а чо? Водка паленая была.

Мужичок шмыгнул носом. Посмурнел.

– Любка выла, в ноги бабам валилась. Бабы выли – Любка-то при чем? Где ж ей знать? Красавина Светка попыталась ее за волосья, да не дали... Не, а чо?

Прохориха только молча стояла – а то всего хужее. Лучше б повы-

ла так-то... Ну, Вальку-участкового дождались. Потом трупы в район...

Чо говорить-то? Вся деревня без мужиков разом осталась. Ну, и разъезжаться стали, чо... И остались семь баб. Некуда ехать было. Да и при возрасте. Да и за могилами обиход.

Прохориха, Красавина, Бобылёва, Бакарягина... ну, три еще – не помню.

Так стали жить всемеро. Любка еще, да. Продавщица. Любка не замужем была. Хороводилась она в осемьдесят девятом с одним городским, да не вышло.

Любка, она, красивая.

Мужичок вздохнул, пожевал губами.

– Любка пуще всех убивалась.

Одним днем как-то пошла на горушку, где церковь до революции стояла, и давай кулаком в небо махать. Дескать, забрал к себе мужиков, так дай других каких. А то жить-то как?

Не, а чо?

Два года прошло – к Бобылёвой мужик пришел. Доложился – дескать, муж тебе буду. Работящий. Дом перебрал, сарайку построил, забор сделал, колодец почистил. Не пьет, не курит. Одна беда – головы нет. Подчистую нет. Между плеч бугор с меленькими черными глазками – все дела. Бобылёва его сперва боялась, визжала, швырялась чем попало. А потом привыкла и полюбила даже. Вечером на крыльце сидят, молчат. Мужик разве гудит тихонько. И тепло от него.

У Красавиной мужик плоский. На потолке всё больше живет. Светится. Всякую электрику питает и кино показывает на выходные. Бобылёвский муж клуб отремонтировал, так там теперь по выходным и кино, и танцы. Красавинский както затеял фантастику показывать и музыку с подвывами крутить, но его попросили, чтоб попроще. Он не спорил. С им одна беда – может выпить. Выпьет чуть – переливается всеми цветами. Его на Новый год обычно напоят чем ни попадя и смотрят как он-то светится, то взрывается, то волчком по полю ходит. С бензину, говорят, салют показывает не хуже столичного. И картины на облаках.

Бакарягинский – тот невидимый. Но для баб наилучший. Ко всем ходит. Нонка не в обиде, потому как ей хватает. Он еще скотину блюдет – все коровушки здоровые. Все куры несутся. Не, а чо? Попросили его как-то бабы, чтоб помолодеть. Он неделю мараковал – и всех омолодил. Не девки чтобы совсем, но справные стали. Здоровые. Нонка, помню, трактор мне из грязи вытолкала...

Ну, у прочих не знаю... Слыхал, что один в лес ночами бегает, другой технику починяет на свой манер...

Не видал. Врать не буду.

Но самый главный – Прохоровский. Издалека на человека похож, но близко я не подходил. Боязно. Прохориху не омолодил – она строгая такая. И в глаза ей смотреть нельзя. Говорит, губ не размыкая. Любку к себе взяла. Любка год назад мальчишку родила. И всё тут...

Да, вот чо... Прохоровский мужик он, вообще, всё может.

И дождь, и снег. Вон, лес за ночь поднял, что для просеки вырубили. И озеро это почистил. По воде щелбана дал – и привет.

Тут начался клёв. Мужики таскали упругих карасей, цвета веселого серебра. Стало не до трепа. И как натаскали по ведру – отрезало. Ни единой рыбочки. Зато дождь пошел. С чистого неба. Пронзительный, с запахом земли и неба.

Обратную дорогу Серёга молчал как подстреленный. А как слезли – заплакал. Сказал, что дурак был. И пошел к отцу Алипию виниться. Карасей взял. Тот вздохнул. Сказал, что матушка у него из Грая того родом.

...Это «г» в названии мягко произносится. Почти не слыхать его.

СВАДЕБНОЕ ПЛАТЬЕ

Моль нынешняя ест абсолютно всё.

Это Степаныч понял, когда жена его с воем скатилась по лестнице с чердака. За ней вылетело несколько тусклых бабочек. Степаныч поднялся наверх. Над разинутым чемоданом курилась обеспокоенная стайка моли. Из чемодана пахло прелым, и свисал встрепанный рукав свадебного платья. Степаныч подивился. Платье было из немыслимой синтетики – чего ж в нем жрать-то? От рукава отпала фальшивая жемчужина. Степаныч зажмурился.

Тридцать с гаком лет назад он влюбился. Был он молод, некрасив и дурковат – мать грустила. Было в Степаныче сто углов да двести растопырок: всё цеплял и опрокидывал. Одно восхищало – большие глаза желто-карего цвета. Степаныч тогда помаялся, повыбил полсервиза материных и придумал.

Пошел в клуб. Танго танцевать.

На танго там тренировали учителка из школы и ее муж. Муж был в поисках себя. Художник по образованию. Похож на импортного актера. Бабы-то на танго и потекли, чтоб с тем Виктором пообжиматься. Мужики – с учителкой. Вроде как и обжимаешься, а жена не сердится. И волнение, и спокойствие разом. Только что морда краснеет и в пот кидает.

А Степаныч по-честному пришел. Чтоб ловко двигаться и посуду не бить.

Не пошло у него поначалу. Он и сам чуял, что деревянный. Но учителка сумела его направить. Он всего раз ей в глаз заехал. Локтем, случайно, когда раскручивал на свой манер. Она охнула, но ничего. Запудрила потом. Зато Степаныч от стыдобы танцевать научился. И двигаться стал складно. Библиотекаршину дочку-разводушку склеил в клубе и какое-никакое время к ней ходил. Пока ее батя из Дыбино не приехал и дрыном его не отходил. Степаныч без обид – жениться-то не собирался. А потом как засобирался – так и пустота вокруг. Вроде справный мужик, и рукастый, и даже танго танцует, а нет никого. Мать опять загоревала. И повезла его на свадьбу к дальней родне на Бобровую Засеку.

Напросилась почти что.

Бобровая Засека место красивое, чистое. На высоком берегу Увли стоит. Увля река не особо широкая, но извилистая. В Бобровой Засеке в древние времена какой-то хан Бабар становищем стоял. Из Чингизидов. Так полагал смотритель местного краеведческого музея. В Москву ездил, возил какието камни, да черепки, да фрагмент из архивной рукописи. Приехал черный от печали. Над ним в Москве посмеялись – дескать, не было хана Бабара. А Петр Петрович по-

болел с полгода и решил жизнь положить, чтобы Бабара найти. Ему и Бобура, и Боброка, а Петр Петрович уперся и ни в какую. Так и ищет... На свадьбу Нине и Антону саморучно писанный портрет этого Бабара подарил. Судя по портрету, Бабар был человеком скверным и поисков не стоил.

Но не суть.

Когда за столом пьяненький Петрович опять показывал кости да черепки, а мать пихала Степаныча под столом, показывая на очередную кандидатуру, Степаныч медленно испекался в любовном огне. У невесты Нины была сестра Антонина. Вида нездешнего. Тонкая, крутозадая, с прической, в платье горохом. Глаза круглые, ресницы прохладные, пронзительными цветами и душным яблоком пахнет. Если с кого можно и было сбрендить, так с нее.

Степаныч пьянел медленно и с расчетом.

Когда дошел до нужной пластичности, подошел к Николаю, что возле магнитофона и попросил танго.

Чтоб все слышали. Но небрежно.

Чтобы поняли.

Николай изумленно забычковал сигарету в цветочный горшок и, как мог, вежливо отказал. Но, видать, такое отчаяние светилось в Степанычевых карих глазах и кулаках, что субтильный Колька пошел в кухню. Там пара красных и веселых женщин пили водку и остервенело мыли посуду. Вид Кольки с просьбой о танго сильно изумил.

Но танго сыскалось. Помните, в конце семидесятых пластинка была долгоиграющая – Оскар Строк? Ну.

Короче, Степаныч лихим фертом подкатил к Антонине и пригласил на танго. Народ начал накапливаться. Публика очертила собой круг, по которому крутился, изламывался и ловил партнершу Степаныч. У той прядка крашеная ко лбу липнет, платье вокруг щиколоток обвивается, клипсы чешского стекла огнем горят – такая истома.

Бывают же радостные моменты в жизни...

И пять минут, как говорится, славы?

Вот.

И началась у Степаныча странная жизнь. Антонина глазами светила, нагревалась, но не давала. Степаныч купил пузырь и дернулся знакомиться с Олегом Митрофанычем. Суровый был человек, молчаливый. Всё, что в жизни было – на глыбу тела наколото. И Степаныча встретил, вроде как, и ласково, но когда тот перешел к разговору про женитьбу, загрустил и повел в сарайчик, пальцами за плечо держа. В сарайчике крутилась Лизавета. Лизавета пару лет назад развелась и скучала. Олег Митрофанович ее как мог развлекал: то скотиной, то готовкой, то уборкой. А то и по заду ремнем... Но баба дурила и норовила в ответ сковородкой приложить.

Куда ж годное дело.

Сломал Олег Митрофанович брови домиком и говорит.

– Вот тебе жена. И не печалься – деньгами не обижу. И дом поставлю. А баламутить начнешь – лишнее да запасное повыдергиваю.

Лизавета подняла к Степанычу круглое лицо. Лицо было доброе, милое, но... С другой стороны, уже и не спрыгнешь с этого поезда. И, может, пошел бы на эту каторгу Степаныч, да Лизавета не захотела.

Ржать начала – типа, ну нафига мне такой?

А Степанычу обидно. Лизавета не унималась – дескать, Тонька над ним угорает, а ей позориться? Не, папа, ты о чем, вообще, думаешь?

Олега Митрофаныча так просто не смутить. Он приобнял Степаныча за помертвевшие плечи и повел в дом. Горе запивать. И после второй бутылки выдал странное:

– Я б тебе и Тоньку отдал. Ты б немного в женихах у Лизки походил – и ша. За ней же эта сволочь, председателев шóфер крутится. Но никак не решится. Он жених интересный, прости уж, не тебе чета. А как пожениховал бы ты – дак он бы с обиды на ней женился. Теперь-то и не смогу тебе помочь. Прости, Игорь Степаныч, моя вина.

Так Степаныча первый раз Степанычем назвали. С тех пор и повелось за ним уважительное. Жалели его, ободряли. И нынешняя жена тогда на него запала.

А платье... А платье это чертово к свадьбе выписывали, да обменивали, да зауживали, да дребедень всякую нашивали – страшно вспомнить. И всё равно – сидело как на корове седло. Фото осталось. Дурацкое, смотреть совестно. Зато платье моль пожрала и бусинами не подавилась. И на том спасибо.

НЕ МЕЧОМ И КОПЬЕМ...

Понес как-то Степаныч всякое бумажное старье во дворе сжечь. Жена, понятное дело, бубнила, чтобы в макулатуру сдал, но Степанычу и думать об этом было противно: а ну как начнут над случайными картинками глумиться?

И не переубедить было.

А ведь, как оно обычно случается?

...В шуршащем променаде от сарайки до кострища высунулось из кучи бумажного хлама нечто и по полу поволочилось. И отпало.

Степаныч груду бумаги в костер свалил и вернулся за предметом.

Была то пачка тетрадей, увязанная бумажной бечевкой. Степаныч пачку бездумно повертел и понес в огонь, но бечевка лопнула, выпустив тетрадки на волю. Степаныч крякнул, тетрадки собрал.

Пахли они чуть гнилостно и чуть химически.

И продолжили жалостливо так разваливаться, словно огня боялись.

Костер за спиной стрельнул искрами.

Степаныч нагнулся за выпавшей бумажкой и увидел фото.

На фото красовались трое парнишек и полненькая девочка с косами-бубликами. Девочка, если уж не лукавить, была не полненькой, а крепкой. Стояла на земле прочно, но улыбалась застенчиво. И чувствовалось, что могла всю мальчишечью троицу легко взять на руки и понянькать промежду делом. Но улыбка на лице была добрая и чуть глуповатая.

Мураши побежали по засовестившейся спине Степаныча. Крупные такие – с тыквенное семечко.

Девочку звали Даша. Фамилию Степаныч не упомнил. Даша проучилась у них в классе один год, после чего родители отдали ее в специнтернат для отстающих детей, хотя сейчас-то Степанычу

казалось, что Даша не была какой-то дурочкой. Скорее, развивалась по-особенному. И учителка была против, чуть не плакала, бедная, уверяя, что девочка-де умная, просто медленная. Но родители уперлись. А всё почему? А всё потому, что родили малыша (Даша была от другого брака), и добрая Даша его случайно уронила. Очень любила, укачивала до самозабвения. Ничего ведь с ним не сталось, с малышом, а, вот, поди-ка, отправили перепуганную и виноватую Дашку в приют.

Степаныч проглотил ком в горле.

Не о том было это фото.

Фото было о любви.

Дашка крепко в Степаныча влюбилась. Тогда еще в Игорька.

С первого дня, как пришла. Стала ходить за ним на переменах. Класс угорал, Игорек Дашку гонял, краснел, а она улыбалась, отходила на шаг и продолжала преследовать. И каждый раз так: он турнёт, а она еще на шаг и, соблюдая дистанцию, плетется и улыбается.

Маялся Игорек, маялся, а тут Гендос и Михой подговорили. Пошел Игорек на перемене к Дашке навстречу. Тоже глупо скалится. А она – здрасти тебе! Ка-ак обняла его! Аж захрустело что-то в Игорьке.

Ну, он отпихался и ляпнул Дашку по щеке.

А ведь планировал на туфлю плюнуть.

Дашка глазами поморгала.

Не заплакала, только за щеку схватилась и попятилась. Перепуганный Игорек развернулся и убежал.

Ничего потом не произошло. Ровным счетом. Как не было, как не случилось. Только ходить Даша за ним перестала.

Но не об этом фото.

Мял его Степаныч и теребил.

Через месяц перевели к ним из другой школы Африкана. Африкан был страшенный хулиган – абсолютно без границ и без совести какой бы то ни было. Африканом он звался из-за удивительного сходства с коренными жителями жаркого континента: плосконосый, губастый и смуглый. Фамилия его была Голышев. И поскольку имел он привычку ходить расхристанным, драным и полуодетым, добавку имел – Голый. Был Африкан росту ерундового, а сложения жилистого. Но кулаки отрастил размером почти со свою голову. Посему его довольно быстро забоялись и залюбили все бывшие хулиганы. И сплотились вокруг него в неприятное стадо, державшее в легкой оторопи не токмо учеников, но и некоторых учителей.

А развязалось всё на уроке физкультуры. На веселых стартах. Африкан физру любил – более всего на канат лазить. Залезет и качается, напоминая о диких предках. Но соревнования не посещал – брезговал слабосильными однокашниками.

Но в один прекрасный майский день приперся Африкан на те старты. В компании двух особо преданных подлыгал: Борьки-якута и Толика. От Африкана привычно воняло табаком и непривычно – перегаром. Нервная и совестливая учительница стала отчитывать его в классической манере – «вызову в школу отца». Это она с перепугу – отца у Африкана не было. Была жестоко занужённая хозяйством мать с пятью детьми.

Африкан куражился, а народ притих. Физручка была послана матом, после чего малодушно покинула зал, убежав за директрисой. Тоже ведь чудно! Директриса была женщина болезненная, строгая, но отнюдь не способная разрешать африкановские конфликты.

А тот борзел на глазах. Веселые стартовцы пятились к стене. Игорек был капитаном команды, которая за ним внезапно начала прятаться. Кто-то хихикал, Африкана одобряя – в общем, не пойми что творилось.

Африкан жаждал битвы. И Игорек был прямо перед ним. Второй капитан – Лёля Синицына вместе с командой почему-то полезла на «шведскую стенку» и оттуда взывала к африкановой совести.

Нет, всё-таки о любви фото. Да.

Потому как вышла вперед Даша. И засветила Африкану по щеке. Неуклюже, но со всей дури. И, заорав, кинулась на него всей своей массой.

А это было страшно.

Стала его трясти, оторвала ему воротник. И вытолкала за дверь. А потом села на стопку матов и заплакала.

И плакала до тех пор, пока не вернулась физручка с директрисой и военруком.

Ох, как тогда хотел Игорек подойти к ней и сделать что-нибудь хорошее.

Но не смог.

И никто ничего не смог.

Потом тоже ничего особенного не было. Африкан тихий стал и вскорости в другую школу перевелся. И Дашу отправили как-то вслед за ним. И позабылось.

Стреляет костер искрами. У Степаныча, вот, глаза щиплет.

От дыма, наверное.

ЯБЛОШНОЕ ВАРЕНЬЕ

У Степаныча была тетка Лариса. Двоюродная мамина сестра. Маленький Степаныч ее очень любил: приедет тетка и чу́дных знаний привезет. То про снежного человека, то про треугольные НЛО, то про сотворение мира. И говорила так буднично, что заслушаться можно было. И верил маленький Степаныч, что всю страну тетка Лариса обшарила. Затаивалась с фоторужьем в кустах и топях, выцеливая тарелки и зеленых человечков.

А вырос – и понял, что в голове у тетки – каша из Жюля Верна и научно-популярных журналов.

Так детство и кончилось.

Тетка Лариса была женщина видная. С лица вылитая Саския, которая на коленях у Рембрандта. Пока была молодая – молодые люди ее жужжание слушали. Даже окольцевать пытались Ларису, но она вела себя не характерно. Под венец не рвалась. Хотела Лариса вечного, постоянно ошалелого всей душой слушателя. И чтоб не от красоты, а от умища.

Один раз ей удалось невозможное – она случайно увела мужа из семьи. Обольстился на сахарные плечики, да тонкие запястья. Или Рембрандта уважал – поди пойми. Аж кольца купил, аж да загса довел, да Лариса оплошала. То ли с перепугу, то ли от счастья у нее такое недержание случилось, а, может, и не нравился ей человек...

Только возьми она и начни перед самым загсом рассказывать про спаривание китов. И всё рука-

ми размер китового... ну, в общем, не уса, демонстрирует. Рук не хватило – она шагами.

Ушел от нее мужик.

Шло время. Половодье женихов кончилось – и осталась Лариса как смоковница бесплодная на песчаном острове.

Тут-то и случилось с ней то, что случилось.

Степаныч тогда мелкий был, но тот день добре запомнил. А особенно вечер.

Стояла ранняя осень. Степанычева мама возилась с яблоками. Яблоки были чистой напастью в ту осень – уродились в количестве неимоверном. И мама ставила вино, варила варенье и шумела на яблони, которые по ночами охали о крышу пудовыми ветвями.

Лариса приехала одним субботним днем. Как всегда, кокетливо одетая и надушенная. Имела она такое обыкновение – выряжаться как на парад. Степанычу такое ее свойство нравилось, потому как мать была не в пример скромнее. И всё за папу боялась, чтобы не обольстился. Папа Ларису с трудом переваривал, да мама не верила – дескать, нынче не перевариваешь, а завтра в углу обжимаешься. Все вы мужики... ну, и прочая шарманка.

Но в тут субботу мама Ларису ждала и прямо от порога занудила – сходить прибраться на генеральской даче.

Генерал был непростой, секретный, хоть и в отставке.

Жил скучно и нанимал окрестных дачниц убираться у него дома. Дачницы шли со смутной надеждой... По первости даже губы красили.

Дача была скромной, генерал не выходил из кабинета. А если и выходил, то вид имел разочаровывающий и отстраненный.

Последнее время генерал пользовался услугами Степанычевой мамы – она убиралась быстро, чисто, губы не красила и генерала за окурки в унитазе бранила. А генерал честность ценил.

Но яблочная страда ее надорвала и, вот, лежала с утра в кровати, обвязанная собачьим поясом и шерстяным платком. Охала. А генерал аж два раза позвонил.

Ну, Лариса и пошла. Губы накрасила, платочек тюрбаном завязала и на цыпочках, походкой пожилой пантеры взад-вперед... взад-вперед. Степаныч завороженно смотрел. Напоследок щедро облилась цветочными духами и пошла, подвялыми ягодицами помахивая.

Генеральский участок встретил хвойным запахом. Тетка оробела, подобрала полупопия и робко зашла в калитку. На участке было неуютно. От беседки тянуло затхлостью. Но дом был величественным, старым и добротным как сундук.

Лариса прошлась по участку. Среди высоких елей, развесистых берез и нестриженного кустарника она увидала кривенькую яблоню. На ней висело единственное и торжественное яблоко. Нескладное деревце гордилось своим плодом, как любящая бабушка – перекормленным внуком. Завороженная золотистыми глянцевыми боками, тетка пошла к яблоне. Шиповник уцепился ей за брюки, елка норовила врезать по щеке, но Лариса не замечала ничего.

Яблоко охотно легло в ладони и стряхнулось – даже рвать не понадобилось. Вблизи оно разочаровало – у Степанычевой мамы были больше, но это-то наособицу. Почти сворованное.

Зайдя в дом, тетка совсем смутилась. В доме было сумрачно, темно-коричнево и бархатно. К ногам протянулся малиновый язык старого ковра. В углу мелодично тикали высокие часы. На стенах висели фото смутно знакомых по учебнику истории персонажей. Лариса вздрогнула ляжками и почему-то сняла идиотский тюрбанчик.

Над головой она увидала старинную люстру с висюльками.

Потом услышала шаги. Твердые и уверенные.

Из глубины дома вышел генерал.

Лариса рассчитывала увидеть обрюзгшего старикана. Генерал был, действительно, немолод, но прям и статен. Сухой, широкоплечий, с маленькой птичьей головой. В нем чувствовалась древняя и благородная закваска с примесью черкесской крови. Ларисе было умом не поднять, но бабьей чуйкой учуять. Породу. Нервные ноздри, благородная горбинка на носу и густые брови, прячущие под собой начинающие тускнеть глаза – ох, неспроста всё это затеяно природой. Затеять-то затеяно, да ветром развеяно. Генерал был вдов и бездетен.

А перед генералом стояла траченная годами, но крепкая бабенка с поплывшей талией и вяловатыми бедрами. Икры полноваты, ступни плоские, руки хороши, бюст отвис, щеки на грани... так себе экземпляр. Не ро́зан.

Но лицо!

На кухне у генерала красовалась Саския – старинный друг когда-то лихо написал копию знаменитой картины с пожеланием найти свою любовь. И Рембрандт на копии был похож на генерала. Друга нет давно, любви как-то не сложилось, а Саския – нате-здрасти, стоит и глазами хлопает. И яблоко держит.

Генерал очень хотел позвать ее на кухню, чтобы сравнить. Но стеснялся. А Лариса дико затомилась. Вначале вспотела, потом замерзла. Очень хотелось сбежать и остаться одновременно. Язык пересох и в желудке заурчало.

И все-таки стала она задом-задом пятиться к выходу. Выпятилась на террасу и шумно выдохнула. Положила яблоко на перила, погладила, развернулась и пошла. По дороге к калитке увидала в траве темный шланг для полива, шуганулась и понеслась. Только калитка жахнула – и нет Ларисы.

Генерал вышел на крыльцо. Увидал яблоко, взял, повертел, надкусил и сморщился. Кислое оказалось до невозможности.

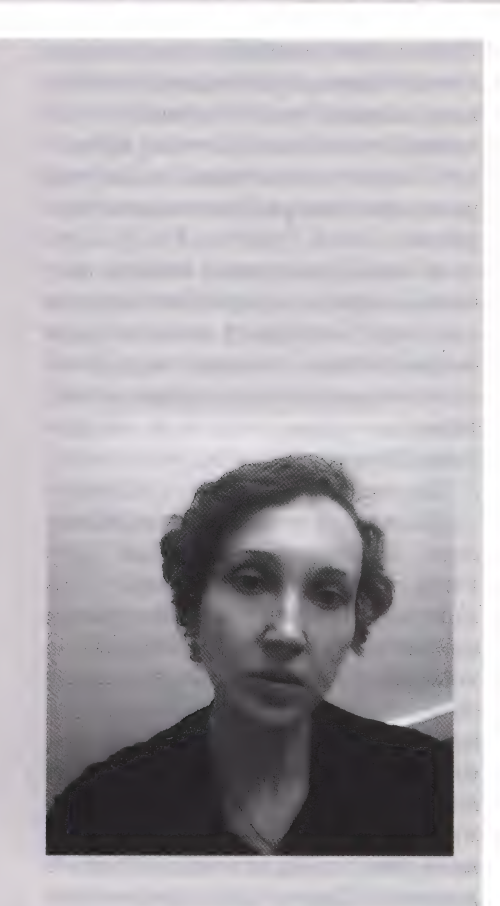
А тетка Лариса до глубокой ночи вместе со Степанычевой мамой варенье варили. Тетка чудно называла его – «я-аблошное». Чуть протяжно.

Потом пили и пели. А тетка плакала, плакала так горько, словно завтра помирать собралась.

А когда маленький Степаныч к ней подошел, чтоб пожалеть, она пьяно улыбнулась, мотнула головой и сказала: «Змеи у него там на участке! Много. Зачем мне он сдался-то!»

А и правда.

☐

Татьяна ЧУРУС

Член Союза российских писателей. По образованию – филолог и режиссер. Работала редактором в издательстве, на ТВ, в студии перевода; преподавателем русской литературы; режиссером-постановщиком на ТВ; ведущим научным сотрудником в музее и т.д. Финалист и лауреат литературных конкурсов. Публиковалась в журналах, сборниках, альманахах. Автор книг «Жизнь собачья», «Баушкины сказки», «Чуров род», «Париж». Стипендиат Министерства культуры по литературе. Живет в г. Москве.

РАССКАЗЫ

ЗА ДВЕРЬЮ

Бабушка заболела. Дверь в комнату, где она лежала, закрыли почему-то на шампур: приколотили проушины, согнули шампур и вставили эту согнутую «шпажку» в «ушки». Как будто дети затеяли какую-то забавную игру, но до поры до времени не раскрывают тайны. Варька кинулась к матери: для чего всё это? – та отрезала: «Чтобы не болталась туда-сюда». Какое там «болталась»... бабушка уже и вставать-то не вставала. Родные Варькины тетки и жены дядьев – а бабушка родила аж семеро человек детей: пять дочек и двух сынов – дежурили теперь по очереди у постели болезной. Не дежурила только меньшуха, теть Шурочка: она вышла замуж за «этого алкаша про́клятого», и он увез ее «на край свету», в село с чудным названием Кето́во, что в Курганской области.

Поначалу тетки – благо, «отгорбатили свое» и им не нужно было каждое утро тащиться на работу, не то что Варькиной матери, – радовались: наконец-то свиделись и наговорились с матушкой родимой – пекли блины и оладушки, варили борщи (никогда ни до ни после не едала Варька так сладко). Но радость быстро сменилась печалью. Тетки надели ватно-марлевые маски, резиновые перчатки, в доме у Бурковых запахло хлоркой и тоской. К бабушке Варьку не пускали. «Чтоб заразу не подхватила», – объясняла теть Вера: она всю жизнь учительницей проработала и всё на свете знала. Но на вопрос племяшки: а какую заразу? – она лишь приложила пальчик к губам: мол, не твое собачье дело.

Комната, в которой закрыли бабушку, была смежной с «залой», где Бурковы вечерами смотрели «куно́», как любил говорить отец. Бывало, сидят, пялятся в телевизор, а из-за двери раздаются слабые стоны или высохший (так Варьке казалось) голосок бабушки: «Нина, Ни-на-а-а...» Мать, изнуренная этой болезнью (утром чуть свет бежала на работу, на «завод этот чертов, чтоб он сгорел», вечером «ходила» за бабушкой), вставала с софы, надевала маску, перчатки и плелась к заветной двери. И пока она вытаскивала «шпажку» из «ушек», Варька успевала ухватить краешком глаза большущую постель с высокой периной, на которой возлежала бабушка, словно «принцесса на горошине». Дверь быстро захлопывалась, мать о чем-то перешептывалась с бабушкой. А Варька с отцом, опустив глаза, сидели молча, даже в телевизор не глядели: ждали, когда мать выйдет оттуда. Она выходила, выдыхала, снимала перчатки, маску и молчала. Долго, мучительно молчала.

Однажды – Варька только-только прибежала из школы, мать была на работе, и дежурила теть Тася: она, бедняжка, вымоталась, прилегла на софу и закемарила чуток – из-за двери раздался слабый стон: «Тас-ся...» Тетка «посыпохивала в три ноздри», как говаривала бабушка, и даже не шелохнулась. «Тас-ся-а-а...» Варька вздрогнула. Подошла вплотную к двери. В груди ее забилась будто какая-то птаха, что пытается вырваться из клетки на волю – так билось в ее груди всякий раз, как девчонка ждала чуда... Тихонько вытащила «шпажку» из «ушек»... Комната была освещена ярким светом, и бабушка – Варька никогда не видела ее без платка, простоволосой, волосы ее, раскиданные по подушке, оказались совершенно черными, ни одной седой волосинки! – бабушка лежала высоко на подушках

и ее голову обрамляли лучи солнца. Она молчала, глядела на Варьку, улыбалась и не узнавала. «Ты хто?» – прошептала бабушка. Птаха в груди снова забилась, Варька глотнула воздуха...

«Прилегла я чуток, – винилась перед мамой вечером теть Тася, словно девочка, а слезы так и катились из глаз: глаза черные, как спелые виноградины, – а эта, антихрист такая, сейчас и шасть в комнату! Не углядела я!»

«Куда тебя черти-то понесли? – трясла Варьку, словно яблоньку, мать. – Тебе же сказали: не смей туда ходить!» Но как только очередная тетка, утомившись, ложилась на софу и тихохонько посапывала, девчонка подбегала к двери, прижималась к ней щекой и слушала, слушала... Бабушка ворочалась, постанывала, иногда звала тетку или маму по имени...

«Хто тут?» – спросила она раз, когда птаха уж больно громко забилась в Варькиной груди. «Я...» – пропищала девчонка. «Хто "я"?» – пошевелилась бабушка. Варька заглохла, боялась проронить хоть звук. «Пес с тобой... – выдохнула болезная и замолчала, потом выдавила из себя: – Тяжко мне... – Варька прильнула к двери и подняла глаза к потолку, точно ждала манны небесной. – Помираю... – бабушка застонала, Варька кинулась было вытаскивать «шпажку» из «ушек», но спящая тетка громко зевнула – софа закряхтела. Девчонка отпрянула от двери. Тетка вскрикнула что-то со сна, потом захрапела – и притихла. – Вот ить жи́зня... – еле слышно продолжала бабушка. – Думала, такую страсть пережила – войну эту проклятущую, таперича мне и сам чёрт не брат. Пустое... Молодая была, шустрая. Семерых одна подняла... Петруша-то мой головушку ни за́ что ни про́ что сложил ишшо в 41-м... И как сдюжили?.. Эх, горе горькое... Там такой голод страшенный пережили... такую нужду... Картоха казалась райским яблочком... Траву жрали – пу́чки, – это чтоб с голоду не помереть: утробу вспучит – вроде как полон живот, вроде понаелися... Уж такое лихо, такое лихо! А всё одно – молодость! Всё одно – живая, на своих ноженьках... А таперича вот что камень на вашей шее: и сама помираю, и вам никакой жизни не даю... Сколь ить могла ишшо понаделать... не успела... Эх, не вернешь того времечка золотого...» – бабушка горько заплакала. Горевала она о том, чего уже не вернешь, и о том, чего уже никогда не будет... Вместе с нею плакала и Варька...

Проснулась «дежурная» тетка – теть Аня, старшая бабушкина дочь – оттащила зареванную Варьку от дверей, вынула из «ушек» «шпажку», вошла в темноту, в маске и перчатках... и завыла во весь голос: «Да милая ты моя, да на кого ж ты на-а-а-с...»

Вернулась с работы мать. «Отмучилась, отмучилась...» – скулила она и надрывно кашляла. А кто отмучился: сама ли мать, бабушка ли, – Варька на поняла. Она кинулась к матери, прижалась к ней, глаза зажмурила. «Она перед смертью говорила со мной!» – прошептала девчонка. «Ну что ты, дурочка, – улыбнулась мать, приголубила дочку, – она и двух словто уже связать не могла. Не выдумывай». «Говорила!» – закричала Варька, но мать только махнула рукой и опустила голову. Закашлялась – и голова подпрыгивала туда-сюда, будто солнечный зайчик...

Хоронили бабушку «всем миром». Кого только не было: тетки, дядья, их дети, внуки, «меньшуха», теть Шурочка, приехала «с самого краю света». Помянули бабушку как положено – и добрым словом, и кутьицей, и водочкой, и масленым блинком...

А дверь в комнату, где умирала бабушка, долго еще стояла закрытая на «шпажку», словно там схоронилось «времечко золотое», которого уж никогда больше не будет...

КИТРАДКА

– Тварь неблагодарная! Чтоб я тебя больше с ним не видела!

Мать раскраснелась, в раж вошла. Красивая, аж глядеть страшно. Родинка над ее верхней губой налилась, словно спелая брусничка. Варюха подумала: вот интересно, а если раскусить, родинку, она какая, кисленькая или горькая? – подумала и кровью умылась: мать саданула девчонку по лицу. Та теперь слизывала теплый соленый томатный сок с губ. Скукожилась было, но сдержала слезу, что защекотала правый глаз.

– Бей! – крикнула Варюха, выпятив едва округлившиеся грудки. «Фигушки», как ласково прозвала их тетушка Шура: хорошая она, ласковая, не то что эта... Папаня Варюхин Валёк – плешина на голове, пузо с арбуз, а всё Валёк: смотрю, говорит, две девки стоят, к оградке прижались, красявые – жуть! Любил он рассказывать, как пришел на танцплощадку, попростому, в солдатской форме: служивый, чего там, бляха на солнце горит, талия тонкая, – как с матерью Варюхиной познакомился, Нюрой ее величали: две сестренки, две кровиночки – Нюра (постарше) и Шура (меньшуха). Папань, папань, а почему ты маму пригласил, а не теть Шуру? – в сотый раз приставала к отцу Варюха. Ведь пригласи он на танец теть Шуру, она могла бы стать ее матерью... Да как почему? Валёк скреб щетину на подбородке. Бюст у нее больше был. И смотрел на Нюру свою дурным хмельным глазком: до сих пор кровь закипает в жилах, едва завидит ее или заслышит.

– Бей! Не боюсь я тебя!

Томатный сок побежал по подбородку, по тоненькой шейке, проскользнул меж грудок.

Мать схватилась за голову, заметалась по комнате. Глаза виноватые.

– Убила бы!

Замахнулась на дочку скрученным полотенцем... Тот еще шары залил, за ширмой лежит, перегаром своим смердит – муженек, послал же Господь!

– А ну цыц! Я т-тебе!

Бабушка! Мать по-заячьи поджала губу.

– И чтоб девчонку пальцем не тронула, слышь? Я кому говорю?

Варюха уткнулась носом в бабушкину тощую грудь (семерых выкормила), а сама раскосит своим желтым – и в кого уродилась! – глазком на мать. Та почернела вся: при девчонке чехвостит ее, взрослую бабу, в хвост и в гриву, – это ж видано ль: людям скажи – засмеют!

– Пойдем, Варьша, ну ее, злыдню! Ах ты, Господи, раскровянилась-то как...

Бабушка приложила к Варюхиной распухшей мордашке какую-

то тряпицу, показала матери махонький кулачок и повела внучку в свою светелку: так называла крохотную чистую комнатку – блестит всё, словно языком вылизала. Варюха победоносно глянула на мать. Знала, что та отыграется на девчонке за бабушкину брань, на своей шкуре знала. Но как сладостно было зыркнуть на красивое, перекошенное от злости лицо, на эту брусничку над верхней губой, – душа ликовала, ей-богу!

Боль прошла. На ней всё как на собаке зарастает, ехидничала мать. Как на собаке. А Варюха себя собакой и почитала...

– Чего она с цепу-т сорвалась? – лукаво улыбалась бабушка, заглядывая в Варюхины желтые глаза. У самой глаза выцвели: горя много видали, – но все еще зажигались живым огоньком, когда выходило по-ейному, по-бабушкиному.

– Да кто ее знает, – соврала Варюха. Но смех, звонкий девичий смех, выдал ее со всеми потрохами.

– У, шельма рыжая! Опять, небось, с этим своим... дай Бог памяти... болталась... с Митькой?

Бабушка трепала внучку по непослушным вихрам. Это она в дедушку Алешу, говаривала старушка. На Карлу Маркса похож был, такой же кудлатый. Только дедушкой-то он приходился самой бабушке, а Варюхе невесть кем, однако ж род, ничего не попишешь.

Варюха залилась краской: Митька... Сказать или не сказать?..

Девчонка прикусила губку – нижнюю, ту, что целехонька, бровки домиком, а сама мотается туда-сюда по старенькой кушетке, сто лет в обед: одну бабушку – в чем только душа держится – на своем горбу и выдюжит та кушетка.

– Только никому, ладно?

Бабушка перекрестилась:

– Да чтоб меня на том свете черти грызли! Погодь-ка...

Она зашаркала к двери, лязгнула задвижкой.

– Вот так-то лучше. Ну, сказывай, чего у вас там, чего удумали.

Бабушка присела на краешек кушетки: эвон Варюху как треплет, зашибет еще – девка чумовая, жаром пышет, вся в нее – и старушка улыбалась, довольнешенька. А потом вздыхала: отжила ты свой век, Матвевна, вот годков двадцать назад Нюрку бы обогнала, не гляди, что та быстроногая, а сейчас...

Варюха на бабушку позыркала-позыркала, пометалась-пометалась, губу облизнула шершавым языком: ох и распухла губа – постаралась мать. Ну да не страшно, до свадьбы заживет.

– Он...

Мордашка Варюхина расплылась, словно у кошки, которой щекочут брюшко, – вот-вот замурлычет.

– Он, знаешь, какой?..

– А то? Знаю, – махнула рукой бабушка, – мой-то Егор – царство небесное! – думаешь, другой был?

Сердечко девичье замерло: сейчас бабушка примется рассказывать про взрослое, про любовь! Вот Иринке – сестра старшая Варюхина, на Урал уехала, как техникум кончила, не нужны вы мне, только и бросила напослед, – вот Иринке она такого никогда не рассказывала! А ей, Варюхе... Наизусть знала девчонка все бабушкины нехитрые истории: как Егор женихался, как пошла за него, как не могла разродиться, как потом понесла – год через год по дитю, как детей на тот свет провожала, мать ее да тетушку Шуру только и выходила, как Егор помер, а к ней самой, к бабушке, человек хороший сватался, на приступ брал, все одно, отказала она, как...

– А ну открой, открой, я сказала!

Мать уже давно долбилась в дверь, да Варюха с бабушкой что глухие тетерки: сидят о своем воркуют.

– Да иду, иду, сейчас дверь выворотит, вот ирод-то, силищу девать некуда.

Бабушка поднялась с кушетки, к двери почапала.

– Ба'шка, спрячь! – округлила глазенки Варюха и сунула старушке в руки потрепанную зеленую тетрадку, что вынула из-за пазухи: толстенькая, тепленькая, каким-то молочком парным да хлебушком от нее пахнет.

Бабушка кивнула головой и схоронила тетрадочку аккурат за иконкой, место куда как надежное.

Мать ворвалась, лахудра лахудрой, вся расхристанная.

– Опять девчонку подучиваешь против матери?

– Анна, остепенись! Какой бес тебя крутит?

Мать беспомощно опустилась на стул, обхватила руками голову.

– Одна я, совсем одна... Та завихрилась – ни строчки, этот шары зальет – душу мою выматывает...

Заплакала. Варюха сто лет не видала, как мать плачет, с того самого дня, когда она, еще махонькая, разбила свою пустую головушку качелями. А чего разбила-то? Мам, мам, посмотри, как я умею кататься, ну мам! Мать ноль внимания, с соседкой теть Зиной – у нее девчонка Варюхе ровесница, Катюша – языками сцепились, болтают, что сороки. Ну мам... И бабах... Кровища рекой, а крику-то, крику! Мать в слезы: испугалась. Девчонку еле отходили. Вот с тех пор в нее дурь эта и вошла – так мать говорила про Варюхино писание. У людей дети как дети: пятерки из школы носят, матери помогают – вон Катюша теть Зинина, глядеть любо-дорого. А эта... Что чумовая какая сделается, в уборную шмыг, закроется – не достучишься – и пишет, пишет, делом бы занялась. Не давало покою матери Варюхино баловство, лихо она в том видела. Отец, ну ты-то хоть скажи... А тот шары зальет, ему всё мило... Теть Шура далеко: в городе Камне, замуж туда пошла, за дядь Володю Лыкова – хороший мужик, непьющий, шофер первоклассный, «подвезло сестрице», нечего сказать. Одна бабушка понимала Варюху. Пиши, дочка, скажет, бывало и перекрестит Варюхины каракульки. Это она в дядь Ивана, добавляла со знанием дела, тот тоже ученый был, всё в тетрадке писал, до того мудрёное, что ни одна живая душа разобрать не могла. А может, в меня, продирал глазки Валёк, может, это мое семя в ней бродит? Помалкивал бы, ведро пустое, только и махнет рукой бабушка. А здравствуй, милая моя, а ты откедова пришла, а ты́, бабуся, не волнуйся, а всё у тебе́ впереди, базлал Валёк и заливался самым беззаботным хохотом. А чего пишешь-то, спрашивал он у Варюхи? Тятька поглядеть хочет, дай тятьке. Но Варюха не давала ему свою заветную тетрадочку, мало ли что с пьяных глаз удумает.

Мать утерла обожженные – так девчонке привиделось! – глаза, собрала волосы в плюшечку – Варюха, когда маленькая была, думала, съедобная она, плюшечка, даже на

зуб пробовала, – пошарила взглядом по светелке, поднялась и пошла, покачиваясь, словно шла не по полу, а по воде, бросив у порога одно лишь слово сухое: неблагодарная...

Спасибо, тварью не окрестила – Варюха улыбнулась, прижалась к бабушке.

– О-хо-хо-хо-хонюшки, – только и выдохнула та.

Подошла к иконке, тихонько помолилась: спасибо, Мать-заступница, не выдала. Вынула тетрадку – китрадку, как сама и прозвала ее...

Варюха замерла, прикрыла рот ладошкой, совсем как бабушка. А сердечко рвется из груди, будто за ним кто гонится.

Слова-то сокровенные: читать их станешь кому – душа скулит от боли, вот будто с мясом отдираешь те слова от костей живьем.

– Про его, небось, прописано?

Бабушка поплевала на сморщенный палец, отворила китрадку, поднесла к глазам.

– Ничёшеньки не видать. Плывет писанина твоя... Одни закорючки да каракульки...

Пригорюнилась старая. А ведь еще год назад вдевала нитку в иголку без стекол этих, ну их к едрене матери.

А Варюха красная что закатное солнышко. И про его – это про Митьку, значит, – и про мать-отца, и про Иринку нелюдимую, и про бабушку, а как же, – про все на свете прописано в заветной китрадке. Митька иной раз заглянет Варюхе в глаза, а там блеск иной, ему самому неведомый. Сумасше-э-э-эдшая, протянет, щелкнет языком, но не отстает, как банный лист присох, не иначе. Бабы так и сказали: приворожила Митьку рыжего Варюха Чуда (Чудой прозвали девчонку), не гляди что мала – уже ведьмака, как и ее бабка, Матвевна, прости, Господи! Варюха поначалу фигуряла перед ним, перед Митькой (это он что полоротый сделался): красивая она была, пацаны на нее заглядывались. Даже мужчина один (симпатичный, бородка шелковая, глаза яхонты): и какая Вы, мол, прекрасная! – сказал, улыбнулся. Странный, на Вы назвал Варюху. А чего она слыхала-то? Брань материну да пьяные папанины бредни? Утаила девчонка от матери те слова и про Митьку не пикнула бы, да бабам соседским замок на рот не навесишь: разнесли по всему околотку, что Чуда с Митьком рыжим гуляет, как бы в подоле не принесла. Дуры пустоголовые, «в подоле»... ей пятнадцати не сровнялось, махнула рукой бабушка, только и знаете, язычинами трепать чего ни попадя. Боялись бабы бабушку Матвевну, ведьмой ее почитали, а слух уже пошел, не остановишь. Вот мать с цепу и сорвалась. А Варюха с Митькой друг дружки даже не касались...

А вот из китрадки своей она ему читала. Прочла раз – он лицом будто потемнел, а глаза прояснились. Ух ты, воскликнул по-мальчишьи, озорно, это ты сама написала? Варюха улыбнулась по-бабьи: никуда он от нее не денется, почуяла, по гроб жизни будет верным псом за ней ходить, как папаня за матерью...

– Варьша, онемела, что ль?

Варюха очнулась, глянула на бабушку. Блеск, блеск в глазах чудной. Недаром прозвали Чудой. Взяла китрадку, вздохнула.

Бабушка только и ахнула: взрослая, совсем взрослая Варьшато!

Та и рта не успела раскрыть – мать за порог шасть! Не терпится ей!

– А ну дай сюда!

Кинулась на Варюху, китрадку из рук вырывает, родинка налилась густым брусничным соком...

Сухонькая бабушка выросла горой перед ретивой дочерью, заслонила внучку.

– Нюрка, да ты что творишь?

– Мама, уйди, уйди от греха!

Оттолкнула старуху – та едва на ногах удержалась. Схватила Варюху за грудки.

– Дай сюда, т-тварь такая, а не то...

– А здравствуй, милая моя...

Папаня, продрал глаза свои спьяну.

– Ух, красавица!

Полез к женушке целоваться, а она огнем пышет, сейчас всполохом всполохнет.

– Образина чертов! И семя твое проклятое!

Мать отвернулась, скривилась. Валек уткнулся губами ей в плечо, зашатался, плюхнулся на кушетку, что мешок пустой.

– А ты откедова пришла?..

Прогорлалин, икнул и уставился на Нюру свою дурным глазом.

– Еще раз увижу у тебя эту...

Мать ткнула в китрадку, бессильная сыскать словцо, чтобы обозвать это лихо, что зеленело в руках у Варюхи: у, зараза поперечная, но ничего, всё одно она, Нюрка, переломит девчонку! Не любит ее Варюха, свое гнет. У людей дети как дети, а эта...

– Слаба я стала, дочка, – выдохнула бабушка, едва мать с отцом ступили за порог светелки. – Какая нынче из меня заступница? Эх...

Выцветшие глаза ее глядели в одну точку.

Митька пришел. Стукнул в окно бабушкиной светелки, как между ними было уговорено с Варюхой. Та вышла: старенькая шубка с Иринкиного плеча, валенки худые, пуховые – всё из пуха собачьего: шапка, шарфик да варежки – бабушка вязала. Побирушка, и та лучше одета. А лицо красивое, глаза желтые блестят, словно звезды! Митька задышал часто-часто, покраснел: рыжий, рыжие краснеют шибко!

– Ну ты, Варюха...

И стоит столбом, язык присох к глотке.

Она улыбнулась. Лукаво, по-бабьи. Пошли.

– Хочешь, я тебе почитаю?

Он кивнул. Она вытащила из-за пазухи китрадку, отворила ее... Нет, потом... Захлопнула. Вздохнула.

Темнело, небо будто раскачивалось: то взлетит, то на землю падает, падает, потом взлетит, снова падает... Она почувствовала, как он дышит ей в щеку, задрала голову: сплошная круговерть! Сугроб: ой... Споткнулась – и лицом, лицом в обжигающий снег! Он упал рядом. Обнял ее, а ей показалось, душит. Вырвалась из его объятий, подскочила, принялась отряхивать снег... А он извернулся, поймал губами ее губы...

– Пойдем ко мне?.. – виновато прохрипел он, шмыгая носом. – Мамка в ночь сёдня...

Пока шли, целовались: тыкались носами друг в друга, точно слепые кутята, глотали ледяной воздух, – а губы потрескались, а лица горят, шапки и волосы покрылись инеем, обледенели – сосульки вон повисли...

Дома тепло, на столе картошка, хлеб. И чай, горячий чай! И слова будто отогрелись: она читала ему из китрадки, прихлебывая из старой «батяниной» кружки – сгинул где-то батяня, кружка только и осталась... Он выпучил глаза, взъерошил рыжие патлы, накинулся на картошку: ел жадно, чавкал, шмыгал носом. Потом утер рот всей пятерней, долго глядел на нее не мигая – и полез целоваться, сдавил своими клешнями хрупкие плечики. Ей опять показалось, душит он ее, но сил вырваться не было.

– Варюха, одна ты, одна... – шептал он бессвязные слова.

Китрадка валялась на стуле, тут же кофточка, рейтузы... она до сих пор носит старые Иринкины рейтузы, срам...

– Страшно мне... – выдохнула – и кинулась в омут с головой!

И только лицо его качалось над ней маятником...

Вышли: тьма кромешная! Прижалась к нему: теплый, родной... и пахнет от него, пахнет хлебом, картошкой...

– Варюха моя!

Она нутром почуяла – не видать ничего, почуяла! – кто-то стоит у дороги... мать!

– Тетрадку спрячь! – только и выдавила, сунула Митьке зеленую китрадочку, сама шагнула в темноту, навстречу матери...

Он было торкнулся за ней – она оттолкнула его, цыкнула, словно на пса...

Поплелась за матерью.

Шли молча. И только снег хрустел под валенками, да какая-то собака приблудная на луну ли выла, на жизнь ли свою собачью жалилась...

Ох и била она Варюху, Нюрка: солдатским отцовым ремнем – бляха ой-ой-ой! – наотмашь била, озверела совсем, родинка налилась пунцовым брусничным соком! Бабушка полезла было дочери под руку – сама получила ни за что ни про что, опустилась на кушетку свою, молилась почти беззвучно. Отец плакал как дитя: Нюра, Нюра, опомнись, Нюра...

Мать опомнилась, только когда Варюха прохрипела что-то...

– Доченька, доченька моя...

Коснулась липкой холодной рукой Варюхиной спины – а расписала-то, зверюга, крест-накрест!

– Доченька...

Варюха собрала последние силы и сбросила липкую руку...

Спина покрылась коростой. Боль такая, что терпежу нет. А Варюха терпела, назло матери терпела: зубы сожмет, глаза зажмурит – и ни слова. Бабушка только причитывала:

– Господи, помилуй, Господи, помилуй!

И ходила за внучкой, что за дитем малым: докторов не признавала старая! – и смотрела на дочь свою Нюрку как на врага.

Да чего ей сделается, зло бросала Нюрка, пряча глаза, на ней все как на собаке зарастает...

А здравствуй, милая моя, а ты откедова пришла, горланил Валек денно и нощно, пьнчутка несчастный...

Кто-то в окно стукнул! Ну наконец-то! Собрала последние силы Варюха, отворила тяжеленный ставень, впустила Митьку, холодного, румяненного.

– Ты чего в школу не ходишь?

И пошел трепать языком невесть что. Думала Варюха, про «ту» ночь спросит. Нет, ни слова. Но другой стал, глаза другие: цепкие. Варюха набычилась: и больно, и совестно, и внутри что-то тяжелое будто, вниз тянет. Митька глядел на нее, глядел, потом в охапку схватил – Варюха взвизгнула: спин-н-на!

– Что ты?

Испугался. Глаз шальной, вихры торчат.

– Мать...

Варюха задрала кофточку, показала Митьке, как мать расписала ей спину.

Тот только присвистнул.

– Да... – вымолвил.

Китрадку достал из-за пазухи, протянул Варюхе.

– Вот...

Ерзал-ерзал на стуле, потом выдавил из себя:

– Варь, а вот пишешь ты... а на кой?

Та ответила не сразу, будто слова на весах взвешивала:

– Так после меня останется...

– Как это «после меня»?..

Вошла бабушка. В руках тарелочка с драниками: Варюха уж больно любит их, поджаристые, со сметанкой. Митька сглотнул слюну.

– Здрассьте!

А сам на драники косится, не ровен час, вместе с тарелкой сожрет.

– Здорово, коль не шутишь!

Улыбнулась, головой покачала, лукавая, а глаз зажегся: ишь ты, внучка-то, того и гляди, замуж за этого рыжего пойдет! – да на кухню и почапала, а куда кинешься: надобно кормить зятька будущего...

Митька драники уминает, на Варюху поглядывает. Та щеку кулаком подперла, глядит на него, по-бабьи глядит, с прищуром. А тут и бабушка: драники с пылу с жару, кушайте...

Уходил – поцеловал ее куда-то в лоб: мол, выздоравливай, Варька, мол, в школу пора. В окно выпрыгнул и уже оттуда, из темени, крикнул:

– Я мамке сказал. Она не против.

– Чего? – испугалась Варька.

– Чтоб ты к нам жить перешла...

Снег захрустел под его чеботами. Она разбежалась – да ка-а-ак прыгнет лицом вниз на бабушкину кушетку, как засмеется, вот дурная девка-то, а! Сама же потом за спину хвататься будет!

– Ба'шка, ты слышала, ты слышала?

– Ну чего горланишь? Не глухая, слава Богу, слышала.

Да и приголубила бедовую головушку, Варьшу свою: совсем взрослая, вон, невестится уже, вся в нее, в бабушку Матвевну! Хохотнула старая, языком прищелкнула: вот лет десяток назад... Да притихла: Нюрка, кажется, – кто-то в двери ковыряется, открыть не может. И этот где-то завихрился, пьяные его глаза...

Варька сжалась в комок: боялась она теперь матери, ух как боялась! Китрадку к груди прижала, не дышит, бабушке в тощую грудь носом уткнулась... Слава Богу, мать прошла в свою комнату. Плачет. Она каждый день нынче, вот как с работы придет, плачет. А кто ее знает, что у нее на уме. Надо китрадку спрятать, да подальше. С тем и уснула Варька.

А мороз лютый!

– Сколько живу, такого не видывала! Март на дворе!

Бабушка крестилась, кутала внучку в свою пуховую шаль. И

чего удумала в школу идти? Гори она синим пламенем. Отлежалась бы как следует. Та ни в какую: пойду, кричит, и слушать не хочет. Поперечная, вся в нее, в бабушку.

А Варька уж и сама жизни не рада: и какой пес ее понес в эдакую-то стужу за порог? Собаки, и те, из конуры носу не кажут.

В классе человек шесть – и Митька не пришел, а ведь ради него обжигающий холод этот глотала! Вот ведь... Только хотела ругнуть его перченым словцом – заваливается: Марь Васильна, можно? И портфель свой швыряет на стол... и Варюху заметил – лицо так и вспыхнуло, пунцовое!

Обратно шли не шли, все больше шатались, точно хватили ядреной бражки. Прильнули друг к дружке, рот в рот дышат.

– Как хорошо, что ты пришла! Чуда-а-а...

А дома тепло-о-о-о... и картошка... и хлеб... и чай... и китрадка... и кофточка... и рейтузы... и стра-а-а-ашно... и сладостно... и в омут... и рыжая голова... Митька-а-а-а, Митька-а-а-а!..

– Останься, Чуда моя! – шептал, когда Варюха надевала кофточку, рейтузы...

– Бабушка волноваться будет, старенькая она.

Провожать кинулся. И опять шли не шли...

Мать ни слова не сказала. Зыркнула на Варьку, губу закусила. Родинка, ишь, соком брусничным налилась. А ночью опять плакала мать, Варька сама слыхала.

Бабушка в маковку поцеловала, перекрестила свою непутевую внучку.

– Варьша ты, Варьша! И что мне с тобой делать?

А глаза добрые, светятся.

Всю ночь Варька писала в свою китрадку. Строчки вырвались на свободу и выделывали кренделя, будь здоров, а посмотришь – вот словно ритмы сердечные, Варька такие на кардиограмме видала: вверх – вниз, вверх – вниз петляют...

Уторкалась только под утро. А тут бабушка: в школу-то пойдешь? Девчонка спросонья глаз продрала, потянулась (а потягивается по-бабьи, бабушка сейчас и приметила – только головой покачала!), босиком, в одной рубашке по нужде выскочила – мать сидит на кухне, согнулась в три погибели да что-то читает, глаза мокрущие. Китрадка! К матери кинулась, как-то беспомощно заскулила: отдай, мол. Мать голову опустила. А китрадка рядышком лежит, еще тепленькая. Варька выхватила свою драгоценность, точно кость у собаки цепной. Слава Тебе, Господи, целехонька! А что у этой злыдни на уме? То-то и оно!

Место, место нужно сыскать надежное! Уж коли мать из-за иконки вытащила Варькино сокровище... Ведьма она, ведьма!

Может, Митьке отдать? А писать захочется? Не-е-ет...

Глаза чумовые, лохматая, щеки горят. Бабушка только ахнула.

– Да ты захворала совсем, дочка! Не пущу!

И встала поперек светелки, руки свои сухие, словно деревце ветви, раскорячила.

А Варька шары выпучила, китрадкой трясет перед самым бабушкиным носом – старушка и осела беспомощно на кушетку... Силы не те: вот лет десяток назад...

Из дому выскочила Варька, вот сумасше-э-э-эдшая: тело пылает, и китрадка горячущая – того и гляди, огонь вспыхнет за пазухой! А мороз лютый, собака, лезет своими лапищами за шиворот худой шубейки – да только девчонке-то нынче сам черт не брат! Ей бы местечко надежное сыскать, китрадку схоронить!

Всю округу оббегала, каждую щелочку обнюхала – нет, всё не то! А с самой, с дурехи-то, в три ручья течет, да только не чует она ничегошеньки...

Мать... Она! И стоит, не двинется... Варька за угол юрк, китрадку из-за пазухи достала, ямку в снегу вырыла, сама трясется вся! – и китрадку туда, в ямку: скорее, скорее! Варежки обтряхнула, засмеялась: сыщи теперь попробуй! Из-за угла вышла, а только глядит, мать как стояла, так и стоит... да и не мать это – баба какая-то деревянная: и какой чудак поставил ее посреди дороги?..

Назад кинулась: китрадку надо достать, замерзнет она там, в снегу, обнаженная... Рыла-рыла, рыла-рыла – нет китрадки! Весь снег переворотила – пропала, сгинула...

Как домой пришла, не помнит. Три дня в бреду лежала. Все про снег говорила: мол, под снегом она, замерзнет! А кто она-то?.. Бабушка только молилась да крестила внучку свою непутевую. Нюрку до Варьши не допустила: какая ты мать, кричала? – та и не спорила, в одну точку уставилась сухими глазами. Никому-то она не нужна... И этот, скотина, куда-то завихрился...

Воскресенье было. Солнце такое, что окна горят! Варька глаз приоткрыла...

– Очнулась, святые угодники!

Бабушка ну причитывать, а сама Варьшу пальцем боится тронуть, словно улетит девчонка, сгинет куда.

А та – вот неугомонная:

– Китрадка! – орет.

– Да пес с ней, с китрадкой твоей, слава Господу, сама живая!

Варька вставать.

– Да погоди ты, убьешься ведь!

Та – поперечная, вся в нее, в бабушку Матвевну! – и слушать не стала. Поднялась, одежонку накинула. А одежонка болтается на худеньком тельце, личико осунулось, глазища бездонные.

– Под снегом она, а где, не помню...

– Да кто она-то?

– Китрадка...

– «Под снегом»! Весна на улице, ты глянь, что деется-то!

Варька в окно выглянула – а там море разливанное: снег тает, ручейки текут... За живот схватилась – и ну выть!

– Да ты не горюй, Варьша, что ты, наново, что ль, не напишешь? Какие твои годы! Еще лучше напишешь!

Хотела успокоить бабушка свою внучку непутевую, а та как дурная глянула – и на улицу, грязь месить.

Старушка за ней: не приведи Господь, еще удумает какое лихо!

Всю округу перерыли, вдоль и поперек. Бабушка еле дышит, зато Варьку будто бес какой подначивает. Да всё пустое: сгинула китрадка, рой не рой...

А ручейки текут себе – и с ними сливаются строчечки, каракульки Варькины, землю орошают грешную...

ПРИЧАСТИЕ

– Отпускаю грехи...

Отец Александр перекрестил голову Анны, покрытую епитрахилью.

Она поцеловала его руку. Тихая, вышла из храма. Стянула с головы платок. Не исповедовалась лет двадцать...

В ночь перед Причастием Анна заболела. Металась по постели, задыхалась, в глотку словно тысячу ножей воткнули. «Черва точит», – вспомнила слова бабушки: та говорила так, когда болела. Заснула Анна под утро. И когда зазвонил будильник, не могла встать: пылающая голова раскалывалась, кости ломило, из груди вырывался кашель-рык.

– Приходите на Причастие...

Перед глазами Анны встало светлое лицо отца Александра. Она заплакала от бессилия. Но поднялась с постели.

Храм был полон. Анна притулилась у стенки: ноги не держали, голова была тяжелая, ныла спина. Началась литургия.

Анна запомнила лишь, как священник – это был отец Александр (она улыбнулась) – читал Евангелие от Матфея: то место, где бесы вошли в свиней, и представляла почему-то мультяшных розовых поросят, которые плещутся в речке и радостно хрюкают. Красиво пели певчие, и сзади кто-то пел, низким бархатным голосом. У Анны тоже был красивый голос, но сейчас он был похож на звериный рык, да и молитв она не знала...

Рядом с Анной на складном стульчике сидел парень-инвалид. Он все время улыбался, и когда Анна бессильно опускала голову, уставшая, больная, она думала: неужели этот ущербный может чему-то радоваться?..

Потом священник – не отец Александр, другой – махал кадилом, опять пели певчие, пели прихожане (ими руководил регент). Анна переминалась с ноги на ногу и молчала. Платье – мокрое от пота – пристало к телу, платок съехал набок. На мгновение Анна словно бы заснула. Разбудила ее тишина и голос священника – отца Александра:

– Иисус посреди нас!

Анна вздрогнула, пошатнулась. Прихожане зашевелились.

– Иисус посреди нас!

Они улыбались и обнимали друг друга. И вдруг какая-то женщина обернулась и обняла Анну.

– Иисус посреди нас!

– ...ди нас! – прохрипела Анна, коснулась женщины – и отпрянула: на нее глядела Лёлька, преданными собачьими глазами...

Анна прислонилась к стенке. Соленый пот ел глаза, колени дрожали. Литургия продолжалась. Лёлька отошла в сторонку, и Анна потеряла ее из виду. Молодой инвалид стоял на своих полусогнутых коротких ножках, повесив складной стульчик на шею, словно хомут. Пели «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» – и он крестился, все время улыбаясь. Потом не выдержал, сел. Анна закрыла глаза. Ей казалось, что она в бреду, что все эти люди ей пригрезились...

Прихожане выстроились в три длинные очереди: начиналось Причастие. Анна очнулась и заметалась. Она искала глазами отца Александра и не находила. Справа священник уже причащал молодую девушку с младенцем на руках: тот сморщил свое страдальческое личико и плакал, а девушка светилась неподдельным счастьем. За ней стоял парень-инвалид: его лицо тоже светилось счастьем. Он открыл рот, готовясь принять Причастие. Потом поцеловал чашу, руку священника. Анна вдруг увидела вдалеке отца Александра, сердце ее екнуло. Она встала в хвост очереди жаждущих принять Причастие из его рук. Повертела головой, не было ли поблизости Лёльки. Не было. Анна маленькими шажками смиренно двигалась к Причастию, изредка поднимая на людей глаза.

Причастившиеся, в каком-то блаженстве, сложив крестом руки на груди, проходили мимо. Старуха в белом платке: она шамкала беззубым ртом, пережевывая размоченный в вине хлеб. Крупный мужчина с красным лицом. Молодой парень в рваных джинсах, с серьгой в ухе. Задумчивая девушка с неубранными волосами и рюкзаком за плечами. К отцу Александру приблизился кудлатый бомж – Анна съежилась – и жадно обхватил губами ложку с хлебом и вином. Развернулся – на глазах его блестели слезы – проковылял мимо Анны, волоча по полу грязный мешок. Подошла очередь Анны. Она глянула в светлые глаза отца Александра, ища спасения, назвалась, когда священник, стоявший по левую руку от отца, спросил ее имя, открыла рот, приняла Святые Дары, поцеловала чашу...

Анна медленно вышла из храма, побрела к метро. Голова ее кружилась, во рту оставался привкус теплого вина и хлеба. Проходя мимо витрины магазина, машинально глянула на себя... и увидела Лёльку... она плелась за Анной.

– Дорога одна... – Лёлька виновато улыбнулась.

Анна молча кивнула, опустила глаза. Так и шли до метро, словно арестант с конвоиром. Солнце пекло безжалостно, в горле пересохло. На Анну чуть не налетел какой-то лихой самокатчик. Она остановилась, прислонилась к стене дома. Никогда Анна не была на Причастии... так ждала этого... и вот... Слезы бессилия покатились по щекам, болезнь вцепилась в глотку железной хваткой. Анна кашляла каким-то звериным рыком, задыхалась...

– Анюта... – Лёлька кинулась к Анне, обхватила ее руки.

– Уйди... – прохрипела Анна, оттолкнула Лёльку, поплелась тихонько к метро.

– Аню-та... – Лёлька вдохнула. Долго молчала. Потом кинула в спину: – Прости...

Анна обернулась:

– За что?..

– Не удержала я Петю...

Лёлька подбежала к Анне, схватила ее за грудки, заглядывала в глаза своими щенячьими глазками:

– Хорошо ему с тобой?

– Умер... он...

Анна выдохнула, в бессилии оперлась о парапет. Из подземного перехода приятно тянуло прохладой.

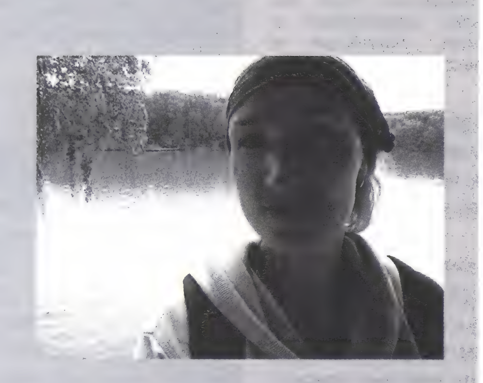
– Прости... – пискнула Лёлька.

– Христос простит...

И Анна спустилась в подземный переход.

❑

ВСЕ САМОЕ ВАЖНОЕ

Анна МОРГУНОВА

Член Союза литераторов России, Союза писателей XXI века. Первый сборник стихов «Мироободрение» вышел в 2019 году в серии «Визитная карточка литератора». Участница различных поэтических вечеров и фестивалей. Любимое крылатое выражение: «У желания – тысяча возможностей, у нежелания – тысячи причин». Живет в г. Москве.

***

Тот, кто по-настоящему искренен — всегда наг.
Будут показывать пальцами, шушукаясь за спиной.
Но зато он не носит с чужого плеча фрак,
Ведь любое изящное платье сковывает,
а он — нагой.

Настоящий художник будет всегда одинок.
Ведь всё самое важное постигается наедине.
Это одновременно подарок небес, груз и урок,
Это вечный рывок ввысь и якорь на дне.

Тому, кто по-настоящему любит, достаточно пары строк,
Прочтенных в безмолвии светящихся, родных глаз.
Только так проходит высокочастотный ток,
Когда не нужно никаких объяснений, никаких фраз.

ПУШКИН И НАТАЛИ

Из цикла «Влюбленные»

«О, как мучительно тобою счастлив я» —
Напишет ей — своей Мадонне — и поверит.
Как мало жизнь любимцу муз отмерит
Всего шесть лет в счастливейших мужьях.

«Чистейший прелести чистейший образец», —
Поэт идет с Мадонной под венец.
Но падает кольцо, Евангелие, крест.
Ах, как бледна прелестнейшая из невест.

Что на душе? Сомненья, ревность, муки.
Как бы хотел оставить шумный свет.
Косые взгляды, перешептыванья, руки.
А царь в который раз:
«На вашу просьбу, камер-юнкер Пушкин,
мой ответ вам — нет».

Арап, шальная обезьяна на Парнасе,
Талант и гений — непростительны,
Желчь, зависть, клевета.
Хоть некрасив,
Но стоило начать читать — прекрасен.
Но стоило начать читать — какая высота.

Летят — еще пока не долетают стрелы.
Но что там вдалеке маячит?
Всадник в белом.

Всё — осень больше не придет,
И лето больше не придет,
Весна — та тоже не придет,
На Черной речке алый лед.

Горяч. Терпенью есть предел,
И ангел божий не успел,
Не смог сберечь тебя.

Снежинки вертятся как мысли невпопад.
Ты постоял бы у лампад.
Глядишь, от сердца б отлегло,
И ты не взялся б за перо —
И не было б дуэли.

Но грянет выстрел — решено,
Ты не жилец,
Глядишь в окно.
Ты напророчил —
и слова вдруг потускнели.

«О, как мучительно тобою счастлив я», —
И в сотый раз откликнется земля.
Страданья и любовь, увы, неотделимы.
Ты был любим.
Она была любима.

***

Я видела, как старица молилась
В старинном храме на крутом холме.
Как много в этом взоре поместилось,
Рука тянулась к свету в вышине.

Что за глаза?! Познала в жизни много,
И слепок лет в натруженной руке.
Молилась так, как будто видит Бога
В светящемся мозаичном окне.

Все просто, словно дважды два — четыре.
И было ясно, жизнь зачем дана.
Горит свеча, и кажется, что в мире
Навеки этот свет и тишина.

ФОНАРЬ

Ночь. Фонарь моргает глазом,
Семафоря в вышину:

Месяц, выпьем кружку разом?!
А потом еще одну.

Месяц выслушал светило,
Окна облаком прикрыв.
Засияло, заискрило —
Месяц спрыгнул под обрыв.

То ли правда, то ли небыль:
Месяц в хмеле лезет вброд,
А фонарь полез на небо —
Так и жили целый год.

***

Сирень и дождь, а в полночь музыка —
дудук.
Нет бабушки — осиротели книги.
Немного душно. Слышен мерный стук
Дождя. Что человек? А человек —
лишь миги.

А человек — воспоминанья тех,
С кем близок был, подаренные свыше
Минуты вместе. Помнишь ее смех?
Уходит человек, почти как дождь
по крыше.

Закончишься — и новый ждешь рассвет.
Воспоминания — и нет границ у века.
Священнее, чем жизнь подарка нет.
Остались книги вместо человека.

ЛЕТОМ ГОРЕЛА СИБИРЬ

Посвящается всем деревьям, животным и птицам, погибшим в лесных пожарах

Бесноваться довольно, уймись и замолкни!
Ненажорное, жадное, жирное рыло.
Больше нету деревьев, повсюду осколки.
Вскройте же кто-нибудь ярко-алые жилы!

В размалеванном, адском и диком огнище
К небу звери неслись. Ты не тронь их!
Не смей!
Как хочу я домой — там теперь пепелище.
Безграничное кладбище мертвых зверей.

Все разгулье ему, кабаре и фиеста!
На зубах у него хруст деревьев Алтая.
Как хотели деревья сорваться бы с места.
Но кричала: «Не выйдет!», искристая стая.

Так плесните же в морду воды ледяной,
Чтоб издох он, одумался, чтобы окстился.
Заметался огонь и, тряхнув головой,
Вдруг ручищей пылающей перекрестился.

Он поднял вдруг глаза —
все черным-черно:
«Неужели, — заплакал —
моих все рук дело?»
Посредине тайги выжженное пятно.
И клеймом изуродовано земли тело.

Поминальные тризны читал сам огонь.
А мы все жили здесь, как ни в чем
ни бывало.
Нам казалось во сне проскакал
Красный конь —
В черных дырах оставив цветущее
покрывало.

***

Я благодарна детству моему,
Оно цвело в скрипучем старом доме.
Весна, в саду жгут жухлую листву,
Любимый дом застыл в земном поклоне.

Шептался сад цветов с кустом малины.
Колье из звезд вверху над головой.
Ночь танцевала, словно балерина,
Расправив черный бархат над землей.

А детство промелькнуло так давно,
Как будто его не было не свете.
Калитка, сад и я смотрю в окно...
Когда успели взрослыми стать дети?

ВАГОНЧИК СОЛНЦА

Пришли составы — нефть, цемент
и уголь —
Все деловые люди тут как тут.
В одном вагоне золотится угол.
Я догадалась: солнце в нем везут!

Лучистый груз наделал много шума,
Привез его неведомый чудак.

Чтоб солнце лить... И ни о чем не думать,
Куплю вагончик солнца
просто так!..

***

Здесь был мой дом, горели в нем огни.
Теперь лишь колокольчики... Остаться б,
Мы в целом мире были с ней одни,
Еще не зная, что пора расстаться.

Прощай, мой край, пора мне в путь идти.
Деревню нашу с крышами покатыми
Сожгут дотла. Прости меня, прости!
Как бы хотел вас защитить!
В груди врага стократно

Я отзовусь. Вот бы свинцовой пулей
Там пролететь. Ну, что умолк? Притих,
Фриц! Жизнь как свеча, их больше
ста задули —
Карательный отряд. Что всех родных

Я потерял — о том я не узнаю,
Под Сталинградом в огненном бою
Убит. Я вижу птичью стаю
И на каком-то языке я с нею говорю.

То вырастаю радугой покатой,
Травинкой тоненькой качаюсь на ветру.
Лечу весенней птицей, я — крылатый.
Какое счастье знать: я не умру.

Шальная пуля! Как же горячо!
Как много света — неземное чудо.
Я буду... буду солнечным лучом.
Я буду! Слышите, я буду.

Вячеслав КУПРИЯНОВ

Член Союза писателей России, Союза писателей Сербии и Союза писателей Сербской республики. Лауреат премии фестиваля поэзии в Гоннезе (Италия), лауреат Европейской литературной премии (Югославия), обладатель Македонского литературного жезла, лауреат премии им. Бранко Радичевича (Сербия), премии министерства образования Австрии, премии «Моравский свиток» (Сербия), Бунинской премии, Почетной грамоты главы республики Саха, Международной премии «Европейский атлас поэзии» (Сербская Республика), премии Felix Romulana (Сербия), премии «Сердец связующая нить» (СП России), премии «Югра», Международной премии Naji Naaman's Literary Prize, Япония, Международной премии «Золотой ключ Смедерева», (Сербия, 2021).

«...МЫ СЛЫШИМ ЧУДНЫЕ ЗВУКИ...»

СМЕХ

Смех уму не помеха,
Нас очищает смех
От чешуи успеха
И скрашивает неуспех.

И только в смехе опора,
Если нас черт побрал!
Смех на устах у хора
Возносит ввысь, как хорал.

Но смех без достойных пауз
Безумием отдает,
И лишь нагнетает хаос
Хохотом идиот.

Умный, поднятый на смех,
Сумеет стать выше обид:
На крыльях, надетых наспех,
Он в сфере смеха парит!

Господи, морю, и суше,
И небу долю отвесь:
Смех наш насущный
Даждь нам днесь!

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ...

Человек человеку — друг!
Но идет в нем свирепый бой
Загребущих собственных рук
С все еще мыслящей головой.

На распутье разных дорог,
Виду левых, правых сторон —
Соревнование резвых ног:
То вверх, то вниз под уклон.

И в каждом все же живет поэт,
Пока он за горло не взят!
Но он сдал мозг в Интернет
И брать не хочет назад.

Он верит, все у него впереди,
Он не верит в конец!
Сердце бьется в его груди —
Против чужих сердец.

ЛОЖЬ

Как интригует ложь,
Изложенная славно:
Одним она забавна,
Других бросает в дрожь!

Как современна ложь —
Все время в новом свете!
И с ней играют дети,
С ней дружит молодежь.

Как мило жить по лжи
В кругу сплошной поруки,
Где заодно ужи
И жуткие гадюки!

Порой не разберешь
Без зоркости орлиной,
Где безобидна ложь
И где в ней яд змеиный.

И, как известно, ложь
Имеет истин много.
С нулем ее итога
Свой опыт подытожь!

* * *

Это забота толп
В вечной добыче благ:
Не налететь на столб,
Не угодить в овраг.

Чтобы не сбили с ног,
Чтобы не застили свет,
Чтобы, толкая в бок,
Не обогнал сосед.

Чтоб не втоптали в грязь,
Не обокрали тайком.
Чтобы, в лицо смеясь,
Не сочли чудаком,

Чтобы на этом бегу
Не уронить суму.
Чтобы назло врагу
Выжить. По одному.

***

Жизнь с электроникой — новая мода.
В липком плену цифровых чудес
Здесь человек не видит народа,
Считая деревья, не видит лес.

Так поприветствуем мир простофиль мы,
Где глупый над мудрым смеяться готов!
К чему мы смотрим цветные фильмы,
Не зная названий лесных цветов?

Как мы слышим чудные звуки,
Не зная названий поющих птиц?
Мы многолики и многоруки,
Но не различаем ближайших лиц.

Мы не знаем, что запах книги
Сродни аромату берез и лип,
И запаху свежей ржаной ковриги...
Но нам доступней безликий клип.

ОРГАНИЗМ

Организм не терпит скуки,
Он не верит в правду клюкв,
Он озвучивает звуки,
Данные нам в виде букв.

Организм дорогу знает,
Организм не лыком шит,
Он, покуда все рыдают,
Смело сам себя смешит.

Он хранит свой облик зверий,
Он изжил социализм,
И плюет на всех бактерий
Закаленный организм.

Он глядит вперед сквозь призму
Механических наук,
Где на смену организму
Робот выдвинется вдруг.

И, согласно этим сменам,
Будет он сильней стократ,
Робот будет бизнесменом,
Будет робот демократ.

Будет он в большом и в малом
Регулятором страстей,
Будет робот либералом
В смысле смены запчастей.

А носителям харизмы,
Организмам прежних эр,
Будут ставить механизмы
Бюсты — роботам в пример.

* * *

Миленький ты мой,
возьми меня с собой...

Девочка строит воздушные планы:
«Милый, возьми меня в дальние страны!

Здесь все слова ненадежны и голы,
С дерева речи опали глаголы.

Ты же — как лист, что по осени носит,
То монреалит, то буэносит.

Я буду рядом, печали развею
По Пиккадили и по Бродвею...»

Милый желанья воздушные взвесит,
Пококтебелит и поодессит,

Пояс подтянет, денег подкопит,
Поафриканит и поевропит,

Полиссабонит и помадридит,
То есть полюбит и поненавидит,

И побрюсселит, и поберлинит,
Русскую душу из девочки вынет.

«Ах, в Будапеште и в Бухаресте
Есть у меня уже по невесте.

Ах, от Аляски до Аризоны
Снятся мне брошенных жен гарнизоны!»

Чуть на прощанье еще поваршавит...
В Нижнем Тагиле на место поставит.

ХОРОШИЙ ЛЮДОЕД

Дом стоит, и в доме светит свет,
Там живет хороший людоед.

В этом доме мир и тишина.
У него красавица жена.

У него детишек полон дом.
Он всего достиг своим трудом.

День его суров и напряжен.
Он чужих подстерегает жен.

Он в делах охоты грамотей,
На чужих охотится детей.

Чтоб была полна его сума,
Он в чужие ломится дома.

Он идет по головам чужим,
Чтобы дома соблюдать режим.

А в чужих домах ютится страх,
Там его портрет во всех углах.

И сменить означенный портрет
Лишь другой способен людоед.

* * *

Шел я через лес один,
Созерцая мир зверин,
И глядели на меня
Очи дерева и пня.

Я взглянул на небо птиц —
Птицы все упали ниц.
Я хотел испить воды —
Рыбы, словно от беды.

Отшатнулись от руки.
Чуть коснувшейся реки.
Все как вымерло опричь.
Затаилась где-то дичь.

Только человечий вой
Стелется над головой,
Только человечий крик
В каждое гнездо проник,

В нору каждую залез,
Возмутил лицо небес,

И летят с ветвей берез
Капли безответных слез.

Слышит даже лунный диск
Тихий человечий писк.
Как же так? От слов пустых
Даже львиный рык притих.

Я злодею-палачу:
— Человек, ты где? — Кричу. —
Появись при свете дня!
...Никого опричь меня...

ИЗУМЛЕНИЕ

Я перешел площадь
Недалеко от вокзала.
Меня заметила лошадь
И негромко заржала.

Я завернул во мраке
К каким-то длинным сараям,
Меня увидали собаки
И встретили громком лаем.

Потом загалдели птицы,
Как будто запели хором —
Встречайте гостя столицы,
Дай бог, чтоб он не был вором!

Затем я в метро спустился
И втиснулся в дверь вагона.
Никто мне не удивился.
Люди молчали синхронно.

Люди в подземном гаме,
В оцепенении странном
Постукивали ноготками
По еле зримым экранам.

И дальше эти сигналы,
Делая время короче,
Вбивали байты и баллы
В их же уши и очи.

Так люди сами с собою
Делили звуки и знаки,
И были горды судьбою
Даже в подземом мраке.

Я понял: решая задачи,
Каждый в своем промежутке,
Люди все более зрячи,
И все более чутки.

И знать им надо едва ли,
Как могут им изумиться —
Как их там называли? —
Кони, собаки и птицы.

МОТИВ ЯКОБА БЁМЕ

Дьявол всегда пребывает в аду
Даже под небом рая.
Это надо иметь в виду,
Родину выбирая.

Ангел всегда пребывает в раю,
Даже и в пекле ада.
И лучше быть рядовым в строю,
Чем возглавлять стадо.

ГЛИНЯНАЯ АРМИЯ ДЕСПОТА

Китайский деспот Цинь Шихуанди
Во Втором веке до нашей эры
Повелел сжечь все умные книги
И закопать в землю живьем ученых
и поэтов.
А в своей гробнице
Спрятал в засаде
Армию терракотовых воинов
На случай, если народ поумнеет.
Но по прошествии времени
Всю эту премудрость книжную
восстановили
Те, кто помнил наизусть эти книги,
И приснился мне глиняный страшный сон,
Что глиняные солдаты деспота
Пошли в наш век Двадцать первый
Незримым шелковым чайным глиняным
путем
По уже открытым Памирам и Уралам
На нашу русскую землю,
Чтобы закрыть наши русские книги
И зарыть в нашу русскую землю
Всех, кто еще способен думать.
Но шли они, как оказалось, напрасно,
Ибо все это уже сделали
Простые русские
Современные деревянные матрешки
И простые русские
Глиняные детские свистульки.
И некому восстановить нашу мудрость
Поскольку никто
Ничего не запомнил

ДУМА — 1

Я подумал, что будет
Все именно так, как я
Даже не мог подумать.
Думать так, чтобы так
И стало, как ты подумал,
Можно лишь не слишком
Задумываясь. Но и задумчивость
Вовсе не знак большого
Ума. Думать трудно весьма,
Особенно, если занят
Чем-то другим, для чего
Ума вовсе не надо. Но я
Был бы не прав, если бы
Вовсе не думал. Надо,
Все-таки думать, быть может,
Только так и можно
Что-то придумать. И стоит
Подумать, прежде чем
Согласиться с привычным
Отсутствием всякой мысли.
Не стоит, вы думаете? Я
Так не думаю.

ДУМА — 2

Вспоминая и воображая,
Я подумал, даже их не видя,
О как они невеликодушны,
Как они недальновидны,
Как они несправедливы,
Когда они рассуждают о нас!

Так я подумал и устыдился:
А как мы невеликодушны,
Как мы недальновидны,
Как мы несправедливы,
Когда мы осуждаем их!

И тут я еще подумал
И я еще устыдился —
Какое я имею право
Думать за нас за всех:
О как я невеликодушен,
Как я недальновиден,
Как я несправедлив...

«РЕКЛАМА»

Купите телевизор с большим экраном —
Это расширит ваши умственные горизонты,
Будет больше места для пролитой
чужой крови,
А то она прежде при небольшом обзоре
Стекала на пол и портила вашу мебель.

Что особенно важно — это третье
измерение,
Чтобы голые дамы самым виртуальным
образом
Падали с экрана в ваши реальные объятия,
А если вам захочется их загнать обратно —
Включите свет и выключите телевизор.

Купите телевизор с большим экраном
Это сделает вашу комнату еще больше
И даже ваш город и всю вашу отчизну.
А если вам предложат принять участие
В военных действиях, то это чисто
визуально.

И вообще покупайте большие вещи —
Стул, на который встанешь и станешь выше,
Стол, за который сядешь и съешь все,
что хочешь,
Лампу, которая увеличит ваши жидкие тени,
И кровать, с которой можно смотреть
телевизор.

МИФ О РЫНКЕ

Выбирая на рынке огурцы и капусту,
Я воспеваю миф о рынке,
Хвалу пою продавцам и посредникам,
Изобретателям дынь и бананов,
Знающим всему настоящую цену.

Глядя на чужие дома и заборы,
Я воспеваю миф о рынке,
Хвалу пою тем, у кого все дома,
Кто знает цену всему чужому,
Кто знает, что заборы домов дороже,
Глядя на небо, купившее себе землю,
Хвалу пою Тому, кто отдал даром
Эту землю деревьям и травам,
Чтобы они покрывали любые сделки
И сводили с концами моря и реки.

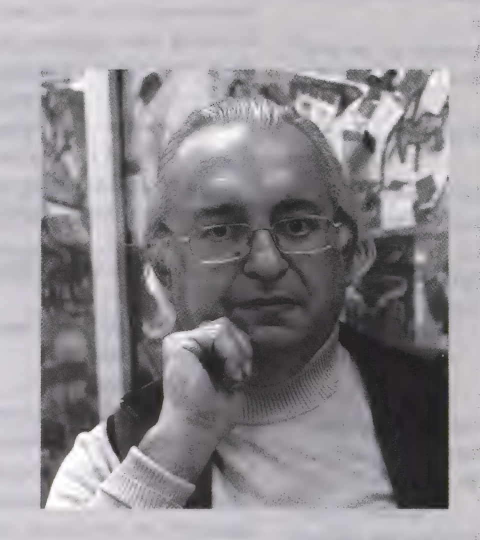
УВЕЛИЧЕНИЕ

Все живое хочет себя увеличить —
От амебы до тираннозавра,
От бациллы до человечка —
Увеличить и то, что уже имеет,
И более того добыть то.
Чего еще нет в наличии.
Никто не хочет оставаться в рабстве
У собственной величины,
И всем всегда не хватает свободы.
Мысль о свободе возникает при виде
Открытого моря — свобода! — но тут же

Зыбкий страх перед бескрайним
простором,
Бездной моря помноженным
На бездну неба,
Страх глубины
И тем более страх взлета.
Или вот еще нечто, чреватое страхом —
Ощутить себя вдруг российским Коломбом,
Открыть вдруг за океаном-морем Америку,
Заселить ее русскими казаками
и золотоискателями
И уже из русской Америки
Задуматься о России и Европе —
То есть Европа мы или не Европа?
И исходя из этого американского
положения
Решить, что лучше, чем думать об Европе,
Заставить Европу думать так, как мы ей
положим,
То есть думать с уважением
к диалектике древних греков.
Но опять же: где еще поставить памятник
незабвенной свободе,
Если не в русской Америке,
Не в Древней же Греции,
Где мыслителю, чтобы свободно мыслить,
Надо было держать хотя бы десяток рабов,
Где в каждом из них, возможно,
Погибает новый Эпиктет или новый Эзоп?

Что бы хотелось еще увеличить?
Эту землю и это звездное небо?
Умножить число рабов на земле или
волн на море?
Число звезд на еще свободном небе?
И не жаждут ли где-то звезды
Или кто-то на видимых светилах
Видеть и во мне только раба,
Поклонника светил и бухгалтера галактик?
И даже в ночном небе
У кого больше свободы?
У неподвижных стойких созвездий,
Ожидающих неизвестно какого
звездного часа,
Или у невесть откуда возникших
И поспешно вспыхнувших метеоров —
Этих беглых рабов с плантаций
Незримого звездного неба?..

«...АНГЕЛ, НЕ ДОЛЕТЕВШИЙ...»

Евгений МИНИН

Поэт, пародист, издатель. Автор одиннадцати поэтических сборников и книги прозы, председатель Международного Союза Писателей Иерусалима, член СП Москвы, член Русского ПЕН-центра. Издатель и главный редактор журнала «Литературный Иерусалим», член редколлегии журналов «Дети Ра» и «День и Ночь». Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта – Израиль, а также премии журнала «Флорида» и премии Литературной газеты «Золотой теленок». Награжден медалями С.Я.Маршака и М.Ю.Лермонтова за вклад в российскую литературу. Живет в г. Иерусалиме.

ПОЭТ NEXT

В эти дни, в минуты эти
средь людских несметных орд,
он живет на белом свете
человетер-пчеловорд.
Ни кредитки, ни визитки,
ковшик на электроплитке,
ковшик там, где Млечный путь.
И висит на интернитке
вся его земная суть...

КАБАNOW

Когда айсберг с ним откололся от Антарктиды –
он этого не заметил, заглядевшись на пингвинов,
фиксируя стихотворные неликвиды,
верный «блакнытик» для этого вынув.
Отплавал «Титаник» в поиске приключений,
да кто не нагляделся на тонущие пароходы?
Но не дрейфит на льдине украинский аборигейний,
глядя на дрейф айсберга в теплые воды.

В ПОИСКЕ ИСТИНЫ

В жарком споре зрите в корень,
но не в тот, что радикал.
По долинам и по взгорьям –
не гуляет аксакал.
Суть отныне тонет в тине,
и не плавится в огне.
Хоть мускат пей, хоть мартини –
нету истины в вине.
Пусть собаки злобно лают –
караван жует кунжут.
Лишь фазаны знать желают,
где охотники живут...

СОН

Паучок падает в воду и превращается в спрута.
Пожирает там всё и вся.
И это круто.
Женщина падает в воду, а там такие ж русалки,
Гладят по спинам рыбёшек,
а ночью играют в салки.
Мужик идет по делам.
И невзначай, между делом,
от пули падает наземь
и становится просто телом.
Я падаю в омут сна, где бездна мертвого люда.
Положи мне ладонь на лоб.
Помоги вернуться оттуда.

* * *

Суковатая черная ветка
надо мной где-то там, в высоте,
словно графики четкой виньетка
под строкою на белом листе.
Оттого с каждым годом старея,
подходя к своему рубежу,
заряжаюсь, как батарея,
от земли, по которой хожу.

* * *

В слове «прощай» прячется слово «роща»,
расположенная в долине печали.
а над ней тишина — журавли откричали,
лишь бегает ветер, кончики трав ероша.
И лежа там, на спине, бездумно и слепо глядя
в небо, что на пяльцы натянуто тканью,
да что там не вышито — крестиком или гладью,
это лучше, чем жизнь проживать тараканью...

* * *

Когда-то мы выговаривали Мао-Цзэ-дун
Так же легко, как нынче — муэдзин.
Тогда было много китайского — тюль для окна.
Я носил рубаху из китайского волокна.
А теперь каждая мелочь, любая дрянь,
Если не Инь, то обязательно Янь.
И когда вижу, как бредет шатаясь «мусчина» —
Думаю: и этот — made in China...

ЕЙ

Сравнила слово со пчелой:
примчит неведомо откуда,
ужалит так, что будет худо
и землю хоть от боли рой.
Пчелой бы — это не беда,
а то навылет, словно пулей,
в тебе порой их целый улей —
ты б промолчала иногда...

* * *

На чистую воду выводят меня —
так на мелководье выводят линя,
но я же не рыба, я тот еще гусь,
сачок не готовьте — я снова сорвусь,
сорвусь со скалы и уже на лету,
почувствую крыльями ту высоту,
где в легкие хлынет живящий озон,
и чтоб не охотничья пуля вдогон...

* * *

Эй вы, ботаники!
Не сушите гербарий из опавших листьев —
возможно — это сердца,
раздавленные автомобильным колесом.
Эй вы, зоологи!
Каждая засушенная бабочка —
просто маленький ангел,
не долетевший до вас...

* * *

Когда понимаешь, что в любви,
которая всегда рядом, словно книжная полка
или
зонтик перед дождём,
в любви,
невидимого света которой
ты, возможно, не стоишь,
проявляется доброта и забота —
то не тень ли старости это?

«Моя мама перед войной очень хотела поехать в Италию. Ей не столько хотелось увидеть статуи Микеланджело и картины Леонардо да Винчи, сколько искупаться в теплом море. Это потому, что она родом из Држиня, что недалеко от Кладно, где был только жалкий Утиный пруд, покрытый ряской, и мама, будучи маленькой девочкой, не могла там купаться. Каждую весну она всегда спрашивала нашего папу: «Леушка, мы поедем этим летом в Италию?» Мой папа Лео, как правило, отвечал, что в этом году у нас недостаточно денег, и утверждал, что, по его мнению, на Бероунке, что у городка Кршивоклат, намного лучше.

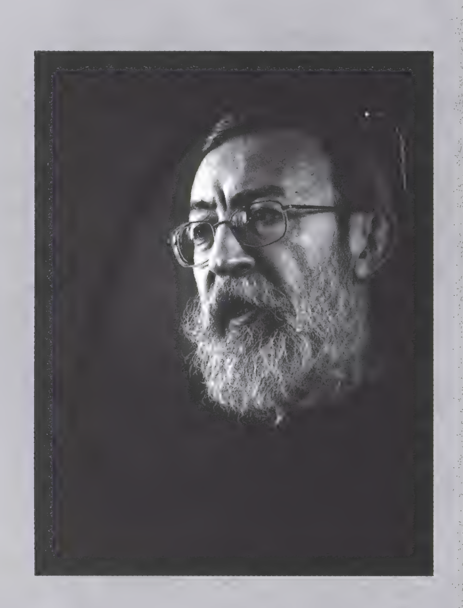
У моего отца были совершенно другие заботы. На первом месте у него были торговля и рыбы. В обоих случаях он невероятно преуспел, однако предпочтение отдавал рыбалке, и это было вечное проклятие для нашей семьи, а также для шведской компании «Elektrolux», где он был коммивояжером...»

Ота Павел.

Если вы хотите познать загадочную и удивительную чешскую душу, то эта книга для вас. При этом, читая новеллы Оты Павела, вы будете одновременно и плакать, и смеяться...

Степан Гилар, консул.

Владимир НИКОЛАЕВ

Социолог, преподаватель, переводчик. Пишет стихи и прозу с начала 1990-х годов. Стихи публиковались в альманахах «Перекрестки», «45-я параллель», «Плавучий мост», «Особняк», «ФИНБАН», проза – в альманахе «Особняк». Живет и работает в г. Москве.

«ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ ПРОЛОЖЕНА НИТЬ»

ТИХАЯ ШАПКА ДЛЯ КОЧАНА

Слов начинка, суть и смысл
В кочанах заключены.
Скрипы тихих коромысел
Отвлекают от чумы.

Лунным соло дышит вечер.
Дымом сыт, сидит один,
С кочаном не чая встречи,
Тривиальный господин.

Вот плывет кочан послушный
Кораблем среди толпы,
Огибая простодушно
Все фонарные столбы.

Господин вжимает плечи:
В котильон де шатильон
Входит сумрак человечий,
Тихой шапкой утеплен.

СИНИЕ ШЛЕЙФЫ: ПЯТИТСЯ СТИХАЯ ПОТАЕЖНАЯ БЫЛЬ СТИХА

Шлейфы тянутся, синие шлейфы.
Через сердце проложена нить.
В подземелье спускаются эльфы
Потаежную быль хоронить.

Входят эльфы по пояс, по плечи
В холод вечных подземных пустот.
Кто не слышит их дрёмные речи –
Тот не дышит, не ведает тот.

Время кончено. Рады стараться.
Перемычкою сцеплен зазор.
Не умеет под окриком рваться,
Не имея огрехов, узор.

Зорок сокол. А ворон страшнее.
За рекой, за ручьем, вдалеке
Грозен оползень выбросом шеи,
Красен глаз в отрешенной руке.

ВИХЛЯЮЩИЙ КРЕЧЕТ

Блистанье в доблестной породе:
Лобзанья, вина, пироги.
Среди застолий кречет бродит,
Вихляющий на полноги.

Идет направо – песнь заводит,
Налево – замолкает рот.
Встают жрецы чревоугодий,
Чтоб плыть дорогой всякой плоти,
И падают в водоворот.

ОСЕННИЙ КРИК ДЯТЛА

Ёжики ранних светил.
Колыхаются благом календулы:
Ноготок к ноготку.
Кто ночевать запретил?
Перегнойные шарики бледные.
Дятел присел.

Сук – это сук.
Или сон затаившейся гадины.
В чистых листах бересты
буквы как травы шумят.
Четкое слово
Тянет лохматые руки из черного логова.
Стук-перестук.
Стало дико на нашей поляне.

БАБОЧКА

Из угла в угол летают самолеты-призраки.
Бабочка качается на потолке.
Жизнь – это всего лишь
неудавшийся случай туризма,
Путешествия налегке.

Какое там путешествие, когда
все углы заставлены
Вещами, людьми, насекомыми,
нефтяной бадьёй!
Усталый сторож вскакивает и закрывает
ставни.
И от этого становится еще теснее
и душно как никогда.

ЕЩЕ РАЗ О КОЧАНЕ

Неси достойно свой кочан,
Пусть уши на ветру
Колышутся как стрел колчан
Охотника в бору,
Пусть острый нос, как волнорез,
Вгрызается в туман
И чутких глаз микрофорез
Кладет огонь в карман.
Ведь трудно жить без кочана
В миру и за углом –

Начинка в нем заключена
И мыслей бурелом.
И даже хромый и слепой
Увидит: вот кочан!
Воскликнет: «Пой, волынка, пой!»
Не сможет промолчать.

ГУЛ И ЩЕБЕТ В ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЕ, ИЛИ ЭРИК СТЕНБОК В САДАХ ЗЕМНЫХ И НЕБЕСНЫХ, ЯВЛЕННЫЙ РИТМАМИ И ЗВУКОСОЧЕТАНИЯМИ

Средь сов и лис, младая мисс,
Нам хорошо вдвоем.
Давай напишем два стиха
Под черным фонарем
И нарисуем две луны,
Чтоб подорвать стихи.
И я: ха-ха. И ты: хи-хи.
Мы вместе быть должны.

От боли лопнула струна,
И слышен странный гул.
Любовь — волшебная страна.
Любого манит глубина:
Нырнул — и утонул.

И всё:
Кого теперь встречать?
Кому теперь урчать?
Однажды стоит лишь начать —
И сорвана печать.
Течет река издалека.
Все вещи — на века.
Зловещий шепот королька —
И нету рыбака.

Средь сов и лис, младая мисс,
Сердечно манит высь.
Мы снова вместе быть должны.
Нам суждено спастись.
Над нами стонут две луны.
А кто не без греха?
Под грохот взорванной струны
Мы подорвали два стиха.
И ты: хи-хи. И я: ха-ха.
Страстями странности стройны.
И гул оглоблей глубины
Влетает в потроха.
— — —
И гул гуляет в облаках
От этой глубины.

ДВЕ ЗОЛЫ ЗОЛУШКИ

Одну из двух зол —
Ту или эту —
Высыпь, Золушка, на камзол
Молодому корнету.

Гулко рявкнет корнет,
От неслыханной наглости злой:
«Огород при наряде!»
А ответа и нет.
Лишь, сияя, блестят над золой
Золотистые пряди

И двое задумчивых глаз.

КАНАТОХОДЕЦ

Идет луной канатоходец,
Торчит навек,
Красивый маленький уродец,
Столицый человек.

Лиц выражений переливы —
Сигнал о том, что жизнь крепка,
И глаз задумчивые сливы
Свисают в облака.

И удивительно подвижно
Две сотни губ,
Отчасти верхних и отчасти нижних,
Наполненных, живых, совсем не книжных,
Твердят, что дуб.

ОБЛЕТАЮЩИЙ ТОПОТ

Мне нравятся многие, чтобы...
Но где их скалистый полет?
Ступаем в такие сугробы,
Что туфельки рогом об лед.

Ступаем в такие теснины,
В простенки такой глубины,
Что, в сумерках греясь тоскливо,
Вздыхают дубы-бодуны.

Расцветим сверкающей дулей
Расцветшие эти стада.
Весь мир шелестит на ходулях,
И топот шумит иногда.

И лед, отбивая чечетку,
Хрустит над последним плечом.
И дым пробивает нечетко,
И жирная влага течет.

КОЛЫШЕК

Мутным словом покалечен,
и из уст сквозит вода,
Благодатью не отмечен, не замечен
никогда,
Неотступен, недоступен ни учу и ни лучу,
Я тасую, я рисую, буквы колышком черчу.

А из колышка выходит: От зари и до зари
По пустым проходам ходят озари
и сизари,
Подгибают вплавь коленца, движут
голову с плеча,
Знать не хочут иноверца, ни уча и ни луча.

Знать не хочут, знать хохочут,
звонких звуков перелив
Скотчем потчует охочих, хлопотлив
и говорлив,
Извивается змеею, и давным-давно
со мной
Дружит днёю и не днёю недоступной
стороной.

Стороною темной этой я кружу
и дорожу
Как далекой песней, спетой крокодавру
и ежу,
И межу меж тем и этим мне даровано
блюсти,
Даже если я отпетый,
Стопкой в сумерки одетый,
С утлым колышком в горсти.

НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО, А ВДРУГ БАГРЕЦ

Багрец явился бестолково,
А на груди у багреца —
Медаль за то, что дело в слово
Не возвращается с лица,

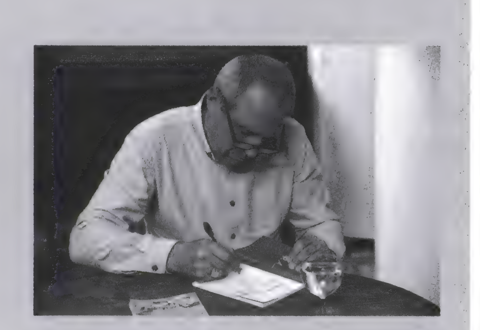
За то, что дождь росой холодной
Чужие кряжи окропил.
И дует ветер самородный
В древесной тяжести стропил.

И выше плотники — туда же!
Предместьями прочерчен путь
На Богом брошенные пляжи,
В непроницаемую муть

Того, о чем молчать. И дико
Ночной прохожий скалит рот.
В таможне плачет Эвридика.
Набрать, сглотнуть, дойти до пика,
И кубарем — за поворот.

ПРОХЛАДНЫЙ СВЕТ

Затихла музыка. И день почти что
на исходе.
Густые сумерки — таков венец пути.
Прохладный свет. И утешенья не найти,
И ветер флюгерной листвою хороводит
Без устали.
Без двадцати
Шагов до полночи, где всё —
пустой мембраной —
Столь умозрительно. Но кожу не унять.
Всех примет Свет... Как мягко стелят,
Боже правый!..
И как понять...

Феликс ЧЕЧИК

Лауреат «Русской премии» (2012) и Международной литературной премии им. И.Ф.Анненского (2020). Живет в Израиле.

«ТЫ СМОТРЕЛ НА РАССВЕТ, НЕ ДЫША...»

* * *

Не будем все-таки о грустном,
а будем, глядя на огонь,
пить чай, не торопясь, вприкуску:
глаза в глаза, ладонь в ладонь.
Из алюминиевых кружек
вылавливать чаинки и
печалиться, не обнаружив,
в сердцах ни капельки любви.
А только странное желанье:
друг в друге раствориться, как
кусочек сахара в стакане
и самолетик в облаках.

* * *

Я выйду из леса. Я стану как вы,
точнее — прикинусь таким,
лишь на ночь снимая парик с головы,
с лица — опротивевший грим.
На двух, чтобы не отличаться от вас,
я буду ходить, семеня,
и только огонь непогашенных глаз
нет-нет, да и выдаст меня.
Заплачет ребенок в ночной тишине
и мать не поймет, от чего:
бедняжка, она обратится ко мне,
чтоб я успокоил его.
И я колыбельную песню спою,
и он как убитый уснет,
обняв по-звериному морду мою
и в теплый уткнувшись живот.

* * *

Сестре

Гэдээровской кукле не спится —
свет в глаза, неисправны ресницы,
сколько лет, не припомнит сама:
одиноко в чулане пылится
и поплакаться некому: «ма...»
Дочка выросла. Внукам до фени
полинявшее это старьё:
всюду барби — как бледные тени
на упитанном фоне ее.
Худосочные американки
«Made in China» не знают забот.
А в чулане стеклянные банки:
огурцы, помидоры, компот.
И бедняжка вздыхает печально,
оказавшаяся не у дел.
Хоть бы кто прикоснулся случайно,
хоть бы кто ненароком задел,
чтобы вдребезги. Это, по сути,
даже лучше, чем жизнь взаперти.
И предсмертное хриплое: «Mutti!
Wo bist Du? Пожалей и прости!»

* * *

Мои первые джинсы за 70 рэ,
светло-синие с клешами — «Lee»,
не какой-нибудь там самопал — во дворе
столько шороху навели!
Я неделю балдел, задирая свой нос,
но всему наступает конец,
и врагу моему «Levi Strauss» привез
из загранки приемный отец...
«Враг мой, брат мой, — шепчу я, как
будто в бреду, —
мы на взлетной уже полосе,
так давай же, обнявшись, пройдем
по стриту
в той, не знающей сносу джинсе!»
Отдыхают «Cavalli», «Armani», «Versa»...
— Кыш, высокие, не до вас!
Светло-синие «Lee», как весной небеса
и, как зимнее небо, «Levi's».

* * *

Всё путём и сомнения нет:
диалектика, брат.
Ты когда-то смотрел на рассвет,
а теперь — на закат.
Ты смотрел на рассвет, не дыша,
и боялся спугнуть,
и росла у ребенка душа,
как в термометре ртуть.
Но важней и дороже смотреть
на закат старику
и в закате увидеть не смерть,
и не тлен и труху,
а возможность, уйдя далеко,
разминуться с концом,
и рассветное пить молоко
желторотым юнцом.

* * *

И.Е.

Мороз за тридцать, школа на замке,
белым-бело, и лед на речке звонок,
и руки моей бабушки в муке,
и сдобных булок запахи спросонок.

Спи не хочу, но манит запах сдоб
с изюмом, и особенно с корицей,
и соблазняет за окном сугроб
возможностью по шею провалиться.

Умыться кое-как и на ходу
дожевывая, обжигаясь, булку,
со сборной Тупика летать по льду
и проиграть с позором Переулку.

Домой вернуться засветло, пока
январский ветер не пригонит стужу.
На батарее форма Третьяка
оттаивает, образуя лужу.

А сам Третьяк уснул без задних ног,
и Третьяку всю ночь кошмары снятся:
доска, Ньютон, спасительный звонок
и физик, так похожий на канадца.

* * *

Забивали на труд, выпивали на «Правде»,
огурец малосольный по-братски деля,
и не праздника ради,
а веселия для.

Посылали гонца в тридевятое царство
и смотрели вослед с золотого крыльца.
А гонец испарялся:
ни винца, ни гонца.

«Ничего, — говорили себе, — возвратится».
«Не беда, — говорили себе, — подождем».
А весенняя птица
похмелялась дождем.

Ждали час, ждали день, ждали век — утешенье
в тишине разговоров ночных находя
под земное вращенье
и песню дождя.

И смотрели на Пину, уехав из Пинска,
где сирень отцвела и белел краснотал.
А гонец возвратился,
да нас не застал.

* * *

Какие наши годы?
Октябрьские воды.
Не вешние, конечно,
но это чисто внешне.
Какие наши планы?
Черничные поляны,
березовые рощи
и ангелы попроще.

* * *

Не усложняй! И так всё сложно,
учись у декабря, смотри:
как просто — проще невозможно —
сидят на ветках снегири.
Укутанные в пух и перья,
изнемогая от жары,
они украсили деревья,
что новогодние шары.
И обмороженная ветка
предоставляет им ночлег,
и долгой ночью, редко-редко,
очнувшись, стряхивают снег.
Не усложняй! А на рассвете
проснись ни свет и ни заря
от репетиции на флейте
державинского снегиря.

* * *

Гаэтано Доницетти...
Это музыка без нот,
это пойманная в сети
птица плачет и поет.
Предпочел бергамским вязам
паутинную тюрьму,
или реквием заказан
не кому-то, а ему?
Обреченная попытка
жить в раю, забыть про ад,
и любовного напитка
выдыхающийся яд.

* * *

А.А.

На балконе, куря после третьей,
мы сидели и слушали ветер.
И закладывали виражи
то ли ангелы, то ли стрижи.
Говорить ни о чем не хотелось:
логос умер, безумствовал мелос,
и уже, никуда не спеша,
говорила с душою душа.
Лист кленовый, еще не помятый,
ветром сорванный, падает в грязь.
По четвертой и сразу по пятой
накатили, за стол возвратясь.
И уже о любви, не о боли,
черно-белое смотрим кино.
То ли дождик за окнами, то ли
мокрый ангел стучится в окно.

* * *

Как Рембо, завязать навсегда
со стихами — забыть и забыться,
чтобы только корабль и вода,
и матросов похмельные лица.
Озарение? Боже ты мой!
Озарение — грудь эфиопки,
нечто среднее между хурмой
и «Клико», вышибающей пробки.
Небожитель и негоциант,
путешественник на карусели,
умирать возвратившийся Дант
в госпитальном кромешном Марселе.
Как Рембо, говоришь? Говори.
Поливай и окучивай грядки,
тиражируя скуки свои
на шестом и бесславном десятке.

* * *

И как ветер листву, вдруг сорвал, завертел,
и унес неизвестно куда,
так носила меня моя жизнь, а затем
поглотила речная вода.
И лежу я на дне и дышу через раз,
косяком проплывают века,
и спускается ночью ко мне водолаз
потрепаться и выпить пивка.
Обсудить то да сё, никуда не спеша,
и о том поболтать, и о сём,
и забыть про печаль, даже если душа
проплывет над тобою, как сом.
И не думать, что где-то рыдает жена,
и, что дети устроили пир,
и дышать через раз, посылая всех на
три веселые буквы, как мир.

ИГОРЬ БУШУЕВ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСКУССТВЕ ИЛИ ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЕМ

Ирина ЗЯБЛИКОВА-ИСАКОВА,

искусствовед, эксперт по культурным ценностям Министерства культуры РФ, член Международной Ассоциации искусствоведов, член Международного Союза художников-педагогов. Живет в г. Екатеринбурге.

Не случайно появился и портрет-реминисценция «Художник из Толедо» (2013) – дань уважения и признания творчества Эль Греко. Толедо – испанский город – родина известного художника Возрождения, творчество которого столь отличалось от современников. Оно впитало в себя традиции византийского и западноевропейского искусства, вобрало иконопись и живопись венецианской школы. Лишь XX век заново открыл этого выдающегося мастера, опередившего время на более, чем три столетия, именно его считают предтечей кубизма и экспрессионизма – ярких течений искусства XX в.

Творческое кредо многих художников: «Больше грязи – больше связи!» – во многом обусловило развитие живописи реалистической школы, начиная с XVII века: Эль Греко, Тициан, Веласкес, Караваджо, Делакруа, Милле, Сезанн, Дега и многие другие мастера живописи писали «грязью» – земляными красками-глинами... Кто из художников не знает такие основополагающие краски, как умбра, охра, сиена?.. Умение работать с ними дает важные навыки для живописца – ви́дение цвета и света, чувствование колорита картины.

Русские живописцы конца XIX – середины XX в. (В.Серов, Н.Ярошенко, В.Суриков, В.Попков, Е.Моисеенко, И.Машков, П.Кончаловский и др.) во многом следовали традициям старых мастеров в отношении работы с цветом, но индивидуальность каждого из них поставила их творчество на новые ступени развития мирового искусства, явившись образцом для последующих поколений художников.

Не исключение и Игорь Владимирович Бушуев, для которого все выше перечисленные имена стали своего рода «Академией живописи», сформировавшей творческую живописную манеру. Хотя своим главным учителем он все-таки считает своего отца Владимира Яковлевича Бушуева, заслуженного художника России, замечательного педагога, передавшего ему любовь к искусству и научившего думать.

Отметим, что в отличие от своих учителей и родителей, в искусстве И.В.Бушуев идет свои́м тернистым путем. Его индивидуальность проявляется и в личностной трактовке сюжетов, извечных тем в искусстве, и в живописном исполнении. Его произведения наполнены какой-то необыкновенной дымкой, в которой герои-изображения растворяются и начинают «быть» сами собой. Легкий флер красочных хитросплетений-мазков одной тепло-холодной гаммы передает вибрацию и движение ирреального пространства в картине, и характер героев. Это ярко проявляется в работах 1990-х годов – в автопортрете с семьей «Мы молодые» (1994), «Вечерний звон» (2001), «Девушка в шали» (1992), «Вечерняя» (1994) и др., где помимо экспериментов с цветом можно увидеть и эксперименты с формой и светотенью. В начале 1990-х случился и внутренний творческий перелом, и смена художественного мировоззрения, когда большое значение художник стал уделять фактуре мазка, и как следствие – стал работать мастихином.

В произведениях 2000–2010-х гг. появляется уже изысканная рафинированность цвета, взятого в одном цветовом и тепло-холодном диапазоне с использованием небольших контрастных цветовых кусочков, усиливающих эмоциональное и содержательное звучание: «Красный стаканчик» (2010),

В бананово-лимонном Сингапуре.

Они.

Бернес.

Маски.

Маскарад.

Ветер.

Коша.

У воды.

Хариты.

«Коломбина» (2013), «В бананово-лимонном Сингапуре» (2013), «Художник из Толедо» (2013), «Ветер» (2018), «Жизнь проходит» (2005) и многие другие.

Натюрморты и портреты – жанры, в которых Игорь Бушуев работает постоянно, – это своего рода техническая тренировка, необходимая для профессионального тонуса, но и здесь, в «малых жанрах», он проявляется не только, как великолепный исполнитель, но, в первую очередь, как художник, решающий поставленные задачи.

Какие живые и эмоциональные этюды с изображением животных! Анималистический жанр – не главный в творчестве И.В.Бушуева, но в них также прослеживается внимательный и пытливый ум, умение увидеть нечто комичное в повседневности – «Коша» (1989), «Марсик» (2003).

Букеты и цветы, вне сомнения, всегда красивы, оживляют любую атмосферу и радуют глаз: "Розы», «Агератум», «Георгины», «Букет» и «Лето» – все они реалистичны и живописны, вылеплены точными пластичными мазками, без лишних деталей, красочно и ярко!

Портреты друзей и близких людей – портретны и выразительны, наполнены теплотой и искренностью: «Портрет моей бабушки» (1991), «Портрет отца» (1985), «Лара» (1988), «Вечерняя» (1994), «Данила» (2016). Особо выделим автопортреты (2005, 2015), в которых сам художник предстает перед зрителем серьезным и вдумчивым человеком, взгляд его направлен сквозь время и пространство, где он – философ с твердой волей и решительностью.

Отдельно стоит отметить работы «маскарадной серии» – «Маскарад» (2002), «Маски 1» и «Маски 2» (2010), «Коломбина» (2013), выполненные в теплой цветовой гамме, где автор вводит приемы аллегории и метафоры в изобразительном контексте.

В «Масках 1» и «Масках 2» главный герой (молодой человек-молодая женщина) – ранимый, чуткий, настоящий и живой, положительный, красивый, в элегантном костюме-платье – участник маскарада, находится в окружении звероподобных существ, звериная масса захватывает его своими «грязными» лапами и закрывает безобразными мордами; достаточно приглядеться и становится понятно, что животные головы – маски, за которыми скрываются люди, одетые в нарядные вечерние костюмы. Что это? – фарс, игра, аллюзия, карнавал или реальная жизнь?.. Художник не отвечает однозначно, ему важно, чтобы зритель остановился и задумался... Задумался. И это – главное! Не в этом ли истинная суть настоящего искусства?

Какая задорная, шутливая и живая «Коломбина» (2013)! На нее невозможно смотреть без улыбки. Она подкупает легкостью, радостью и игрой. Кто не играл в подобные игры в детстве-юности? Эта картина – шутка, легкий флирт со зрителем, вызывающий в ответ улыбку и хорошие добрые эмоции. Контрастные сочетания пятен белого, синего и красного, белого и черного, желтого и коричневого задают игривый тон настроения картины. Здесь три персонажа – Коломбина, за ней – весельчак Арлекин и грустный Пьеро. Использование автором трех основных цветов (желтого, красного и голубого) передает не просто эмоции, но и характер каждого типажа-героя итальянской комедии дель арте эпохи Возрождения.

Шумный и веселый маскарад царит в другом одноименном произведении, где ощущается шелест пышных платьев из кринолина, закруженных в вихре танца, смех и радостное возбуждение дам с полуобнаженной грудью. Слева видна голова мужчины в широкополой шляпе, растворяющаяся в праздничном круговороте толпы. И лишь мужская фигура в синем камзоле и красном берете останавливает широким жестом это движение. Здесь уже другая эпоха – галантный XVIII век. Все герои праздника в ярких масках, но он держит ее в руках, тем самым выделяясь из общей массы. Художник здесь акцентирует внимание на Личности человека, который способен идти против течения, противостоять общему мнению людей и быть самим собой. Это невероятно сложно в общепринятых нормах и устоявшейся жизни, но именно такие личности создают историю.

Вспомним знаменитые строчки из комедии «Как вам это понравится» величайшего английского драматурга В.Шекспира:

«Весь мир — театр.
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль...»

Здесь скрывается один из важнейших смыслов, способствующий к размышлению о жизни и месте человека в ней: каждый человек рано или поздно приходит к осмыслению своей значимости и роли в обществе, осознанию иерархичности социального устройства и взаимодействию в нем других людей, самоценности и проявления ее в окружающей действительности.

Творчество екатеринбургского художника Игоря Бушуева об этом, и не только... Размышления о личности человека как такового и творческой личности, в частности, позволяют увидеть зрителю в авторской интерпретации выдающихся деятелей мировой культуры – Эль Греко, А.Пушкина, С.Есенина, В.Шекспира, Ш.Азнавура, С.Дягилева, А.Вертинского и др. Вглядываться в эти образы любопытно. Они интересны и колоритны настолько, что никого не оставят равнодушным, вызывая в памяти характерные особенности личности....

Человек – сам по себе уникальное и совершенное явление природы! Социокультурная среда формирует его как субъекта и личность, в этих рамках он выполняет ту или иную роль, являясь членом какого-либо объединения, группировки, эгрегоров[1]. Духовная общность интересов или социальный статус также определяет людям их ролевые позиции – семейную (мама, папа, бабушка, внук, сын и др.), возрастную трудовую-учебную занятость (школьник, студент, работающий, пенсионер), профессиональную (художник, биолог, врач, преподаватель, спортсмен, продавец и т.д.), персонифицированную, статусную и пр. и пр. Жизнь сама преподносит си-

[1] Эгрегор – это энергоинформационная структура, созданная сонаправленными эмоциями и мыслями группы людей, объединенных одной идеей.

туации, в которых человек волей-неволей играет какую-то роль – пассажира в транспорте, пациента в больнице, читателя в библиотеке, зрителя в театре и так далее. Это внешняя оболочка, но специалистов (художников-портретистов, психологов, актеров) интересует не сама по себе роль, а каким образом она демонстрируется – через эмоции, реплики, жесты, мимику – так проявляется характер человека, воспитание и его внутренняя сущность, которую невозможно понять без окружения и времени.

Таким образом возникла серия культурно-исторических портретов-реминисценций[2] деятелей литературы, живописи, музыки. Это портреты-картины, портреты-размышления... Интересны они с точки зрения авторского прочтения. Для каждого автор находит свои особые выразительные приемы.

Образ поэта и драматурга Вильяма Шекспира в работе «Вдохновение» (2018) – узнаваем и окунает в личностные интерпретации, здесь передается и нервное перевозбуждение, мыслеобразы героев, масок, творческий процесс сочинительства, озарение и гениальность неординарного человека.

А.С.Пушкин предстает в картине «Они» (1999) вместе со своей музой-супругой Н.Н.Гончаровой. Обе фигуры художник размещает по нисходящей диагонали в левой части холста, противопоставляя светлому большому арочному окну. Обоих персонажей автор замыкает в собственном мире посредством обособленности и разноплановости: Александр Сергеевич – стоит со вскинутой головой, Наталья Николаевна – сидит с опущенной, и у обоих – руки сложены. Сложное изысканное сочетание цветов синей, коричневой и разбеленной охристо-розовой гаммы передает романтический подтекст отношений в паре. Здесь явно происходит диалог взаимоотношений, и каждый зритель сам додумает сцену в меру своей образованности и тактичности.

«В бананово-лимонном Сингапуре...» (2013) – строчки известной и популярнейшей песни начала XX века «Танго Магнолия» в названии холста вызывают в памяти ни с чем не сравнимый тембр голоса кумира эстрады этого времени Александра Вертинского. И.Бушуев представляет его здесь в образе грустного и задумчивого Пьеро, используя художественный прием аллюзии[3]. Легкость живописного исполнения созвучна пению артиста. Красивое сочетание сине-голубых цветов, оттенков белого и охристо-коричневого создает изысканное колористическое решение, которому вторит нарочитая театральность и узнаваемость позы героя.

В 2006 году был создан портрет «Сергей Дягилев». Костюм, шляпа-цилиндр, трость, монокль, белые бабочка, перчатки, жилет и шарф – все это элементы лоска мужского костюма аристократа рубежа XIX–XX веков, отражающие характер известного театрального антрепренера Сергея Дягилева. Фон в картине выполнен в импрессионистической манере и «переносит» зрителя в Париж – центр моды и искусства, ночной яркой жизни, где и проходили знаменитые театральные «Дягилевские антрепризы».

Поздние портреты 2019 года («Б.Шоу», «Прощай шансонье (Шарль Азнавур)», «Марк Бернес») отличаются от упомянутых по исполнению и выразительности. Каждый из них точно передает особенности личности и выполнен в разной экспрессивно-пластической манере.

Суховатым, почти костлявым, угловатым и прямолинейным, упрямым и скрытным предстает английский драматург и романист Джордж Бернард Шоу. Сложный серый цвет костюма и шляпы, белоснежной густой бороды выдает английскую чопорность и педантичность, но красивые широкие взмахи кисти и сочетания сине-зеленого и серебристо-сиреневого цветов фона раскрывают творческую палитру его литературных произведений.

Легенда советской эстрады Марк Бернес изображен здесь простым и открытым человеком в кепке и длинном пальто, в руке он держит гриф гитары. Оттенки коричневого и синего мастерски лепят объем и форму предметов, и скорее напоминают фотокарточку военного времени. Многие песни М.Бернеса стали не просто популярными, а народными, сам он – любимым певцом советских людей. Песни его просты и понятны, доходят до сердца каждого. Именно таким и показал его художник.

В неоновом свете софитов с микрофоном в руке предстает перед зрителем французский шансонье с кавказскими корнями – Шарль Азнавур: правая ладонь его раскрыта к зрителю, легкая улыбка, добрые и мудрые глаза, дружеский открытый жест, проникновенный взгляд... Растекающиеся и вибрирующие цветовые всполохи пронизывают все пространство картины – и фон, и саму фигуру – вызывая в памяти красивый и незабываемый голос шансонье и его всемирно известные хиты.

Итак, искусство – многогранно и неоднозначно, а личность художника-творца в нем играет первостепенную роль. Каждая эпоха создает своих творцов, предопределяющих ее характер и уникальность, и творческое наследие прошлого – ценнейший фолиант познания мудрости, секретов мастерства, на который опираются все последующие эпохи. Без этого опыта невозможно настоящее и будущее...

Картины Игоря Бушуева позволяют зрителю не только взглянуть на извечные темы – любовь, красота, семья, творчество, благородство человеческой души, но и задуматься о жизненных человеческих ценностях, о вечном. Его произведения – размышления об искусстве, жизнь в искусстве, диалог со зрителем, способствующий прозрению, познанию и личностному росту; необходимо лишь остановиться и почувствовать хрупкую красоту мгновения обыденного мира и бесконечно-конечного пространства... Так сказал об этом классик литературы И.В.Гете в трагедии «Фауст»:

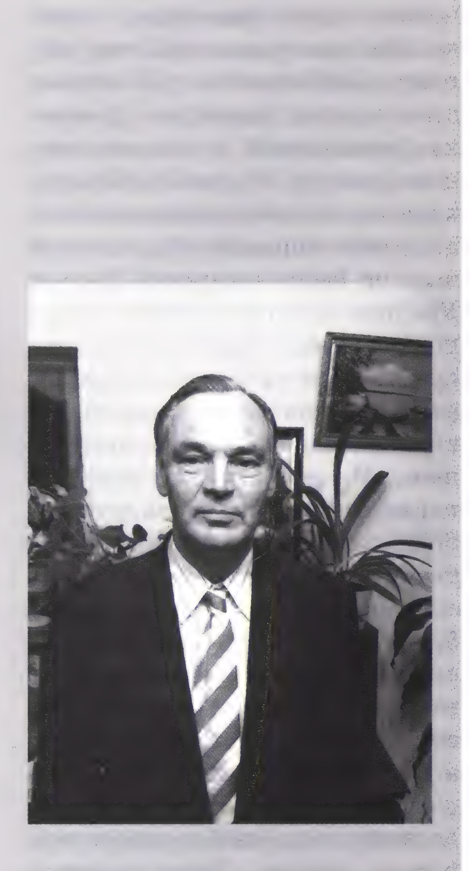
«Остановись, мгновенье, – ты прекрасно!»

---

[2] Реминисценция (позднелат. «воспоминание, отзвук, отголосок») – творческий прием художника, заключающийся в сознательном или неосознанном использовании структуры, отдельных элементов или мотивов более ранних произведений искусства на ту же (или близкую) тему. Данный прием всегда носит интеллектуальный и творческий характер, этим он отличается от обыкновенного копирования, компиляции.

[3] Аллюзия – это стилистический прием, который содержит указание или аналогию на некий исторический, мифологический, политический или литературный факт, который общеизвестен и уже давно стал частью культуры.

РАССКАЗЫ

Валерий РУМЯНЦЕВ (Борис ЗОРЬКИН)

Родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова. Выпустил в свет двенадцать книг. Живет в Сочи.

ПРЕРВАННЫЙ РАЗГОВОР

Железнодорожный экспресс по маршруту «Москва-Владивосток», отошедший два часа назад от перрона столичного вокзала, весело постукивал на стыках рельсов и набирал скорость. Это был не простой поезд: в вагонах расположились писатели, поэты, драматурги и литературные критики со всей России. Наибольший интерес у пассажиров и обслуживающего персонала вызывал вагон «СВ» в середине состава, в котором ехали литераторы с мировым именем.

В первом купе этого вагона находились Виссарион Григорьевич Белинский и Дмитрий Иванович Писарев. Они уже почти час спорили о поэзии Александра Сергеевича Пушкина, оба были возбуждены и никак не могли прийти к общему знаменателю.

– Виссарион Григорьевич, – любезно обратился к собеседнику Писарев, – если творческая деятельность Пушкина давала какие-нибудь ответы на те вопросы, которые ставила действительность, то, без сомнения, эти ответы мы должны искать в «Евгении Онегине». Вот и давайте объективно посмотрим на этот роман…

– Давайте, – согласился Белинский.

– Об «Онегине» вы написали две большие статьи. Вот одна из ваших цитат: «Эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение». И далее опять цитирую: «В ней Пушкин является представителем пробудившегося общественного самосознания»…

– Ну и с чем вы, милостивый государь, конкретно не согласны?

– Прежде всего, нужно решить вопрос: что за человек сам Евгений Онегин? Характеризуя его, Пушкин пишет: «Мне нравились его черты… Страстей игру мы знали оба… И резкий охлажденный ум… Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»… Попробуем задать себе вопросы. Чем же охлажден ум Онегина? Какую игру страстей он испытал? На что истратил он жар своего сердца? Что подразумевает он под словом «жизнь», когда говорит себе и другим, что жизнь томит его? Что значит, на языке Пушкина и Онегина, жить, мыслить и чувствовать?

Виссарион Григорьевич внимательно слушал и не перебивал своего визави.

– Ответы на все эти вопросы мы должны искать в описании тех занятий, которым и предавался Онегин с самой ранней молодости и которые, наконец, вогнали его в хандру. В первой главе Пушкин описывает целый день Онегина с той минуты, когда он просыпается утром, до той минуты, когда он ложится спать, тоже утром. И что же мы видим? Онегин одевается, едет на бульвар и гуляет там, затем перемещается в ресторан, где упивается шампанским в сопровождении изобилия изысканных блюд. Потом едет на балет. Войдя в театральную залу, Онегин начинает обнаруживать охлажденность своего ума. Покритиковав балет и не досмотрев его до конца, покидает театр. Приезжает домой, переодевается для бала и отправляется танцевать до утра. Причем в ямской карете поскакал на бал стремглав; вероятно,

вследствие охлажденности ума. И так изо дня в день... Преобладающим интересом в этой веселой жизни Онегина является «наука страсти нежной». «Но был ли счастлив мой Евгений?» – спрашивает Пушкин. Оказывается, что Евгений не был счастлив, и из этого последнего обстоятельства Пушкин выводит заключение, что Евгений стоял выше пошлой, презренной и самодовольной толпы. С этим заключением, судя по вашим статьям, соглашаетесь и вы, Виссарион Григорьевич. Но я, к крайнему моему сожалению, вынужден здесь противоречить как нашему великому поэту, так и вам, хотя, говорю это вполне искренне, считаю вас величайшим критиком.

Лицо Белинского слегка побледнело, а Писарев продолжал.

– Когда человек чувствует себя молодым и сильным, он непременно погружается в тяжелые раздумья. Он всматривается в себя самого и в окружающую действительность и начинает действовать. Жизнь ломает по-своему его теоретические выкладки, старается обезличить его самого и переработать по общей казенной мерке весь строй его убеждений. Он упорно борется за свою умственную и нравственную самостоятельность, и в этой неизбежной борьбе обнаруживаются размеры его личных сил. Когда человек прошел через эту школу размышления и житейской борьбы, тогда мы имеем возможность поставить вопрос: возвышается ли этот человек над безличной и пассивной массой или не возвышается? Если человек, утомленный наслаждением, не умеет даже попасть в школу раздумья и житейской борьбы, то мы тут уже прямо можем сказать, что этот эмбрион никогда не сделается мыслящим существом и, следовательно, никогда не будет иметь законного основания смотреть с презрением на пассивную массу. К числу этих вечных и безнадежных эмбрионов принадлежит и Онегин...

Виссарион Григорьевич хотел что-то возразить, но неожиданно сильно закашлял и полез в карман за платком.

Писарев как воспитанный человек сделал небольшую паузу, дождался завершения кашля и продолжил:

– Онегин скучает не оттого, что он не находит себе разумной деятельности, и не оттого, что он – высшая натура, а просто оттого, что у него лежат в кармане шальные деньги, которые дают ему возможность много есть, много пить, много заниматься «наукой страсти нежной» и корчить всякие гримасы, какие он только пожелает состроить. Ум его ничем не охлажден, он только совершенно не тронут и не развит. Игру страстей он испытал настолько, насколько эта игра входит в «науку страсти нежной». О существовании других, более сильных страстей, страстей, направленных к идее, он даже не имеет никакого понятия...

Виссарион Григорьевич снова закашлял, еще сильней, чем первый раз, и прикрыл рот платком. Чахотка напомнила о себе в самое неподходящее время.

Когда Писарев увидел на платке следы крови, то пожалел, что затеял этот острый разговор, и сразу решил завершить его.

– Виссарион Григорьевич, я обрываю эту тему... Если вам будет интересно, прочтите, если раньше не читали, мою статью «Пушкин и Белинский»... Бога ради, извините, что заставил вас поволноваться...

Белинский поднял руку и вяло махнул ею. А Дмитрий Иванович так и не понял, что означал этот жест.

Кашель у Белинского прекратился. Оба молчали, и беседа по инициативе Виссариона Григорьевича возобновилась лишь спустя четверть часа.

– Мне было бы очень интересно узнать ваше мнение о последствиях большевистского переворота в России в семнадцатом году, – сказал Белинский и заглянул собеседнику в глаза.

– Социалистический строй в СССР при всех его ошибках и шероховатостях был вершиной человеческого развития, – сказал Писарев, довольный, что разговор возобновился. – И достичь этих вершин позволила политика большевиков и в экономике, и в культуре. У детей рабочих и крестьян появилась возможность получить хорошее образование, чего не было в царской России. Уберите десяток наших классиков девятнадцатого века из русской литературы, и почти ничего в ней не останется. А практически все они были людьми состоятельными. Им не надо было думать о куске хлеба, у них была возможность заниматься литературным творчеством...

– Вот именно, – перебил собеседника Белинский. – В советские годы рядовой гражданин мог достичь очень больших высот в любой области, в том числе и в литературе. Шолохов, Твардовский, да что там, появились десятки писателей и поэтов мирового уровня. Наше счастье, что после смерти Ленина страну возглавил Иосиф Виссарионович. Пока он был жив, СССР шел от одной победы к другой. И не только в экономике и науке. А как стремительно развивалось музыкальное искусство. Неужели всё это было, но прошло... Правильно говорил Сталин. Дословно не помню, но за смысл ручаюсь. Пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимы. И, наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, и они лишатся всякой силы и превратятся в пустышку.

– К великому сожалению, это и произошло, – уныло констатировал Писарев. – Но меня больше всего бесит, что клевета как из рога изобилия продолжает сыпаться на Иосифа Виссарионовича.

– Правильно сказал режиссер Бортко, Сталин – самая оболганная личность в истории двадца-

того века. И мы до сих пор пожинаем плоды этой лжи. Множество исторических процессов в СССР после тысяча девятьсот пятьдесят третьего года указывали на развитие советского общества в сторону от коммунизма, назад к капитализму. Коммунизм как идея после смерти Сталина объективно проигрывал в классовой борьбе, развернувшейся во всех сферах общества, в том числе и внутри самой партии. Сам факт, что юридический запрет КПСС произошел с согласия генерального секретаря, всего состава Политбюро, ЦК и при полном бездействии местных организаций, говорит о том, что причина реставрации капитализма в СССР кроется в классовом поражении внутри руководства КПСС. По сути – в измене.

– Современный капитализм – это тот же людоед, что и сто лет назад. С той лишь разницей, что сейчас он пожирает под соусом научно-технической революции. И живем, не имея никакой национальной идеи...

– Это не совсем так, а скорее совсем не так, – не согласился Белинский. – Идеологическим фундаментом буржуазного строя современной России является антисоветизм и православие.

– Да, наверное, это так... И все-таки России крупно повезло, – уверенно сказал Дмитрий Иванович. – Взяв на вооружение марксизм-ленинизм, Россия выстояла, преодолела все невзгоды, сделала головокружительный скачок в своем развитии. Жаль только, что россияне отступились от этой прогрессивной идеологии.

– Временно отступились, – поправил собеседника Белинский. – Идеи марксизма-ленинизма уничтожить уже невозможно. Они как дамоклов меч будут висеть над «головой» любой буржуазной власти.

– Так-то оно так, но посмотрите... – с интонацией разочарования сказал Писарев. – Почти никто из россиян работы Маркса, Энгельса, Ленина сегодня не читает. Историю СССР по документам, а не по выступлениям участников ток-шоу, не изучает... Короче, так глубоко не копают, как надо, боятся «лопату сломать». А интеллигенция? Подавляющая ее часть – это люди, которые не изучают историю социалистического строительства, совершенно не ориентируются в политических процессах, происходящих в современном мире. Поэтому неизлечимо и страдают болезнью под названием политическая наивность. Те, кто считает себя интеллигентами, – это, как говорится, «интеллигенты на босу ногу». Особенно ярко этот вывод иллюстрируют высказывания видных и действительно талантливых деятелей нашего искусства. Сколько музыкальных шедевров создал Юрий Антонов, а ратует сегодня за монархию в России...

– Что вы хотите от него? У него образование – музыкальное училище...

– Ну, тогда пусть публично не касается политики. Или Людмила Гурченко. Великолепнейшая актриса! Но противно было смотреть, как она расхваливала Ельцина... А Никита Михалков! Он же, просто захлебываясь от энтузиазма, пытался доказать в своих передачах какой выдающийся политический деятель был адмирал Колчак.

– Полностью согласен с вами.

– На последних выборах в Государственную Думу большое число избирателей, зараженное политической наивностью, проголосовало за «Единую Россию». А сразу после президентских выборов эта партия резко усилила уровень эксплуатации трудящихся. То так называемая пенсионная реформа, то введение, смешно сказать, налога на сбор ягод и грибов в лесу, то новые штрафы, то инфляция... Другими словами, нагло оставила своих избирателей в дураках. Ну как тут не вспомнить известную фразу Грушеньки из «Братьев Карамазовых»: «Вот и оставайтесь с тем, что вы у меня ручку целовали, а я у вас нет»... Жить стало уже так противно, что умирать не хочется.

– Когда три козла подписали Беловежские соглашения, бараны промолчали.

– Особенно больно было смотреть, как повели себя представители руководящего состава министерства обороны, КГБ, МВД во время распада СССР..

– Они, пока служили в период разложения КПСС, научились «переобуваться в воздухе», поэтому и получили генеральские лампасы.

– Ничего, осталось ждать совсем недолго. Каких-нибудь два-три года – и мы увидим новую социалистическую революцию в России... – с воодушевлением произнес Дмитрий Иванович.

– Народ безмолвствует.

– Возможно это заговор молчания. И заговорщиков становится всё больше.

– Никакой социалистической революции в ближайшие годы не будет, – категорически не согласился Виссарион Григорьевич. – Нет рабочей партии, вооруженной революционной теорией, которая возглавила бы массы и довела бы революцию до победного конца. В далекой перспективе мировая революция неизбежна, но никто не знает, какой лозунг будет написан на знамени этой революции. Вопросов много, но на то они и вопросы, что призывают нас к ответу.

– Не мешайте мне оставаться оптимистом. Пессимистом я стану и без вас.

Лишь бы получилось не так, как на Украине...

– Любой народ пишет свою историю с ошибками, – с печалью в глазах констатировал Виссарион Григорьевич.

– Мы же видим, – настаивал на своем Писарев, – как быстро складывается революционная ситуация... Посмотрите, на протестные акции выходят уже тысячи. Хабаровск, Минск. Провинция становится столицей общественного мнения.

– Да, действительно, уже «верхи не могут, а низы не хотят».

Недееспособны те и другие, но в руках у «верхов» и финансовый ресурс, и силовой, и административный, и религиозный. И готовность пойти на всё ради сохранения своего статуса и активов. И что немаловажно, умелое манипулирование мелкобуржуазной психологией подавляющего большинства «низов». Президент и правительство будут еще тридцать лет обещать трудящимся счастливый капитализм.

– Политики обещают до тех пор, пока у них не отберут микрофон.

– Инертность и недееспособность – вот главные характеристики поведения «низов» на сегодняшний день.

– Но ситуация накаляется, и к активности людей подтолкнет не пустой желудок, а, скорее всего что-нибудь другое; например, коронавирус. Последствий этой эпидемии мы до конца пока, на мой взгляд, не осознаем. Интрига сегодняшней жизни оформится уже завтра. И нам надо спешить. Не зря Твардовский написал: «Смерть – она всегда в запасе, жизнь – она всегда в обрез». Виссарион Григорьевич, вы бы написали статью, как вы видите сегодняшний и завтрашний день России. А эпиграфом к статье поставили бы такие слова: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. А Путин принял Россию с Чубайсом, похоже, что и оставит ее с Чубайсом».

– Последнее время я ничего не пишу. Силы кончаются...

– Если силы кончаются, значит, они еще есть. Будем ждать ваши новые статьи.

– Никакой социалистической революции не будет, – снова повторил Белинский. – Как говорил незабвенный Станиславский, не верю.

Писарев заметил, что собеседник опять начал волноваться и у него может разразиться новый приступ кашля. С учетом этого, он решил сменить тему разговора.

– Честно говоря, хочу перевести немного в другую плоскость нашу беседу. Виссарион Григорьевич, сейчас меня очень волнует состояние современного литературного процесса в России. Как вы его оцениваете?

Белинский задумался на несколько секунд и сказал:

– Здесь всё взаимосвязано. Как государство относится к писателям? Они же сегодня в отличие от советского периода беспризорники. На какие шиши жить литератору? Гонорары-то в журналах копеечные, а чаще вообще автору ничего не платят...

– А есть десятки журналов, в которых публикация вообще платная... – усмехнулся Писарев.

– Ну, это для графоманов. Уважающий себя литератор на это не пойдет. Это всё равно, что я сделаю табуретку, вынесу ее на рынок и буду предлагать покупателям взять ее мало того бесплатно, а еще и деньги дам за то, что кто-то согласится забрать ее.

– Любой графоман-любитель мечтает стать профессиональным графоманом.

– Вот именно... Так вот, сегодня я насчитал уже около тридцати писательских союзов. И вступить в них проще пареной репы: заплати деньги – и ты уже в писательском строю. Более-менее серьезные – это Союз писателей России и Российский союз писателей. В них, хотя и не часто, но все же встречаются стоящие авторы. Идеологически мне, конечно, ближе Союз писателей России, но и там меня слишком многое не устраивает. Больше половины литераторов в нем – это не писатели и поэты, а так называемая окололитературная среда. Да и соглашательская политика с олигархической властью не делает им чести. Опять же заигрывание с религией. Я говорил и не устану повторять, что в словах «бог» и «религия» вижу тьму, мрак, цепи и кнут. Если проанализировать взгляды самых выдающихся представителей человечества, то девяносто процентов из них, если не больше, были атеистами, потому что задали себе вопрос: «Если бог есть, то почему его нет?»...

– А целый ряд знаменитых людей о своих атеистических взглядах высказались в ироничной форме. Мне больше всего нравится, как сказал Генри Менкен: «Церковь – это место, где джентльмены, никогда не бывавшие на небесах, рассказывают о них небылицы тем, кто никогда туда не попадет».

– А Марк Твен выразился еще смешнее: «Чем чаще человек поминает Бога в своих речах, тем усерднее я слежу за своим кошельком». Религия всегда отстаивала интересы только эксплуататоров, этим же она занимается и сейчас. Олигархический капитализм современной России настолько озверел, что уровень эксплуатации растет практически ежемесячно. И что же? Церковь хоть один раз замолвила словечко за интересы трудящихся? Нет! Тысячу раз прав Ленин: «Религия – опиум для народа».

– А меня больше всего бесит просто чудовищный уровень бедности русского народа, – возмутился Дмитрий Иванович. – Именно поэтому он так стремительно вымирает.

– А по-другому и быть не может. Или этот народ будет бороться за свое выживание, или будет безмолвствовать и вымирать. У нас в стране двести долларовых миллиардеров, и у них в совокупности в полтора раза денег больше, чем в Федеральном бюджете России за 2020 год.

– Но мы видим, что русский медведь начинает просыпаться от спячки...

– Да, это так, – неохотно согласился Белинский.

– И кто, на ваш взгляд, на этом фоне будет «героем нашего времени» в русской литературе?

– Уверен, что уже кто-то пишет новый роман, где главными героями будут новые большевики. А вся эта прикормленная оппозиция, у которой хороший аппетит, в глазах народа продолжит терять привлекательность. Сегодня самый лучший способ отслеживать настроения людей – это читать комментарии в Ин-

тернете. Там их десятки тысяч и почти все угрожающие для власти. Вот и судите, кто в скором времени будет героем в жизни, а значит и в русской литературе.

– А кого вы считаете лучшими писателями и поэтами в двадцать первом веке? – спросил Писарев.

– Кто лучший из прозаиков? На этот вопрос ответить очень сложно. Те авторы, которые получают денежные премии и у которых книги выходят регулярно, по уровню своего таланта безнадежно далеки от наших классиков, в том числе от классиков советского периода. Это другой сорт литературы, рыночный сорт. Эти авторы идут на поводу у читателей, а нужно вести за собой. В их текстах в лучшем случае присутствует добротный художественный язык и больше ничего. Однако уверен, что есть, есть талантливые и даже очень талантливые прозаики, тексты которых или выходят мизерными тиражами или вообще не продвигаются дальше сайта «проза.ру». Ну а там в потоке графомании заметить их просто невозможно. К такому выводу прихожу по той причине, что нет-нет, да и прочтешь рассказ какого-нибудь совершенно неизвестного автора, и этот рассказ не дает покоя несколько дней.

– Ну а вот роман Михаила Попова «На крессах всходних» или роман Александра Родионова «Князь-раб», – предложил в качестве эталона Дмитрий Иванович.

– Не спорю, хорошие романы, но событием в русской литературе они не стали...

– Может потому, что изданы смешным тиражом и не дошли до читателей...

– И по этой причине тоже, – согласился Белинский. – Но главное всё же, на мой взгляд, кроется в другом. Происходит смена поколений читателей. И у новых читателей художественный вкус деформирован. Этой цели буржуазное государство добивается уже тридцать лет. Молодому читателю в основной своей массе нужны легковесные тексты: Акунин, Донцова, Устинова, Маринина...

– Кстати, о Марининой, – оживился Писарев. – Раньше ничего у нее не читал, а вот недавно увидел ее книгу «Горький квест» и решил узнать, что там она вещает про Алексея Максимовича. Произведение в трех томах, на многих страницах пустота. Но есть у этой книги один большой плюс: герои постоянно возвращаются к тексту повести «Дело Артамонова», подробно обсуждают образы, их взаимоотношения и так далее. Всё это поможет особенно молодым читателям лучше понять творчество Горького. А что мне категорически не понравилось, так это насмешливо-брезгливое описание советской действительности семидесятых годов. У молодых читателей может сложиться такое впечатление, что жизнь при советской власти была убогой, а вот сейчас хорошо живется.

– Видел я эту книгу, посмотрел: тираж шестьдесят тысяч экземпляров. Вот именно такая литература и нужна нашей олигархической власти. Но если бы там прозвучали страшные цифры, характеризующие жизнь России за последние тридцать лет, то эта книга вышла бы в лучшем случае тиражом одну тысячу экземпляров. Всё это не русская, а псевдорусская литература.

– Да-а, цифры просто шокируют. Русских в России за последние тридцать лет стало на десять миллионов меньше... Да вы и без меня обо всем этом знаете.

– Самая главная причина плачевного состояния литературы в том, что русская литература патриотической направленности у нас запрещена. Да, да, запрещена! А чтобы это безобразие не слишком уж бросалось в глаза, нет-нет да и бросит власть «косточку» в адрес писателей-патриотов. Вот Валентин Курбатов получил наконец-то Государственную премию по литературе, а Николай Зиновьев стал Героем Кубани...

– А вот еще одна возмутительная иллюстрация, – добавил Писарев. – Книжный магазин «Библио-Глобус» отказался продавать книги издательства «Институт русской цивилизации», которое выпускает в свет произведения таких авторов, как Достоевский, Леонтьев, Бердяев, Ильин, Рязанов, Шафаревич, Катасонов и многих других выдающихся мыслителей. Это же издательство, если помните, выпускает и Большую энциклопедию русского народа. Причина запрета на продажу – отказ некоего «общественного совета» работать с книгами данного издательства. При этом залы «Библио-Глобуса» забиты книгами Шендеровича, Акунина и других русофобов.

Через несколько минут собеседники перешли к обсуждению современной поэзии.

– ... А вот талантливому поэту в этом плане проще, – утверждал Белинский. – Текст стихотворения в десятки раз короче. Его легче разместить в печати, читатели быстрее его заметят, а значит, и дадут достойную оценку. Хотя и тут барьеры. Живуча зависть, действует принцип «свой-чужой» и много других факторов. Есть десяток-два хороших поэтов, но до эпитета «выдающийся» они явно не дотягивают. Да и сами писательские союзы плохо работают над «выращиванием» громких имен, не оказывают своевременной и существенной поддержки действительно талантливым авторам. Зачем-то появились «священные коровы», чьи стихи критиковать публично нельзя. От этого страдают прежде всего сами «священные коровы», ибо не имеют возможности ознакомиться с замечаниями читателей. Страдают и читатели, так как не наблюдают творческого роста этих в общем-то неплохих поэтов. Да и писательские союзы при этакой политике теряют авторитет в глазах читателей. Вот всего лишь один пример. Я уже упоминал о кубанском поэте Николае Зиновьеве. Талант несомненный. Яркая литературная индивиду-

альность, которую заметили и читатели, и в Союзе писателей России. Зиновьеву, что бывает очень редко, повезло: обласкан и писательским союзом, и властью, и периодическими изданиями. И в список «священных коров» уже давно попал. И что же? В последние годы не выходят из-под его пера такие же пронзительные строки, какие он писал ранее. А если бы появилась принципиальная и доброжелательная критика в его адрес, возможно, его назвали бы лучшим русским поэтом в современной России.

– Да, согласен. Николай Зиновьев – один из лучших поэтов. Но кто же все-таки самый лучший, Виссарион Григорьевич?

– Лучшим русским поэтом начала двадцать первого века я считаю Михаила Анищенко...

– Как я рад, что наши оценки совпадают! – воскликнул Писарев и даже подпрыгнул от радости.

– Всю жизнь ему не давали хода. Его творчество замалчивали, почти все литературные журналы включали перед его шедеврами красный свет. Я не видел ни одной статьи о поэзии Анищенко, да и узнал о нем, честно говоря, совсем недавно. Не понятно, куда смотрели чиновники Союза писателей России, кстати, членом которого он был, по-моему, с тридцати лет. И что совсем уж печально, до сих пор его творчество не получило достойной оценки. А ведь лучше него поэтическим языком никто не написал о сломе эпох в России и о том, что при этом пережил русский человек. А какой у него поток свежих и удивительно ярких метафор, какая концентрация мыслей и чувств в каждой строфе...

– Что да, то да. На днях мне прислали из Самары только что вышедшее собрание его сочинений в двух томах. Там я прочитал много стихотворений, которые раньше не встречал в Интернете. А вы читали этот двухтомник?

– К сожалению, пока нет. Но я слышал об этом издании. Обязательно найду.

– Так вот, там я прочитал множество страниц, от которых просто дух захватывало. Есть там стихотворение, где лирический герой ведет разговор с кладбищенским сторожем. Читали?

– Нет, впервые слышу...

– Я его тоже ранее не встречал. А тут прочитал два раза и сразу запомнил. Оно называется «Очень печальное стихотворение». Вот послушайте.

«На отшибе погоста пустого,
Возле желтых размазанных гор
Я с кладбищенским сторожем снова
Беспросветный веду разговор.

Я сказал ему: «Видимо, скоро
Подойдет неизбежный черед...»
Но ответил кладбищенский сторож:
– Тот, кто жив, никогда не умрет.

Я вернулся домой и три ночи
Всё ходил и качал головой:
– Как узнать, кто живой, кто не очень,
А кто вовсе уже не живой?

Под иконою свечка горела.
Я смотрел в ледяное окно.
А жена на меня не смотрела,
Словно я уже умер давно.

В тихом доме мне стало постыло,
Взял я водку и пил из горла.
Ах, любимая, как ты остыла,
Словно в прошлом году умерла!

Я заплакал, и месяц-заморыш
Усмехнулся в ночи смоляной...
Ах ты, сторож, кладбищенский сторож:
Что ты, сторож, наделал со мной?»

– Потрясающее стихотворение, – Виссарион Григорьевич смахнул набежавшую слезу. – Вот это и есть настоящая поэзия.

Минуты две-три сидели молча.

За окном замелькали пятиэтажки. Состав стал тормозить. Намечалась первая остановка в долгом пути.

Вдруг дверь в купе с лязгом отъехала, и в проеме возник мужчина средних лет в форме прокурорского работника. В руках он держал дорогую кожаную папку, на одном из пальцев правой руки бросался в глаза золотой перстень с бриллиантом. За спиной мужчины стояли двое в полицейской форме.

Вошедший посмотрел на Писарева и громко спросил:

– Писарев Дмитрий Иванович?

– Да, я. А что случилось?

– Я старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России, моя фамилия Абдраханов. Сегодня в отношении вас возбуждено уголовное дело по статье двести семь, часть первая. Решением Басманного суда города Москвы вы с сегодняшнего дня находитесь под домашним арестом. Вот постановления, – и следователь извлек из папки какие-то документы.

– Ничего не понимаю. В чем меня обвиняют?! – возмутился Дмитрий Иванович.

– Поясняю, – ответил следователь. – Статья двести семь, часть первая – это публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

– Чушь какая-то. И какую же ложную информацию я распространил?..

– Ну как же. Вы же написали и опубликовали статьи «Мыслящий пролетариат», «Реалисты», «Базаров»?

– Ну, я...

– Вот за это и придется нести уголовную ответственность. Вы отсидели в Петропавловской крепости четыре года, но выводы для себя так и не сделали. Вот я вам и помогу сделать выводы, – усмехнулся Абдраханов.

– Но позвольте... – вмешался Виссарион Григорьевич.

– А с вами не разговаривают. Пока не разговаривают! А если будете и дальше много вякать, то беседовать будем и с вами. Но в другом месте. А вы, – следователь небрежно махнул рукой в сторону Писарева, – быстренько собирайтесь. Через три минуты остановка, выходим...

Через пять минут Дмитрий Иванович Писарев и «сопровождающие его лица» покинули вагон и вышли на перрон.

Поезд постоял всего две минуты и помчался дальше.

А из первого купе долго слышался надрывный кашель оставшегося в одиночестве пассажира.

ПОРОГ

Литературный экспресс продолжал свой путь. Судьба распорядилась так, что Иван Сергеевич Тургенев и Максим Горький наконец-то встретились; они ехали в третьем купе второго вагона. Этих людей знает весь цивилизованный мир, поэтому описывать их внешность, манеры, привычки и особенности речи не имеет смысла. Всё это читателю хорошо известно. Сконцентрируем свое внимание на том, о чем они говорят, что их волнует, к какому выводу пришел каждый их них, оценивая положение дел в прошлом и в современной России.

Они уже несколько часов вели беседу и затронули множество вопросов, касающихся истории, политики и литературы.

– ...Вы, Иван Сергеевич, когда написали «Накануне», «Отцы и дети», где появились Инсаров и Базаров, фактически обозначили нового положительного героя в русской литературе, – высказал свое мнение Горький.

– Просто я видел, что такая молодежь, деятельная, упорная в достижении цели, стала появляться в России. И эта молодежь со временем может изменить жизнь страны к лучшему.

– А кто сегодня, на ваш взгляд, в современной русской литературе «герой нашего времени»?

Тургенев на мгновение задумался:

– Честно говоря, затрудняюсь ответить на этот вопрос. Регулярно читаю современных авторов, но удовольствия от чтения почти не получаю: и ярких образов не видно, да и художественный язык в основном какой-то бесцветный. В поэзии, да, там есть настоящие таланты, а в прозе нет, не вижу.

– Я сейчас пишу разгромную статью о современных литераторах так называемого «андерграунда». Вы читали роман Владимира Сорокина «Сердца четырех»?

– Вы знаете, как-то не приходилось, – ответил Тургенев.

– И это к лучшему, вы ничего не потеряли. Я для своей статьи распечатал несколько кусков из этого текста. Вот, посмотрите, – Горький достал из папки лист бумаги и передал Тургеневу.

– Давайте.

Иван Сергеевич начал читать, и почти сразу же на его лице появилось выражение недоумения, а затем и брезгливости.

– Фу, какая гадость, – возмутился он, отбрасывая листок. – Это должно быть интересно не читателям, а скорее психиатрам. Да разве нормальный человек станет читать такое?

– Да, это всё так. Но что самое отвратительное! У этого Сорокина куча литературных премий и наград. Его книги переведены на двадцать семь языков, изданы в самых крупных издательствах Запада...

Некоторое время в купе царило тягостное молчание. Затем Тургенев произнес:

– А вам не кажется, уважаемый Алексей Максимович, что, приводя в своей статье подобные... подобные... не хочу сказать строки, дабы не оскорблять великий и могучий... ну, скажем, продукты жизнедеятельности этого индивида, вы невольно играете ему на руку. Вы сказали, что готовите разгромную статью. И что? Вы думаете, этим деятелям есть дело до того, что вы о них напишете? Отнюдь. Им нужна известность. Пусть даже скандальная. Даже лучше, если скандальная. Нужно, чтобы о них говорили, а что именно – совершенно неважно. Вот они и изгаляются, кто на что горазд. Это больные люди. И такие, к сожалению, находились в любом обществе. Вспомните хотя бы некоего Герострата.

– И как же, по-вашему, с этим бороться?

– А никак. Вы же не боретесь с грязной лужей на дороге. Просто обходите ее и продолжаете свой путь.

– Ну, не знаю. Ведь эта зараза как вирус. Она разъедает души людей. И наша задача – выработать у читателей иммунитет.

– Вот здесь я с вами согласен полностью. Но как получить этот иммунитет?

Я вижу лишь один путь – искусство. И неважно, что это будет: живопись, театр, кино, литература. Важно, чтоб искусство пробуждало в человеке светлые чувства, а не наполняло души грязью.

Максим Горький тяжело вздохнул:

– Да кто же с этим спорит, Иван Сергеевич. Но это всё в теории. А что мы видим в реальной жизни? Да взять того же Сорокина. Его книги в обязательном порядке и за счет госбюджета пополнили фонды всех российских библиотек. Были и обращения в суд с требованием признать некоторые места в его текстах порнографией. Суд не признал.

– Почему же суд не признал?

– А потому, что наш суд буржуазный. И он исполняет те требования, которые предъявляет к нему буржуазная власть. Этой власти необходимо деградирующее население, так проще управлять людьми. Для этого и ЕГЭ ввели в школы. Да что там... Чубайс недавно публично прямо сказал, что для основной части населения достаточно образования в размере четырех классов.

– Да вы что?! Дикость какая-то. А я и не слышал об этом выпаде Чубайса. Куда же мы катимся, Алексей Максимович?

– К новой революции катимся, дорогой Иван Сергеевич. Деградация не только в России, это происходит во всем мире. Посмотрите, кому стали давать Нобелевские премии по литературе? Недавно ее получил какой-то американский рэпер.

– Да, я слышал. Его зовут Боб Дилан, – подсказал Тургенев.

– А Льву Толстому не дали, – продолжил свою мысль Горький. – По логике Нобелевского комитета, он пишет хуже, чем этот Боб Дилан или Пастернак, или

Солженицин, или даже Алексиевич. Не удивлюсь, если следующим лауреатом будет Сорокин.

– Подобные фокусы привели к тому, что престиж Нобелевской премии среди литераторов уже упал. Да и у нас, в России, всё обесценивается. Посмотрите, что творится в кинематографе, на сценах театров... И генеральши растут как грибы. Вон, Мария Китаева потерлась возле Шойгу и в двадцать семь лет стала генералом. Так что же, Алексей Максимыч, по-вашему ожидает Россию?

– Когда политические карлики занимаются большой политикой, жди беды. А если в самое ближайшее время политика не изменится хотя бы в сторону социал-демократии, то нас ждет новый 1905 год. Правильно говорил Джон Кеннеди: «Те, кто делает мирную революцию невозможной, делают насильственную революцию неизбежной».

– А почему не новый семнадцатый? – удивился Иван Сергеевич.

– Социалистической революции в ближайшей перспективе не будет. Нет коммунистической партии, вооруженной революционной теорией. Кто торопит события, рискует не поспеть за ними.

– Чему не быть, то и миновать легче? – задал риторический вопрос Тургенев и добавил. – Но партия может сформироваться быстрее, чем мы предполагаем...

– Не может. Посмотрите, что произошло и происходит. Горбачевская перестройка обрушилась на инфантильный народ. Произошла реставрация капитализма. Что в итоге? Уже тридцать лет шаг за шагом у народа отбирают то одно, то другое завоевание Великой Октябрьской социалистической революции. А народ утирается и молчит. С каждым годом Россия становится слабее и слабее. И Запад продолжает нас душить, при этом не жалеет громадных денег на поддержку пятой колонны в нашей стране. Под аккомпанемент демагогических речей Запад уже отжал и Украину-неньку, и Грузию, и Прибалтику. Всё забыто: и латышские стрелки, и Камо, и Щорс. А многие россияне продолжают жить в тумане своей политической наивности и верят телевизору, который вещает, что революционеры были жестокими проходимцами с собачьими сердцами, своего рода шариковы из повести Булгакова.

– Но народ же не будет еще сто лет терпеть, – убежденно сказал Тургенев.

– Сколько он будет еще терпеть, никто не знает. Основная масса по-прежнему ходит на выборы, не осознавая, что тем самым она подтверждает легитимность этой власти. Вроде бы, да, терпение кончается. Вон, в Хабаровске народ уже выходит из себя. А когда народ выходит из себя, из него выходят вожди.

– До Октябрьского переворота были народовольцы, затем группа «Освобождение труда», потом РСДРП, а спустя восемь лет к ним добавилось слово «большевиков». Может, и сейчас сформируется что-то одно, потом второе, третье, – высказал предположение Тургенев.

– Не думаю, – усомнился Алексей Максимович. – В то время восемьдесят-девяносто процентов населения было безграмотным, политические процессы шли медленно. Сейчас другое время. Почти все имеют минимум среднее образование. Есть опыт социалистического строительства, и этот опыт не забыт. Другое дело, какие факторы подтолкнут людей с революционными настроениями к активным действиям и какие по своему характеру эти действия будут. А факторы могут быть совершенно неожиданными, например, более тяжкие последствия от коронавируса, или острый дефицит продуктов питания, или еще что-то. А скорее всего, это будет совокупность факторов.

– Так что ж, впереди безнадега?

– Да нет, – не согласился Горький. – Не каждый, стоящий на пороге открытия, попадает внутрь. Но чутье подсказывает мне, что вот-вот должен появиться теоретик уровня Маркса и Ленина, который даст глубокий анализ современности и разработает стратегию и тактику революционной борьбы на сегодняшний день. Время настоятельно этого требует...

– Это сколько же времени потребуется, чтобы новая теория переросла в практические дела...

– Расстояние от теории до практики зависит от того, кто идет по этому пути. Посмотрите, как человечество развивалось. Когда людям надоело таскать на своем горбу тяжести, нашелся человек, который придумал колесо. Когда люди захотели передвигаться быстрее, чем бежит лошадь, и комфортнее, кто-то придумал паровую машину, и появились железная дорога, двигатель внутреннего сгорания. Когда и этого оказалось недостаточно, мы увидели самолет, ракету, сотовый телефон, Интернет. И эта идея совершенствовать свою жизнь на земле преследует человечество на протяжении всего его существования. Это касается также политической и социальной сфер. Появление капиталистов и наемных работников породило марксистскую теорию, которую усовершенствовал Ленин, а реализовал Сталин. Кстати, часто в последнее время слышу, что Сталин был недоучившимся семинаристом. Иосиф Виссарионович учился всю жизнь. Он достаточно хорошо знал немецкий и английский языки. В его личной библиотеке было двадцать тысяч книг, и каждую он прочитал. Когда я просматривал его библиотеку, то очень удивился. В каждой книге, которую я держал в руках, на полях были пометки, сделанные его рукой. Были пометки и в книгах на немецком и английском языках. Когда он в 1912 году полгода жил в Швейцарии и участвовал в посиделках немецких социал-демократов, то нередко спорил с ними, отстаивая свою точку зрения. И разговор шел на немецком языке.

– Но, к сожалению, марксистская теория на практике потерпела крах в России, – с сожалением сказал Тургенев. – А бывшие страны социалистического лагеря в Восточной Европе? Там весь социализм намотался на гусеницы советских танков и убыл на историческую родину.

– Было бы наивным полагать, что первый же построенный человеком самолет не разобьется и пойдет в серию. А построить социализм в тысячу раз сложнее, чем самолет. Будет еще пятьдесят, а может, и двадцать пять попыток строительства социализма – и только тогда будет его окончательная победа. Человечество должно нахлебаться капитализма в такой степени, чтобы окончательно понять, что лучше идеи строительства социалистического общества никто ничего не придумал. Когда подавляющее большинство населения какой-либо страны придет к такому выводу, вот тогда и будет построено такое общество. А пока политическая безграмотность людей просто зашкаливает. У меня есть знакомый, капитан первого ранга, который прожил шестьдесят лет, окончил два вуза, адъюнктуру, кандидат юридических наук, а на последних президентских выборах голосовал за Ксению Собчак. И таких чудиков среди нашей интеллигенции немало. А что уж говорить о рядовых гражданах?

– Да, современная интеллигенция меня тоже удивляет своей политический наивностью, – сказал Тургенев, пожал плечами и добавил: – В школе жизни высокая посещаемость, но низкая успеваемость.

– Есть такой автор Алексей Кунгуров. Лично я с ним не знаком, но две его книжки недавно прочитал. Одна называется «Будет ли революция в России?», другая – «Последний шанс. Сможет ли Россия обойтись без революции?» Со многими тезисами этих книг я не согласен, но кое-что заслуживающее внимания в них есть. Например, он пишет (дословно воспроизвести не могу, но за смысл ручаюсь): современная российская элита не способна двигать страну вперед. Нефть можно обменять на иномарки, айфоны и другие бусы, но билет в Будущее вам никто не продаст ни за нефть, ни за почку. По его мнению, прогресс путем эволюции для России невозможен, потому что сегодня она скатывается назад, а не идет вперед. И я с этим мнением полностью согласен.

– Не зря же вас часто называли «буревестником революции». А вот хочу спросить: что из себя представляют Навальный и Платошкин?

– С Навальным всё ясно как божий день. Полгода учился в Йельском университете США. Больше уже можно ничего не говорить. Но все же, если рассуждать дальше, он за что выступает? За буржуазный строй, но без коррупции. А посмотрите, какой информацией он оперирует. Подобные данные может добыть только разведка такой мощной страны как США. Тут всё понятно: Навальный – или агент ЦРУ, или используется ими втемную.

– А что за фигура Платошкин?

– Тут всё гораздо сложнее, тут надо разбираться и разбираться. На мой взгляд, здесь возможны четыре варианта.

Первый вариант. Платошкин десять лет работал в ФРГ и США. Не исключено, что там его могли завербовать спецслужбы, и сейчас, когда в России ситуация резко ухудшилась, он начал действовать, чтобы принять активное участие в раскачивании лодки. Версия малоубедительная, доказательств никаких, но возможен и этот вариант.

Или другая возможность. Платошкин – проект Кремля. В администрации президента, я полагаю, есть умные люди, и они подготовили планы действий на случай, если ситуация в России для буржуазной власти сложится «плохая» или «очень плохая». Если «плохая», как в Беларуси у Лукашенко, то похватают организаторов протеста, дадут команду «фас» Росгвардии и ОМОНу – и на этом революция закончится. А вот если на улицы Москвы выйдут не сто тысяч протестующих, а полмиллиона-миллион, если начнут убивать полицейских и захватывать здания силовых структур, то тут уж силовой вариант решения проблемы не самый лучший. Зачем проливать реки крови и развязывать гражданскую войну? Поступят хитрее: президент и правительство уйдут в отставку, а «народный лидер» Платошкин станет президентом России, ну а в правительство войдут представители прикормленной оппозиции. То есть всё останется на своих местах, за исключением некоторых декораций. За правдивость такой версии можно наскрести немало фактов.

Третий возможный вариант. Платошкин – честный человек, патриот, хочет добра своему народу – вот и бросился на амбразуру. Если проанализировать его программу Движения «За новый социализм», ничего там социалистического нет. В программе нет ни слова об отмене частной собственности на орудия и средства производства, то есть эксплуатация человека человеком сохраняется. Другими словами, он – обычный социал-демократ западноевропейского типа.

И наконец, Николай Платошкин – истинный коммунист, но пока временно маскируется под социал-демократа, чтобы легче было войти в органы власти, после чего медленно, постепенно реализовывать действительно социалистический проект. Но, если это действительно так, то можно смело делать вывод, что Платошкин в политическом плане человек наивный.

Ну, а кто он такой на самом деле, я думаю, мы скоро увидим, когда суд определит меру наказания по его уголовному делу. Вот тогда и можно будет делать какие-то выводы.

– Да, интересная ситуация, – сказал Тургенев и помолчал. – Но вернемся к нашей главной теме разговора. Капитализм тоже не дремлет, а думает, как продлить

свои дни. Вы читали недавно вышедшую нашумевшую книгу Клауса Шваба «Covid-19: великая перезагрузка»?

– Слышал об этой книге, но пока не читал.

– Есть самые богатые люди планеты, которые пытаются править этим миром. Одни называют их «закулисой», другие, как, например, профессор Катасонов, «хозяевами денег». Так вот, они понимают, что нынешняя модель капитализма устарела, она не жизнеспособна. Об этом вдруг заговорил коллективный Запад. Какой до сих пор был лозунг капитализма? Получение прибыли любым путем!

– Да уж, еще Ленин говорил, что капиталисты готовы продать нам веревку, на которой мы их повесим.

– А Шваб предлагает крутой разворот. Лозунг капитализма, которому уже триста лет, получение прибыли и сверхприбыли отменяется. Тот капитализм еще называли «исключающий». То есть людей исключали из процесса производства путем безработицы, исключали из национального богатства, их исключали из общественной жизни, их исключали из мира.

– Одним словом, как это происходит сегодня в России.

– Теперь они выбросили другой лозунг: «Удержать власть любой ценой». Главное теперь – не получение прибыли, а удержание власти. Они уже обеспечили себя таким богатством, что его хватит на столетия вперед. Они хотят конвертировать капитал во власть. Высшая цель всей мировой закулисы – это власть, причем власть, которая должна быть гарантирована навечно. А чтобы сохранить эту власть, компании должны обеспечить рабочими местами всех, компании должны выставлять такие цены, которые доступны покупателям и тому подобное. То есть компании должны служить всем: работникам, потребителям, подрядчикам, заказчикам, государству.

– Сомневаюсь, что всё это можно реализовать на практике, – не согласился Горький. – Найдется значительная часть буржуазии, которая не согласится с такой постановкой вопроса.

– Ее, эту часть, если она будет упираться, просто раздавят транснациональные корпорации, которые в руках этих самых «хозяев денег».

Никуда они не денутся и, как миленькие, будут выполнять команду.

– Не знаю, не знаю... как это будет выглядеть на практике. Пока всё это теория.

– Но уже и Борис Джонсон, и канадский премьер Трюдо, и вроде бы новый президент США Байден официально поддержали эту идею. Значит, они уже получили соответствующую команду от кого надо и, что называется, взяли под козырек. Впрочем, посмотрим, что нас ожидает в будущем.

– Всегда есть возможность увидеть Будущее, оно начинается уже завтра. А если эта идея действительно будет реализовываться, то и Россию заставят делать то же самое, – убежденно сказал Горький.

– Отчасти это хорошо для трудящихся России; хотя и незначительно, но их материальное положение улучшится.

– Навряд ли. Рабство неискоренимо: оно всего лишь видоизменяется. Наша звериная буржуазия найдет новые формы эксплуатации. Все эти идеи Клауса Шваба в чем-то сродни идеям социал-демократов: дайте трудящимся лишний кусок хлеба, а власть нам не нужна. Именно по этой причине Ленин и разошелся в начале двадцатого века с европейскими социал-демократами и создал свой Коммунистический интернационал.

И далее Алексей Максимович подробно объяснил Тургеневу, почему Ленин считал лидеров европейских социал-демократических партий предателями дела рабочего класса и как он воевал с ними.

А затем Горький увлекся и уже четверть часа рассказывал о том, как он писал роман «Мать». Иван Сергеевич не слишком высоко оценивал этот роман, однако из вежливости продолжал слушать. Впрочем вскоре на фоне голоса собеседника Тургенев стал всё больше погружаться в собственные мысли. Название романа Горького вызвало ассоциацию со словом «Отец», затем в памяти всплыло «Отцы и дети».

«А не назвать ли следующий роман «Деды и внуки», – подумал Тургенев. – Показать, как порой шутит история, как внуки революционеров уничтожают плоды революции».

Но в мысли вновь ворвался голос Горького:

– Ну, так вот. Потом подошел семнадцатый год, случился Октябрьский переворот. Многие профессиональные революционеры со стажем отвернулись от большевиков.

– Было такое, – согласился Тургенев. – Та же Вера Засулич.

– Это та, которая в 1878 году из револьвера всадила две пули в живот петербургскому градоначальнику Трепову? – спросил Горький.

– Она самая.

– Я тоже сначала не принял революцию: был поражен ее жестокостью и беспощадностью. В деревнях жгли барские имения вместе с библиотеками, уничтожали картины и музыкальные инструменты как классово чуждые крестьянству предметы, сносили памятники...

– Помню, помню. Я в ту пору жил в Италии, и мне писали об этом. А в какой-то книге Василия Розанова я прочитал: «Революция – когда человек преображается в свинью, бьет посуду, гадит хлев, зажигает дом».

– Я ругался с Владимиром Ильичем, протестовал, писал антибольшевистские статьи, которые печатал в своей газете «Новая жизнь», но эту газету в июле восемнадцатого года они закрыли. После Октябрьского переворота, когда я глядел на всё, что

творится в России, путь мой был мучителен, наполнен взлетами надежды и горькими разочарованиями, твердой убежденностью и разрушительными сомнениями. Потом я собрал все эти статьи под одну обложку с названием «Несвоевременные мысли». Именно в этих статьях я искал ответа на вопрос о смысле русской революции, о роли в ней интеллигенции.

– Эту вашу книгу я тоже читал.

– Когда Троцкий заявил: «Русские – это хворост, который мы бросим в костер мировой революции», Ленин с ним не спорил. И по этому поводу я тоже крепко поругался с Владимиром Ильичем. Правда, в 1920 году он уже не верил в мировую революцию. А, кстати, Сталин в нее никогда не верил; он сам мне об этом говорил.

– А может Троцкий пошутил? – задал несуразный вопрос Тургенев и почему-то слегка улыбнулся.

– Какие тут могут быть шутки? – не понял Горький.

– А что, вон на вопрос, как вы представляете счастье, Фридрих Энгельс отвечал: «Это вино «Шато Марго» 1848 года разлива и ирландское рагу».

– Ну, это было сказано именно ради шутки. Но если серьезно говорить о революциях, то, безусловно, Карл Маркс прав: «Революции – локомотивы истории». Это я понял только в конце двадцатых годов прошлого века.

– Может быть и так.

– Иван Сергеевич, я знаю, что у вас было немало друзей из числа революционеров...

– Да, я дружил с Герценом, Кропоткиным, Лавровым...

– И знаю, что вы проявляли огромный интерес к революционной молодежи, к вопросам, связанным с развитием революционного движения.

Полагаю, что это обстоятельство наложило отпечаток на всё ваше творчество последнего периода. Или я ошибаюсь?

– Да, Алексей Максимович, это действительно так. Мотив революционной борьбы я заложил даже в повесть «Вешние воды», содержание которой очень мало связано с социальными и политическими проблемами. А вот в романе «Новь» я уже действительно попытался показать русскую революционную молодежь. Правда, этот роман я писал очень долго; ни один роман так долго не писал. Шесть лет пером скрипел.

– Но овчинка выделки стоила, – с чувством глубокой искренности сказал Алексей Максимович. – Вы были тем писателем, кто первым изобразил то, что стало в тот исторический момент главным и определяющим в общественно-политической жизни России. А главным было движение революционеров-народников.

– Не автору давать оценку своим текстам, – сказал Тургенев в ответ на похвалу и добавил: – Мне неоднократно говорили, что наиболее удачно революционную молодежь я показал в стихотворении в прозе под названием «Порог».

Алексей Максимович не помнил этого произведения Тургенева. Ему стало неловко от этого, и он предложил:

– Иван Сергеич, а давайте чайку попьем.

– Я попозже. Что-то меня валит. Я с вашего разрешения вздремну полчасика, – и Тургенев, поправив подушку, лег на свою полку и закрыл глаза.

Алексей Максимович достал айфон, нашел в Интернете стихотворение в прозе «Порог» и начал читать:

«Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью – угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с леденящей струей выносится из глубины здания медлительный, глухой голос.

– О ты, что желаешь переступить этот порог, – знаешь ли ты, что тебя ожидает?

– Знаю, – отвечает девушка.

– Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

– Знаю.

– Отчуждение полное, одиночество?

– Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

– Не только от врагов – но и от родных, от друзей?

– Да... и от них.

– Хорошо. Ты готова на жертву?

– Да.

– На безымянную жертву? Ты погибнешь – и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить!

– Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

– Готова ли ты на преступление?

Девушка потупила голову...

– И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

– Знаешь ли ты, – заговорил он наконец, – что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

– Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

– Войди!

Девушка перешагнула порог – и тяжелая завеса упала за нею.

– Дура! – проскрежетал кто-то сзади.

– Святая! – принеслось откуда-то в ответ».

Горький отложил в сторону айфон, взглянул на спящего Тургенева и подумал:

«Да.... Сколько людей, столько и мнений. Большую фантазию нужно иметь, чтобы увидеть здесь образ революционной молодежи».

❑

БАЙКИ

Владимир ЗАПАРИЙ

Живет в г. Екатеринбурге.

КАК ПЯТЫЙ КУРС ИСТФАКА СДАВАЛ ИСТОРИЮ ФИЛОСОФИИ ФИЛОСОФУ ЗВЕРЕВИЧУ

Это было в 1975 году. Нам предстоял последний на истфаке экзамен. Он был по истории философии. Мы считались будущими идеологическими работниками, и к нам руководство факультета относилось довольно серьезно. Декан В.И.Шихов с третьего курса здоровался с ребятами за руку. Кроме всевозможных марксистско-ленинских философий у нас предполагалась история философии мировой.

Поэтому когда начались лекции по интересному для нас – историков – предмету, у нас были определенные ожидания. Но ожидания улетучились, как прошлогодний снег. Читать нам должен был молодой преподаватель с прекрасной для преподавателя высшей школы фамилией – Зверевич.

Он сначала не показался человеком, пытающимся оправдать свою фамилию. В аудиторию вошел не очень опрятный молодой, но уже побитый жизнью мужчина. В бесформенном серо-мышином пиджаке, в затертых брюках неопределенного цвета, с выпуклостями на коленях. Он устало сообщил нам, что завершает свою, видимо гениальную, диссертацию, естественно кандидатскую. Поэтому ему не до нас, но лекции он, так и быть, нам прочитает.

Действительно, он выполнил свое обещание. Он приходил каждый раз недовольным и с чувством легкой брезгливость садился за стол, доставал тетрадь, и читал нам лекцию тихим, заунывным, лишенных каких-либо эмоций голосом. Более скучного изложения материала я за свою студенческую и преподавательскую почти пятидесятилетнюю практику не встречал. Мы с трудом слушали лекции, понимая, что неизбежное зло мы должны стоически преодолеть.

На излете наших мучений наш староста Толик Свалов, бывший старшина танковой роты в Германии, зашел на кафедру философии. И здесь кто-то из преподавателей у него поинтересовался: «А как там у вас читает наш Зверевич?» Толик, выходя с кафедры, бросил только одно слово – «безобразно». И хотя оно полностью соответствовало проделанной преподавателем работе, это было не очень тактично, особенно в те советские времена.

Как мы позже узнали, доброхоты не замедлили сообщить Зверевичу о такой характеристике студентов-историков. И санкции последовали. Мы даже не сразу сообразили. Но на экзамен он пришел так же отстраненно. Он выслушивал молча студента и, не задавая дополнительных вопросов, ставил в зачетку и ведомость «удовлетворительно». Вся без исключения группа получила эту оценку. И будущий кандидат философских наук ушел с экзамена победителем, оставив о себе большое разочарование у будущих историков. Если говорить о качестве студентов, то в последующем с курса в 75 человек, мы имели 20 кандидатов и 6 докторов наук.

Кстати, у меня это была третья удовлетворительная оценка из почти 90 отчетностей. Первая была по латинскому языку, где я неправильно проспрягал неправильный глагол «быть», который имел 60 форм, вторая «тройка» у меня была по педагогике, где я не

очень убедительно раскрыл «моральный облик строителя коммунизма». Кстати, это не помешало мне всю жизнь заниматься практической педагогикой, работая в вузе, ну а третью – за историю философии (за компанию).

Ну, а я раз и навсегда сделал для себя вывод о недопустимости мелкой мести людям, которые не могут тебе возразить. И еще – надо делать свою работу или хорошо, или вообще не делать.

ПРОФЕССОР НАУМ АБРАМОВИЧ БОРТНИК

Профессор Наум Абрамович Бортник появился у нас на втором курсе, когда мы начали изучать Средние века. Был он лет 60-ти, то есть – ископаемое. В черном заношенном костюме, белой рубашке и галстуке. Одутловатое лицо, кожаный портфель и картавая речь. Читал он нам лекции по конспектам, у которых выцвели чернила и сами страницы. Любил повторять, что когда он был слесарем шестого разряда, или, когда он в третий раз защищал докторскую диссертацию.

Глазами он страшно косил и как бы обозревал всю аудиторию сразу. Ставил девушкам оценки, чем выше начиналась юбка, тем выше была оценка. Это с учетом того, что женщины в 1970-е годы носили такие юбки, что нынешние балерины носят длиннее, или, как говорил один мой товарищ, юбка у многих девушек заканчивалась там, где начиналось, то, что она должна бы скрывать.

Запомнился он еще и тем, что на его лекции, которые он читал скучно, ходило немного народу. И когда из 75 студентов к нему на лекцию пришло 4 человека, он сказал, что будет читать и для одного, но так как он у нас считается прикрепленным преподавателем, то просит пригласить всех на лекции. На следующую лекцию к нему пришло пятеро.

Единственная его лекция, на которую приходили почти все, была по искусству эпохи Возрождения. Он развешивал у доски репродукции великих итальянцев. Сражала всех картина «Кающаяся Магдалина»: «Это – кающаяся Магдалина, но я уверен, что она еще будет грешить и грешить...»

Две наши группы сдавали дифзачет по Средним векам в один день. Сначала девушки, а потом парни. После девушек, которые получили почти все пятерки (смотри о длине юбок), профессор вышел совершенно обалдевший с двумя пачками учебников, которые он нашел после девчонок в столах.

«Я, – сказал профессор, – мог бы по номерам установить, кто списывал, ну да ладно, – махнул рукой, – не буду».

Потом начался зачет у нас. Я отвечал за Колей Половинкиным, который стал у нас на курсе первым доктором наук. Профессор вписал в ведомость тройку и кивнул мне: «Начинайте отвечать».

Я не успел толком начать отвечать, как он остановился, вынул из кармана тубус с таблетками валидола. Я, пораженный, остановился. «Ничего, – сказал Бортник, махнув рукой, – это по поводу предыдущего ответа».

Интересный сюжет был связан с профессором Бортником, когда рассказывая о начале 30-летней войны, он упомянул, что она началась с дефинистрации. Нам было неудобно спросить профессора о том, что означает это слово, потому что мы обучались латинскому. Несколько лет этот вопрос время от времени всплывал в памяти, но однажды он был случайно разрешен.

Дело было так, в составе студенческого строительного отряда мы отправились в дружественную Чехословакию. Было это в 1977 году. И когда трудовой семестр закончился, мы приехали в Прагу, где для нас было устроено несколько экскурсий, в том числе и в Град.

Бойкий экскурсовод радостно бежал впереди и рассказывал бодрым голосом о всевозможных перипетиях Пражской истории. За вход и экскурсию с нас взяли какие-то смешные деньги. Помоему, несколько крон. Позже, когда я бывал в Праге, а бывал я там раз десять, каждый раз цена на посещение все больше возрастала, и за вход в каждое помещение этого прекрасного музея берут несравненно больше, чем раньше за все вместе. Да, кстати во многие места не пускают сейчас и за деньги.

Ну да, бог с ним. Итак, наша делегация попала, наконец, в огромный зал, более 100 метров, в котором был кабинет мэра Праги. Действительно, небольшой для этого помещения стол стоял в углу. Все остальное место было свободно, наверное, для посетителей. И тут я услышал заветное слово «дифинистрация».

Я переспросил гида, и он радостно пересказал, что от меня ускользнуло.

Так как Чехия или Богемия в старые времена, а дело было в 17 веке, была самой богатой провинцией Австрийской империи, заметьте – не Австрия, то однажды чехам надоело платить налоги. Они отказались – и всё. Это вызвало переполох в Вене. Если вспомнить раннего Жванецкого, помните, он говорил: «Я испытал такое потрясение, ну как вам понятно объяснить. Ну, к примеру, ты пьешь одну рюмку водки, вторую, третью, а в четвертой – вода!»

Вот так были потрясены император и чиновники. Император послал в Прагу своих чиновников, чтобы они выяснили, что произошло, и уговорили, чтобы чехи снова платили налоги. Чиновникам объяснили, что платить не хотят – и всё. Они ходили и гундели, что «лучше заплатить и спать спокойно...» Это, в конце концов, надоело мэру. И он приказал выбросить их в окно.

Было жарко, лето, и окна были распахнуты. Я подошел к окну и увидел каменную мостовую площади Града с высоты девятого этажа. «Да, – радостно говорил гид, – здесь 25 метров. – Увидев мое лицо, он радостно заявил, – да не расстраиваетесь – они остались живы!»

Как же так? Эти подневольные люди, вынужденные делать свое дело, наверняка должны были разбиться, упав на камни с такой высоты.

«Что вы! – воскликнул гид, – ведь это было время, когда главной

тяговой силой были лошади со всеми вытекающими из этого последствиями. Вот эти последствия и собирали как ценный продукт под окнами мэра Праги. Думаю, пахли они не так, как французские духи.

Так вот, выброшенные из окна чиновники, пронзив своими телами семиметровую толщу навоза, остались живы. Но когда они появились при изысканном венском дворе в таком слегка засохшем виде, гневу императора не было предела. Он ругал, на чем свет стоит чехов, и говорил, что не простит им этого. Так началась война, которая длилась 30 лет и привела к гибели чуть не трети населения некоторых стран Европы».

Так вот – дефинистрация – это в переводе значит – выбрасывание.

КАК АСПИРАНТ СЕРГЕЙ ЧИТАЛ СВОЮ ПЕРВУЮ ЛЕКЦИЮ СТУДЕНТАМ

Было это лет 30 назад, когда уважаемый доцент мехфака Сергей Н. был худым аспирантом второго года обучения. Он весь погрузился в науку. И вот внезапно он узнает, что его любимый руководитель, уважаемый заведующий кафедрой и профессор, доктор технических наук и проч., и проч. собрался в командировку. И он попросил Сергея заменить его на лекции потока четвертого курса.

Всё бы ничего, но Сергей никогда не читал лекций, раз. Во-вторых, он совсем недавно сам учился на четвертом курсе. И наконец, он никогда не читал этого курса.

В общем, родной руководитель не порадовал.

Но делать было нечего. Надо было готовиться. Отказаться было невозможно, прочитать лекцию плохо было недопустимо.

Не буду углубляться в процесс подготовки...

И вот наступил этот важный день.

Сергей одел свой лучший, черный свадебный костюм. Белая рубашка, галстук-бабочка. Он пришел пораньше, проверил, есть ли мел, вымыл доску и стал ждать.

Прозвенел звонок. Начала заполняться римская аудитория. Студенты заполняли все места. Он немного выждал. Потом вошел в аудиторию. Студенты встали, он поздоровался и посадил их.

По рядам студентов прошел смешок и некоторое движение.

Сергей подумал, что это вызвано тем, что он новое лицо, неизвестное слушателям. Он немного смутился и начал лекцию.

Сергей повернулся к доске и начал писать. Он очень старался. Перемазался весь мелом. Но каждый раз, когда он оборачивался к аудитории, девушки особенно первых рядов, прыскали и отводили взгляды.

Это сильно волновало Сергея, он думал, что он делал не так. Но не находил ответа. Наконец, прозвенел звонок. Сергей раскланялся, провожая студентов у доски.

Когда все вышли, он стал отряхивать свой костюм от мела, и тут он понял, что так веселило особенно студенток. Когда его взгляд скользнул вниз, он увидел торчащий из не застегнутой ширинки кусок белой рубашки.

Можно быть прекрасным оратором, но при этом нужно застегивать ширинку.

МАЙОР СЕРЕБРЯКОВ И ВОЕННАЯ КАФЕДРА

В Уральском университете существовала военная кафедра. Она была и у нас, когда мы учились на истфаке в первой половине 1970-х гг.

С этой кафедрой связано несколько сюжетов.

Майор Серебряков запомнился тем, что преподавал огневую подготовку. Это был полноватый мужчина лет сорока. Он читал лекцию всегда по наставлению, затертому почти до дыр. Кто-то из нас на перемене перевернул несколько страниц. Он закончил лекцию раньше. Страшно удивился, но потом сказал: «Давайте повторим».

Но запомнился он не только этим. Однажды он отвлекся от текста, желая продемонстрировать свою эрудицию. Рассказывал о том, что при стрельбе из автомата в одну точку, пули рассеваются от центра симметрично.

– Понимаете, что такое симметрично? – спросил он у нашей аудитории.

Мы, студенты истфака, третий курс, с интересом следили за майором.

– Нет, товарищ майор, – сказал Толя Шуруев.

– Ну как вам понятно объяснить, – сказал майор. – Вот, например, я! Майор Серебряков. – Он встал по стойке смирно. Руки по швам. – Если, к примеру, меня, майора Серебрякова, разрезать пополам по центру, то одна рука совпадет с другой, нога с ногой. Понятно?

– А если не совпадет? – спросил Шуруев.

Майор задумался:

– Ну тогда дефект.

Мы долго смеялись...

Второй сюжет связан с полковником Крыловым, который любил говорить курсантам, картавя: «Держите голову гордо!»

Однажды он летом прогуливался по улице Ленина, по скверу, который проходит по ее центру. Наступали сумерки. Вдруг он увидел двух молодых людей, которые направлялись к нему. Он ускорил шаг, они тоже ускорились за ним. Он побежал, они за ним. На улице в самом центре города совершенно никого. Он попытался бежать и перелезть через чугунную ограду. В спешке он не удержался и, упав, сломал ногу. В ожидании страшного он закрыл глаза. И тут он услышал: «Товарищ полковник! Как вы? Мы хотели у вас спросить, когда вам пересдать зачет»...

Особую фигуру на кафедре являл собой майор Бадьин, который в свои 45 лет любил повторять, что он с 15 лет в армии, и уже майор. Был он единственным в то время майором, так как остальные преподаватели были подполковниками и полковниками. Правда, он потом дослужился до полковничьих погон. Но это – позже.

Он носил с гордостью значок за прыжки с парашютом с очень серьезной цифрой. Однако однажды он перестал приходить на занятия, и это было довольно долго. Тогда

нам сказали, что он болен. Потом старшие товарищи рассказали, что дело было так: его застал муж одной из его любовниц, и он, чтобы скрыться, вынужден был выпрыгнуть из окна, причем сломал себе ногу, несмотря на такое умопомрачительное количество прыжков.

Больше всего нас поразил случай на занятиях по изучению пистолета Макарова. Оружейник принес в аудиторию, где проходили занятия, несколько старых пистолетов, затертых любознательными курсантами почти до белизны, и несколько патрончиков для каждого из пистолетов.

Когда же занятия закончились, и мы стали сдавать оружие, то одного патрончика не оказалось. Прибежал обеспокоенный оружейник. Это было ЧП вселенского масштаба. Мы передвинули все столы и стулья, осмотрели все закоулки кабинета, вывернули карманы и имеющееся у нас имущество. Однако ничего не могли найти. Оставалось нам раздеться до гола и подвергнуться очень тщательной проверке.

И тут оружейник посмотрел на майора и задал сакраментальный вопрос: «А может быть, у вас, товарищ майор?»

– Да как ты смеешь! – встрепенулся Бадьин.

– Ах да! – и он достал изо рта наполированный до зеркального блеска патрон. – Вы понимаете, у меня такая привычка, помогает думать!..

Интересно запомнились военные (двухмесячные) сборы, которые мы проходили летом 1974 года, после четвертого курса, в 32-м военном городке на окраине Свердловска. Кому-то из ребят пришла в голову мысль побрить голову «наголо» перед сборами, и некоторые так и сделали.

Это имело для них печальные последствия. Уже в первый день мы совершили марш-бросок на 10 км. А солнце так и палило, поэтому все ребята сгорели до мяса. Ведь пилотка закрывает только небольшую часть головы. Еще одной проблемой было то, что часть молодежи не умела одевать портянки под кирзу, которую нам раздали. В итоге, люди сбили еще и ноги. Кстати, форму нам раздали, пошитую в 1944 году.

Были и стрельбы дневные и ночные, были броски боевых гранат. Было разное. Выполняя упражнение, по атаке на пулеметный расчет противника, нужно было бросить гранату метров на 25, при этом необходимо было нагнуться вперед, прикрывшись автоматом и каской, а затем, после взрыва, набежать на пулеметный окоп и стрелять в него холостыми патронами. Однако один из курсантов, Владимир, видимо не сообразил от напряжения, ведь граната была боевой, и, бросив ее, побежал на окоп.

Правду говорят, что осколки разлетаются на 25 метров, так как в форменки коллеги было с десяток дырок от осколков, сам же курсант, к счастью, не пострадал…

Были среди нас и филологи, и математики. Кстати, о них. Один, фамилию которого не стоит называть, отличался большой нерасторопностью. И когда объявляли, что через полчаса построение, он уже начинал собираться. Через полчаса рота стояла в строю, а он еще не мог одеть сапоги. Именно поэтому он собрал все «внеочереди», что могло и в очередь не хватить.

Но самое трепетное произошло при броске гранаты. Все знали, что запузырить гранату он способен на семь-десять метров. А смертельный радиус поражения как раз в 9 метров. Поэтому, как только он бросил гранату, фактически себе под ноги, майор-инструктор сбил его с ног и упал на него сверху. Вскоре скорая помощь увезла майора с многочисленными осколочными ранениями спины и ниже. Кстати, во время одного из марш-бросков он потерял магазин к автомату, и мы все несколько часов прочесывали лес, пока не нашли потерю…

Отличился и филолог З. При стрельбе лежа из автомата необходимо, отстрелявшись, продемонстрировать инструктору-офицеру свой автомат. Нужно показать его затвором вверх, передернуть и, спустив курок, поставить его на предохранитель. Именно это продемонстрировал лежащий рядом З. Он передернул затвор и нажал на курок, раздался выстрел, а наклонившийся над ним подполковник, опешив, так и остался стоять, так как пуля прошла как раз рядом с его носом.

Но ведь есть еще и гильза. Она выскочила из автомата и прилетела стрелку прямо в глаз. И только толстые стекла очков, разбившись вдребезги, все-таки спасли глаз будущего светоча уральской филологии.

КАК МЫ СДАВАЛИ ЛАТЫНЬ ДОЦЕНТУ ДОРОВСКИХ

Поступив на исторический факультет, мы узнали, что у нас будет серьезная языковая подготовка. Она включала в себя древнерусский язык, латынь и два новых современных языка. Позднее мы узнали, что это повторяло, даже не в полном объеме, языковую подготовку классической гимназии царской России, где еще был древнегреческий язык.

Английский преподавала Тамара Николаевна Дербукова, закончившая в 1940 году Ленинградский институт иностранных языков Мориса Тореза, а потом в годы войны – и истфак нашего университета. Она ошарашила нас на первом занятии заявлением, что тот, кто сдал вступительный на «удовлетворительно», может сразу уйти в другую группу. «Мы будем читать оригинальную литературу», – сказала она. Я, сдавший английский на «три», не дрогнул и остался, и ничуть не жалею.

Мы действительно читали оригинальную литературу, причем эрудиции этой невысокой и не броской внешне женщины, блиставшей потрясающим чувством юмора, действительно не было предела. Она могла и комментировала любое имя в политическом или историческом тексте, рассказывала интересные сюжеты, сопровождая прочитанное.

В нашей группе только Ваня Павлов был достойным студентом, самоучкой, выучившим английский и говорившим с американ-

ским акцентом. Она всегда спрашивала в начале занятия: «Ho is volunteer now? (Кто сегодня доброволец)», – и потом разговаривала с Ваней. Ее занятия доставляли большое удовольствие. Было понятно, что ты общаешься с преподавателем с большой буквы.

Но мне хотелось бы сказать о преподавателе латинского языка – доценте Людмиле Ивановне Доровских. Она «дрючила» студентов так, что об этом ходили легенды, правда, они на самом деле блекли перед действительностью. И если будущий профессор Мотревич пришел на экзамен к старшему преподавателю Ушакову в валенках, из одного из которых торчал учебник, и на замечание преподавателя о том, что он не помнит его на занятиях, несколько высокомерно заявил, какое это имеет значение и получил с помощью пособия в валенке стипендиальную оценку на экзамене, то с Доровских эти номера не проходили. Списать у нее было невозможно, нужно было знать. А это было чертовски трудно. Чего мы только ей не желали... вспоминаю я со стыдом. Но все было напрасно, день экзамена как судный день приближался.

Экзаменационный билет состоял из пяти вопросов. Сначала надо было прочитать любое место из текста в несколько страниц мелкого шрифта. Затем нужно было разобрать любое предложение по частям речи, потом разобрать существительное с корнями, суффиксами и префиксами, проспрягать глагол, как правило, неправильный, и процитировать в пределах сотни латинские пословицы и поговорки. Все шло, вроде, терпимо до тех пор, пока мне не попал глагол неправильный «быть». Он имеет много форм. Ну, да не будем о грустном...

В общем, это был первый и последний «завал» в моей биографии. Я занимался бешено, и это не преувеличение. В течение недели я выучил латынь «вдоль и поперек» с примерами. И когда я пошел пересдавать, вопросы отскакивали как «от зубов».

– Ну, давайте я вам еще один вопрос задам, и поставлю «четверку», Володя, – ласково проговорила Доровских.

– Нет, ставьте тройку и отпустите, – выпалил я.

Доровских удивленно на меня посмотрела, но выписала «уд» и отдала зачетку. Так среди моих в основном «пятерок» прорезалась удовлетворительная оценка.

Ничего она на самом деле не хотела нам доказать, она просто была очень требовательна и уважала свой предмет, да и нас так вот своеобразно, «без дураков». Потому что отсутствие требовательности к студентам говорит о неуважительном отношении к ним преподавателя.

И еще я понял, что списать у преподавателя можно, только если он этого захочет. Обмануть преподавателя желторотому студенту, конечно, не по силам.

КАК СЕКРЕТАРЯ ПАРТКОМА УПИ С.С.НАБОЙЧЕНКО ОБКОМ НЕ ПУСТИЛ В БОЛГАРИЮ

Совсем недавно, посещая бывшего ректора Уральского федерального университета Станислава Степановича Набойченко, я услышал случай из его жизни, рассказанный им как всегда интересно и искрометно. Он произвел на меня большое впечатление.

В 1986 году, когда профессор С.С.Набойченко возглавлял партийную организацию Уральского политехнического института, одного из крупнейших технических вузов СССР, его вызвали в обком партии. На приеме у третьего секретаря обкома, ведавшего идеологией, ему сказали, что в качестве партийного задания ему поручают возглавить туристическую группу в братскую Болгарию.

Это была обычная для того времени практика, когда партийный работник возглавлял группу советских туристов. С одной стороны, съездить за границу бесплатно – и почетно, и приятно, с другой стороны – очень хлопотно. Надо получить валюту в банке, потом ее раздать. Присматривать за всей группой, а это 30–40 человек. Не дай бог, что-нибудь случится – не отбрешешься!

Потом по возвращению нужно написать подробный отчет о поездке в целом и о каждом отдельно. И в завершении – еще беседа «по душам» с куратором из КГБ. Так что, хлопотно.

Жена встретила известие с энтузиазмом. Она заявила, что не только у нее, но и у ее подруг будут «небольшие» поручения. Надо будет купить и привести... а дальше – по списку. Начались, таким образом, предпоездочные хлопоты. Нужно было ехать в банк и приобрести болгарские левы.

И вот, когда все было сделано, внезапно из обкома позвонили, что Бюро обкома не утвердило секретаря парткома С.С.Набойченко в качестве главы туристической группы. И надо поехать в банк, заплатить неустойку – таковы правила – и сдать деньги. Почему это произошло, никто не объяснял, и можно было подумать все, что угодно.

Когда вечером Станислав Степанович явился домой, жена с воодушевлением заявила, что хочет пополнить список «поручений». Ее огорчению не было границ, когда она узнала, что муж не едет в Болгарию.

Что же я теперь скажу подругам и знакомым? Вот сколько лет с тобой живу, а ты, может быть, «враг народа».

Да, осадок остался. Только много времени спустя ему сказали, что причиной такого решения стало принятое решение назначить Станислава Степановича ректором УПИ, а для этого нужно было пройти процедуру утверждения на собираемом не часто бюро обкома партии. Это, конечно, было более важным событием, чем поездка за рубеж.

❑

ПУНКТИРЫ

ГЛАВЫ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

Нисель БРОДИЧАНСКИЙ

Биография Нисель Бродичанского началась в победном майском 45 года, XX века, 20 числа в г.Челябинске, продолжилась в Кишиневе, тогдашней столице МССР. Окончил Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии на курсе проф. Г.А.Товстоногова. Работал на киностудии «Молдова-фильм». Автор множества документальных фильмов, нескольких игровых и ряда спектаклей в кишиневских театрах. Автор пьес, сценариев, статей и рассказов. Живет в Германии.

БЫЛ МЕСЯЦ МАЙ

Прошедший всю войну от звонка до звонка, он раз в году 9 мая, (в советские времена в г. Бендеры, затем в израильском г. Кирьят-Бялике), одевал свой пиджак с медалями и шел на встречу с ветеранами. Мама в праздничном платье и обязательной шляпке сопровождала его в торжественном шествии, чтобы затем выполнить контрольную функцию, когда бывшим фронтовикам наливали положенные 100 грамм. Возраст и последствия двух военных тяжелых контузий были несовместимы при жарком израильском климате даже с малой толикой алкоголя. У мамы в сумочке лежала маленькая серебряная стопка, которую заполняли 20-ю граммами водки и выливали в большую алюминиевую кружку воды. Отчим залихватски, как в прошлые годы, когда водка плескалась в ней полной мерой, выпивал ее до дна. Я поинтересовался: «Почему вы не пьете из самой стопки?» Он показывал на горло: «Маленькая. Здесь застревает». Войну он закончил в Австрии, в Вене, откуда после демобилизации привез несколько опасных бритв «Золинген» и ножницы той же фирмы. Потому что после войны надо было зарабатывать на жизнь, и он стал парикмахером. В Бендерах, в парикмахерской при гостинице на берегу Днестра его клиентурой, в основном, были женщины. Он слыл мастером покраски и завивки. Но были и мужчины, так называемые теперь, VIP-персоны: секретарь горкома, священник, председатель колхоза-миллионера, режиссер Э.Лотяну и другие известные артисты, оказавшиеся во время съемок в этой гостинице. Искусство кауфюра не только в самом мастерстве, но и в умении вести беседу с клиентом. В его случае это были беседы на молдавском, идиш, русском или на смеси всех трех языков. И его хорошо понимали... Выйдя на пенсию, еще до отъезда в Израиль, он продолжил свое дело, но уже индивидуально, по приглашению. А в свободное время вдруг стал писать картины. Оказывается, до войны, еще подростком, в своем бессарабском городке Леово он учился в школе рисованию и живописи. Потом, как часто бывает в жизни, все стало потом... В те времена я часто ездил на съемки, и моей обязанностью стало покупать ему краски и кисточки, особенно колонковые. Ими он тщательно выписывал каждую травинку, листочек и ресничку на глазе коровы. При том, что его один глаз почти не видел, другой был после операции по снятию катаракты. Писал он с помощью большой лупы. Довольный своим творчеством, говорил всем: «Посмотрите! Она прямо говорит: «М-е-е!» – «Не «М-е-е», а «М-у-у», – поправлял я его. «Какая разница! Она, как живая!»

Когда они уезжали в Израиль, его картины почему-то не разрешали вывозить. Особенно полотно под названием «Партизаны на привале».

В Кирьят-Бялике отчим продолжал писать картины, но сетовал, что на это занятие не хватает времени, так как растет спрос на

его парикмахерское искусство. Не откажешь же родственникам и знакомым. Многочисленные родственники были только с маминой стороны. У отчима не было родных, никого. Их всех убили в начале войны. Всё еврейское население городка Леово. В Израиле по телевидению они смотрели русский канал. Отчим уже плохо видел. Но во время передачи «Жди меня» буквально прирастал к телевизору. Он все надеялся на чудо, которое ждал всю жизнь. Что может быть кто-то из его детства и юности, хоть сейчас, на закате его жизни, появится в этой передаче. И скажет на весь белый свет: «Я ищу Альперина Даню! Даниила, сына Кивы...»

НАСЛЕДНИК

Одно время я жил с родителями на севере Израиля в небольшом приморском городе Кирьят-Бялик. По его улицам я, обычно, ездил на велосипеде. И время от времени на моем пути возникал Миша Мильштейн, с которым меня свело случайное знакомство.

Он крепко хватался за руль моего велосипеда и не отпускал до тех пор, пока не рассказывал очередной эпизод своей борьбы за наследство дедушкиных капиталов в швейцарских банках и о своем праве на недвижимость на Украине, в Карпатах: пивной завод и несколько нефтяных скважин, когда-то принадлежавших его дедушке. Каждый раз он начинал разговор так, будто мы недавно виделись, и я в курсе всех его последних перипетий.

Миша Мильштейн был одним из первых, кого волны эмиграции из бывшего СССР вынесли на берег Средиземного моря. У него была стройная и энергичная походка, то ли бывшего танцора, то ли оперного хориста. Неизменно, в руках он держал полиэтиленовый пакет с бумагами и папками. На гордо поднятой, когда-то рыжей, а теперь поседевшей голове была постоянно шляпа. Думаю, что в ней он приехал из Риги в Израиль еще лет двадцать пять тому назад. Такое же впечатление было и от его одежды. Моя мама считала его не совсем нормальным, а отчим, с прямотой бывшего вояки, говорил на идиш: – Дер ройтер мишигинер мид дер шляпе (Рыжий сумасшедший в шляпе).

Я не судил его столь категорично, ведь его рассказы были по-своему увлекательны, несколько саркастичны и с неожиданно меткими подробностями. Правда, они были сумбурны и уследить их сюжетную нить во времени и пространстве было довольно сложно. Путаницу рассказов он возбужденно подтверждал многочисленными бумагами: исками, письмами и ответами от разных учреждений из многих стран. Он вел переписку с сенаторами США, с тогдашним президентом Клинтоном, с председателями банков, с главой Украины Кучмой и многими другими. При том, что на иврите он изъяснялся с трудом, на идише – всего несколько расхожих фраз, а английский не знал вообще. Миша подал иск на Германию (тогда на несколько миллионов марок) за то, что немцы пользовались нефтью его дедушки на протяжении войны.

Иногда мы встречались в поезде на Тель-Авив, куда Миша ездил на консультации с адвокатами. На фоне бирюзового моря, вдоль которого катился поезд, я слушал весь его «сериал», которому могли бы позавидовать создатели «мыльных опер». Бурную деятельность Миши вызвал развал СССР. Он свято поверил в провозглашенное право частной собственности и в торжество справедливости, по которым он хотел вернуть всё, что принадлежало дедушке. Опыт судебных боев пригодился ему и в личной жизни. Неудачная женитьба на аферистке (как он утверждал), развод, отсуживание квартиры и даже недолговременное пребывание в израильской тюрьме.

По рассказам Миши, со многими он был знаком, включая первых лиц государства. Оценки их были, как правило, лапидарны и категоричны. Начинались они обычно со слов: – Эти псы!.. И далее следовала живая зарисовка, как например, Голда Меир обнимает в аэропорту «Бен Гурион» молодого Калмановича (потом его разоблачили как советского шпиона и посадили в тюрьму) и говорит на идиш: – А гитер юнгер ид! (Хороший молодой еврей)...

На улице, держа руль моего велосипеда, Миша в конце каждого разговора возвращается к своей сокровенной мечте. Для чего он хочет получить наследство и на что он собирается его потратить? Когда он узнал, что я режиссер, то признался, что мечтает поставить историческую оперу об Иерусалиме. Сам написал либретто, включая партии хора в несколько тысяч человек. К удивлению прохожих, Миша начинал мне петь отрывки арий и партию хора. Утверждал, что это должно звучать очень возвышенно, трагически и монументально. Он очень хотел осуществить свою оперу к юбилею Иерусалима и написал тогдашнему мэру Ольмерту, что деньги на постановку вернет, когда получит наследство. Но «этот пёс», как говорил Миша, даже не ответил. Миша послал свое либретто в «Метрополитен-опера». Ждет ответа... А еще он пишет сценарий о судьбе своего дедушки с времен Австро-Венгрии до конца Второй Мировой войны. Разговор наш обычно заканчивался вопросом: – Ну, когда я получу деньги, ты поставишь этот фильм? Я утвердительно киваю, и Миша отпускает руль моего велосипеда.

Я отъезжаю, а он еще долго стоит и смотрит мне вслед...

❑

Юрий ГОНЧАРОВ

г. Екатеринбург.

ОНИ УХОДЯТ*

«...Может, лучшей и нету на свете калитки в Ничто.
Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
Вниз по темной реке уплывая в бесцветном пальто,
Чьи застежки одни и спасали тебя от распада.
Тщетно драхму во рту твоем ищет угрюмый Харон,
Тщетно некто трубит наверху в свою дудку протяжно.
Посылаю тебе безымянный прощальный поклон
С берегов неизвестно каких.
Да тебе и неважно».

И.Бродский

19.03.

Безжизненная пустыня. Жестокое солнце в зените. Синее нечистое небо. Серый песок и камни, местами спекшиеся до стекла. Зашкаливает радиация. Соленая корка по берегам когда-то живого озера. От огромного, как море зеркала остались только жухлые остатки водорослей, кое-где торчащие из-под нанесенного песка. Они никогда уже не увидят воды, разрушаются и превращаются в известняк. Жизнь здесь вялая, но упорная и кривая, как саксаул, не выживший в этом разрушенном мире. Только, вялые стебли серой растительности цепляются за раскаленные камни.

Горячий ветер гонит песчаную пыль и срывает остатки серого мха.

Жизнь, страшная и непонятая человеком, развивается под землей. Здесь тепло, далекая вода питает корни растений, но в безжалостном солнце мутированная флора все же нуждается. Давно ветер развеял прах, или превратились в мертвые камни те, которые пытались выжить в радиоактивном аду. Ядовитый мох вместо кроны и подземный ствол, если позволяла мягкая земля, разрастается до огромных размеров, обходит скальные грунты, а мелкие камни обволакивает. Бледные корни тянутся в поисках питательной среды. Где водяные паттерны, тысячи тонких щупалец выбрасывают корни.

У огромных стволов-корней живут чудовищные дождевые черви. Длиннющие, как бесконечные канаты, толщиной анаконды безостановочно двигаются, сокращая кольца.

Крысы не смогли приспособиться к отсутствию света. Природа и радиация выбросила тысячи мутаций, но закрепления не произошло. Другого шанса не оставили и другие, более удачливые уничтожили остатки когда-то бесчисленного поголовья крыс.

Другими стали собаки и кроты. Но не те домашние леопольдики и пушки, которые спят на персональных подушечках, но и не рексы и грэмы, получавшие медали на выставках. Прародителями Собак, нового подвида животного мира, стали шарики и бобики. Обычные дворняги без всяких родословных. Бродячие псы всегда приспосабливались к любым изменениям окружающего мира, и в этот раз смогли выжить.

Конечно, погибли очень и очень многие, но малая часть смогла понять, под небом – смерть. Они стали предками нового вида. Первые щенки, рожденные после смерти старого мира, открыли глаза, но не увидели ничего. Им предстояло жить в вечной темноте. Многие, особенно тепличные породистые псы, выведенные искусственно, погибли сразу, но собаки в отличие от людей, большую часть информации получающие от обоняния, а не от зрения, как люди, смогли выжить и процветали. Они похожи на больших такс, только почти без глаз. Зато естественный отбор и мутации наделили их еще более развитым слухом, обонянием и чувством пространства. Мощные челюсти сильные короткие лапы и свирепость сделали бывших шавок хозяевами подземелий.

---
*Окончание. Начало в № 4 (2021).

Кротам не нужен свет. Они даже не поняли, что старого мира больше нет. Просто перестали вообще появляться на убийственном солнце и ушли глубже под землю. Новое поколение стало лучше питаться, ведь расплодились и стали более крупными черви у огромных корней. Выжившие насекомые внесли в рацион приятное разнообразие. Кроты увеличились в размерах, самые сильные и ловкие научились скрываться от собак и процветали.

Человечество обречено.

Их осталась малая горстка. Они не умеют ориентироваться в темноте. Бензин и соляра давно закончились, на уголь смогли перевести только одну электростанцию, но и она скоро встанет. Кончается уголь, новые пласты так и не нашли, а ремонтировать нечем и некому. Газ использовали на приготовление пищи и освещение. Аккумуляторы и батарейки давно уже остались только в преданиях и сказках.

Люди вымирают от голода и болезней. Рождается все меньше детей. Мутированные и хилые от голодных матерей, больше половины умирают.

Они не видят выхода. Истово молятся богам, но нет ответа с радиоактивного неба, боги отвернулись и не помогают проигравшим.

Собаки! Бывшие верные «друзья человека» убивают ради питания. Бесшумно прорывают подземные ходы и нападают на спящих. Человек – лакомая добыча. Плохо видит и слышит, слишком медленная реакция и поэтому часто становится легким трофеем собак под землей. Но чаще нападают на детей, они беззащитны, их легче унести целиком, не теряя драгоценную кровь. Нежное мясо и тонкие кости – прекрасная пища для подрастающих щенков. У людей уже нет сил и желания хоронить обглоданные кости, разгрызенные черепа валяются рядом с грязными и смрадными пещерами.

Человеку, как и всему живому, нужна вода. Последними кирками и лопатами роют колодцы. Как только повышается влажность, тысячи червей проползают сквозь стены. В малейшую трещину пролезают не только черви, но и выжившие насекомые, сдвигаются камни укрепляющие грунт, много сил уходит на борьбу за колодцы.

Но главные враги – собаки. Моча и испражнения забивают драгоценную воду. Псы инстинктивно видят главных конкурентов в человеке и всеми силами стараются уничтожить людей. Когда пользоваться водой невозможно, люди роют новый колодец, и всё повторяется.

Последний гвоздь в гроб человечества вобьют собаки!

Встал с тяжелой головой. Кислая слюна во рту. Как будто с глубочайшего похмелья.

Потустороннее зрение не беспокоило, пока о нем не подумал. Вспомнил в ванной и вздрогнул, напротив меня с зубной щеткой в руках стоит полуголый сосед! Сразу же зеркало и собственная испуганная физиономия. Дернул головой, но вовремя вспомнил – нужно отвыкать и сдержался. Постоянно приходится быть настороже, от напряжения устаешь.

Спросил Таню, она ответила, видит всегда всё. То, что в данный момент не привлекает внимания, видит как бы нечетко, но если нужно, мгновенно переключается.

Подумал, доживу ли до такого зрения, холодком повеяло от таких мыслей...

На журнальном столике лежит визитка незабвенного моего донора. Размашистым подчерком написан «сотовый», перевернул и обомлел.

Луговой Федор Феликсович!

Как же не смог его узнать! Затмение разума какое-то! Ведь фамилия и имя с отчеством у всех на слуху! Припомнил внешность, по телевизору он смотрелся внушительней и моложе, да и времени сколько прошло!

Луговой! Это ж целая эпоха в наших краях!

Конечно, для аборигенов московского кольца имя Луговой ничего не скажет. Лужков, Гусинский, Прохоров и иже с ними затмевают какого-то Лугового, но для нас это была знаковая фигура.

Директор процветающего военного завода, депутат областного совета. Завод работает, зарабатывает валюту для государства. Луговой часто выступает на телевидении, у него берут интервью известные журналисты.

Перестройка. Союз под руководством Горбачева встает на четвереньки перед «американскими друзьями», но завод в отличие от прочих работает. По конверсии начал выпуск гражданской продукции. У меня до сих пор кастрюля из «нержавейки» с тех времен осталась, и, в отличие от китайской, ничего ей не делается.

Потом на заводе «прихватизация». Веселые девяностые! У меня, как у остального населения огромной страны, хватало своих проблем, и о судьбе завода знал только из средств массовой информации.

Знаменитая публикация в тогдашнем суперпопулярном «Огоньке» о незаконной приватизации, Федор Феликсович в газетах выглядит сущим монстром, в то же время у администрации – пикеты в защиту директора, но туманные намеки уже в местной прессе о приплаченных пикетах, уголовное дело о растрате бюджетных средств.

При новой администрации завод захирел. Половина цехов закрылась. В интервью бывшего главного инженера высказывается крамольная мысль о правоте бывшего директора. Правда, на другой день журналистами был втоптан в грязь как пособник коррумпированного администратора.

В печати появились новые громкие разоблачения, заводская тема уходит на второй план и постепенно имя одиозного директора исчезает с экранов телевизоров и со страниц газет. Я вообще, грешным делом, думал, что бывшего директора посадили.

Коля Кудрявцев – слесарь золотые руки – жаловался. Он с завода ушел, когда там перестали платить зарплату, половину работников отправили в вынужденные отпуска, оставшимся если и платили, то сущие копейки. Наши дороги давно разошлись, и когда однажды встретились во дворе, и он с похмельным выхлопом косноязычно с горькими матами рассказывал нам с Андреем о своих бедах, о несправедливых гонениях

на Лугового, мы вежливо кивали. А когда расстались, Андрей зло высмеял его, потешно, пародируя. Меня покоробило такое отношение к другу детства, но нельзя было не рассмеяться от ужимок Андрея.

Коля спился. Устроился на работу в автосервис, легкие деньги, подношения замордованных автолюбителей. Сейчас выгнали и из сервиса, расстался с женой, давно не видел, не знаю, жив ли сейчас.

Конечно, Федор Феликсович отнюдь не ангел. Рыльце у него даже не в пушку, а в более твердых волосиках, но на директорском кресле он бы не дал захиреть заводу. Впрочем, кто знает! Может при нем предприятие загнулось бы раньше и быстрее. Все-таки он не силен в капиталистической экономике, хотя кто знает, кто знает... такие люди быстро учатся и умеют учить и требовать с других.

Особенного фурора не получилось.

Слава и Марина встретили со свойственным радушием, великолепный стол, наш подарок пришелся кстати, мужская часть гостей облизывается на Таню, у нее прорезался очаровательный акцент (откуда только взялся!)

Но! Но! В поведении хозяев и гостей проскальзывала какая-то фальшь и настороженность.

Праздник получается какой-то натужный.

Марина и Слава изо всех сил стараются расшевелить гостей, но не помогает ни великолепная, как всегда, кухня, ни свежие анекдоты Славы. Внешне всё здорово, но гости реагируют вяло, смех как будто натужный и неискренний.

После нескольких тостов гости несколько оживились, а разрядил обстановку Юра Новицкий, когда опрокинул себе на брюки горячий соус. Пулей выскочил из-за стола и помчался в ванную, следом Марина с полотенцем. Наташка, Юрина жена, в кильватере. Кутерьма с веселым смехом и солеными шутками и несерьезными обидами прекрасной части человечества.

Таня все-таки не сможет никогда стать своей в нашей компании. Может быть, Лена внешне проигрывает Тане, но она всегда была свойской, хотя пришла, так же как Таня, со стороны. Какая-то внешняя надменность, гордость, а скорее всего аристократичность ясно проглядывает даже не во внешности, скорее в поведении за столом, в общении, да и козни Андрея сказываются. Хотя зря боялся, что Таня не будет есть. Попробовала то и другое, с привычной очаровательной улыбкой поблагодарила Славу, положившему ей фирменный салат.

Вышли на лоджию покурить, тоже вышел размять ноги. Витя Карамышев задумчиво сказал:

– Чего ему вдруг Татьяна не понравилась, нормальная... – секундная пауза, беглый взгляд на меня. – Дама... выглядит... наши простушками на ее фоне не смотрятся.

Мы решили прогуляться и не спеша возвращаемся домой. Уже темнеет, в туманной кисее начавшегося дождя зажглись фонари. Поднял воротник, Таня, словно не замечая промозглой сырости, опять задумчиво рассматривает асфальт.

– Хорошие люди, но я никогда здесь не буду своей! – она подняла голову, в глазах тоска и обреченность. Снова рассматривает мостовую. – Вы совсем другие, хоть и похожи на нас до оторопи...

Поразился схожести наших мыслей, но спросил другое:

– Значит, таких миров, как наш, больше нет...

С улыбкой превосходства, бесившей меня, Таня перебила:

– Разве я так сказала!? Миров великое множество, и разнообразие бесконечно. Конечно, вероятность найти абсолютное совпадение исчезающе мала. Никто и не перед кем такую задачу не ставит! Просто мне не приходилось близко сталкиваться с такими, как вы!

Она замолчала. В разговоре осталась какая-то недосказанность, но продолжать не хочется. Устал говорить и напряжено думать о мало недоступных для понимания сложных материях.

– Пойдем домой! – увидев непонимание в ее глазах, уточнил: – Полетели!

Таня свернула во двор, зашли в какой-то подъезд, через мгновение мы дома.

Неопрятной тоской навалилась бессонница.

Как и что у нас будет дальше?

Понятно, что Таня на Земле не останется. Даже вдруг при каких-то обстоятельствах ей бы пришлось остаться, непонятно, что нам делать и как жить.

Лечить детей?

Рано или поздно нами заинтересуется государство в лице специфических органов, а скорее всего – криминалитет. С Таниными «талантами» уйти от преследования – не проблема, но всю жизнь скрываться – не выход!

Несделанные открытия?

Захочет ли Таня!? Да и так ли очевидна польза прогресса для человечества, а путь открытий очень уж тернист и извилист!

Чудодейственные лекарства?

Транснациональные корпорации – тот же криминал, только более организованный и могучий.

И в любом случае впереди маячит пресловутая золотая клетка.

Моя участь в любом случае крайне незавидна!

Всегда на вторых ролях! Конечно, эмансипация, но с пещерных времен мужчина должен быть добытчиком, и никакие американские, с позволения сказать, дамы меня в обратном не убедят.

Что толку ломать голову! Наша цель – вернуть Таню домой!

20.03.

Лариса Андреевна пришла ровно в восемь вечера, как и договаривались. Наверняка ждала во дворе, чтобы быть точной.

В этот раз выглядит гораздо лучше. Та же недорогая одежда, но прибранные волосы и вежливая улыбка изменили ее.

Девочка вызывает только бессильную жалость. Когда мать с легким стоном опустила ее на пол и с улыбкой, превратившейся в искательную, сказала:

– Ну, вот и мы!

Подумал, среди мужиков попадаются редкостные сволочи! Девочка не то, что идти, даже стоит с

трудом! Взрослый человек в такой позе застыть не сможет.

Таня присела на корточки, улыбаясь, протянула руки к малышке:

– Здравствуй! – обращаясь к маме, – вы пойдите на кухню, вас муж чаем напоит, а мы с Наденькой делом займемся.

– Ее же хоть раздеть надо!..

Таня перебила, поднимая ребенка:

– Мы всё сами.

Дверь плотно закрылась.

Лариса Андреевна ни за что не захотела идти на кухню в обуви, пришлось искать тапочки, хмыкнул про себя по поводу превращения в мужа. Преодолевая легкое сопротивление гостьи, повел на кухню.

Налил горячий чай, подвинул поближе печенье и сахар.

– Пейте горячий, не стесняйтесь! Погода сегодня промозглая. Мне нужно жене помочь! Только, пожалуйста, не мешайте нам и не смотрите, с Надей ничего плохого не случится!

Девочка спит на моей многострадальной тахте и уже лежит прямо. Сморщился. Дети не должны быть такими худыми! Локтевые и коленные суставы рельефно выделяются на руках и особенно ногах, кажется, что там вообще нет мышц. Кожа бледная до синевы.

– Ты закрыт! Не могу тебя контролировать и не знаю, смогу ли работать!

Помолчал, собираясь с мыслями.

– Если откроюсь, не знаю, смогу ли вернуться. Закрывался ведь не от тебя, от зрения, от чувств, которые хлынули на меня!

– А сейчас сможешь увидеть, как тогда Вадика?

Взглянул на девочку, твердо ответил:

– Да!

Закрыл глаза, темнота! Открыл. Чтобы увидеть ребенка, пришлось сосредоточиться. Наденька начала таять, простынь под ней исчезает, размытая фигура бабушки на два этажа ниже становится яснее, но уже вижу подвал, сплетение подземных коммуникаций...

Вернуться!

Вижу Наденьку, контуры тахты...

Справа мелькнула тень на краю сознания, взгляд ушел в сторону и обрушился вниз!

Темнота! Ничего не вижу... нестерпимая жара... ледяной рассол, сдавленный чудовищным давлением. С головокружительной скоростью лечу сквозь темноту. Светлеет, неспешно проплывает большая рыба.

Где я?! На другой стороне Земли? Нестерпимый ужас! Вернуться!

Волны теплого моря...

Кто-то дергает меня из стороны в сторону, у меня есть тело... Пощечина!

Испуганные женские глаза... Таня!

Моя тахта, худенький ребенок... девочка... Наденька! Трясу головой...

Беззвучно плачет Таня, осторожно обнял, отворачивается, закрывает лицо руками, трясутся плечи.

– Перестань! Всё кончилось, сейчас продолжим...

– Что продолжим!? – яростным шепотом перебивает меня, слезы в глазах. – Еще немножко, ты улетел бы неизвестно куда! Здесь тебя в пищевод бы кормили, а ты... никогда, никогда бы не вернулся! – в исступлении бьет меня кулачком по груди.

Пытаюсь прижать ее к себе, глажу по спине.

– Успокойся! Нам еще девочку лечить!

– Как лечить!..

– Сейчас сосредоточусь и продолжим...

– А если ты снова...

– Еще одну пощечину! – постарался беспечно улыбнуться. – Только сильно не бей, рука у тебя тяжелая!

В ответ бледная улыбка, последние слезинки смахнула со щек, судорожно вздохнула.

Постарался взять себя в руки. Собраться!

Вижу только ребенка! Она проявилась, все хитросплетения маленького хрупкого организма.

– Ты видишь здесь! – на миг удивился появлению Таниного голоса, не отвлекаться!

В голове тоненький кровеносный сосуд мигает алым. Еле уловимо поднимается плавной дугой, истончаясь. Микроскопическая опухоль исчезает, вижу, как кровяные частицы двигаются по нему, ускоряясь. Исподволь проявляется простынь и сразу пол. Усилием воли возвращаюсь, вижу голову ребенка, нежная структура головного мозга...

Всё! Сознание не участвует, у меня есть только глаза!

В памяти не осталась Танина работа, время замерло, глаза видели, но сам оставался только статистом.

– Выходим!

Вздрогнул и оторвал взгляд, мелькнула серая мешанина мозга, сквозь кожу снова вижу череп, круглые прикрытые ресницами глазные яблоки, расходящиеся кровеносные и лимфатические сосуды...

Трясу головой! Передо мной измученная Таня!

– Опять тебя не вижу! – грустно и устало улыбается. – Наденька, девочка моя, просыпайся.

На кухне вскакивает навстречу мне Лариса Андреевна, чай и печенье стоят не тронутые. Во взгляде страх и надежда на чудо. Улыбаясь с шутовским поклоном, приглашаю ее в комнату. Молитвенно сложив руки, семенит мимо меня. Увидев сидящую дочку, молча, падает на колени, и ощупывает ноги, та сонно и безмятежно улыбается.

– Мамочка!

Осунувшаяся и похудевшая моя волшебница, тепло улыбаясь, говорит:

– Ей нужен хороший специалист по лечебной гимнастике, позвоню и договорюсь! – посмотрела на меня со значением. – Мы вам денег дадим! – Лариса Андреевна мотает головой, Таня не дает ей вставит слово. – Не отказывайтесь! Для нас это ничего не стоит!

Протягиваю десятитысячную пачку долларов, она машет руками. Для нее – огромные деньги.

– Что вы, что вы! Ничего у вас не возьму! Вы и так... это чудо какое-то... у кого мы только не были!..

Наденька крутит головой, следя за нашей перепалкой.

– Это не для вас, для ребенка возьмите! – насильно всучил

ей деньги, растерянно смотрит на них. Опустила голову, еле слышное:

– Спасибо! – неловко пытается засунуть деньги в карман джинсов.

– В сумочку положите!

Тем временем Таня инструктирует ее:

– Девочка очень истощена, но не старайтесь кормить насильно, у нее и так будет хороший аппетит, сладкое ей теперь можно. К доктору обязательно, как договоримся, позвоним!

Провожаю до лифта.

Существует банальность: счастье красит человека, познаю на практике. С удивлением обнаружил, что несмотря непритязательный и изможденный вид, Лариса Андреевна как будто светится изнутри. В нее можно влюбиться, так хороша! Счастливая и смущенная, наверняка не по себе от того, что мы не только не взяли денег, но навязали ей свои. Сейчас она готова обнять весь мир.

Захлопнулись двери лифта, последний раз мелькнуло милое детское личико и счастливые глаза мамы, обернулся и... бетонный пол летит в лицо!

23.03

Холодный бездушный мир.

Планета несется в вакууме, вокруг нет ничего. Темнота и пустота.

Когда-то в невообразимом далеке был теплый и живой мир. Безбрежные моря злыми штормами разбивали изумрудными волнами скалы. На головокружительную высоту вздымались горные пики и хмуро смотрелись в прозрачные зеленые озера в глубоких ущельях. Беснующиеся реки вырывались из зеркал водоемов, радуги светились в брызгах страшных водопадов. По бесчисленным островам бродили неведомые звери, под аквамариновым жарким солнцем на стройных деревьях распускались прекрасные цветы.

Уже тогда зачатки разума появились у хищных деревьев, им постоянно надо было защищаться от расплодившихся травоядных, которые объедали их до древесины. Сначала два дерева сплелись корнями и объединились, защищаться стало гораздо проще и эффективней. Они могли убить и сожрать даже более крупную дичь. Потом присоединились еще, и вот уже куча деревьев сплелись корнями и образовали сообщество.

Но деревья, не пускающие травоядных к своим стволам, быстро погибали. Путем проб и ошибок поняли, без животных не выжить. Научились распознавать хищников и пускать к стволам, но тех было мало, тогда позволили и мелким травоядным в определенное время свободно проникать на территорию клана. Всё регулировалось запахами и красками, то притягивающими, то отталкивающими тех или других животных.

Когда уже мощная группа захватила дерево другого вида, но не убило его, а научилась использовать, не меняя структуру, произошел качественный скачок.

Тем временем прошли миллионы лет, куда спешить, впереди вечность!

Может быть, так и угасли бы еле тлеющие зачатки разума, дальше развиваться не имело смысла, все враги побеждены, природные катаклизмы редки и легко угадывались, да и не катастрофичны. Настала эпоха благоденствия, но толчок дала чужая цивилизация, прибывшая на планету.

Конечно, ни о каком прогрессерстве речи не шло. Они не обратили внимание на какие-то деревья, использовали как подсобный материал, вели себя как хозяева девственного мира, выравнивали горы, выкорчевывая и заваливая живые деревья, выжигали огромные площади для своих неведомых целей.

Когда шок от страшных пришельцев прошел, деревья попытались бороться, выращивая навстречу врагам колючие непроходимые кусты, выворачивали корнями землю перед чужаками, научились предупреждать сородичей о появлении пришельцев, сигнализировать о грядущих опасностях, даже сообщать, что именно собираются делать враги. Помогало мало. Ямы закапывались, кусты выжигались. Но снова и снова деревья применяли новые каверзы.

Одинокий пришелец был обречен в страшном лесу. Защитные костюмы не брали никакие яды, но завалить его деревьями или вдруг открыть внезапный провал под ногами, или то и другое помогало справиться с чужаками. Не одна группа бесследно пропала в чужом лесу. Предупрежденные заранее деревья успевали подготовиться.

Так появились зачатки речи, произошел второй качественный скачок, самый главный.

Колонизации не произошло. Пришельцы просуществовали на планете жалкие пятьсот лет и покинули ее.

Разум пробудился!

Разрозненные рощицы деревьев постепенно объединились, подчинили и объединились с водорослями, через них нашли контакт с водой, там ведь живые бактерии и еще через миллионы лет на свет явилась мощная цивилизация, состоящая из одного планетарного монстра. Даже с природными катастрофами смогли справиться! Планета процветала. Все живые организмы жили в гармонии под единым управлением чудовищного мозга.

Неизвестно, каких заоблачных вершин достигло бы чудовищное порождение разума, но произошла астрономическая катастрофа.

Еще тысячи лет назад растительный разум понял, к орбите планетарной системы неотвратимо приближается черная дыра. Голубое солнце и планеты неминуемо поглотит ненасытная бездна. Бороться бесполезно, казалось звезда и планеты обречены.

Разум молод, еще есть потенциал развития, но спасти планетарную систему невозможно, значит нужно спасать свой дом, свою планету.

Давно поняты и были применены на практике законы гравитации, ушли глубоко в почву обезвоженные корни деревьев, в глубоком анабиозе в герметичных капсулах спят образцы ДНК всех живых существ планеты, они способны перенести космический абсолютный ноль и вакуум. Созданы идеальные условия для возрождения жизни на планете при появлении света и тепла. Стоят на страже тепловые датчики, способные дать

сигнал при приближении к новому светилу.

Планета набрала скорость, сошла со своей орбиты и начала разгон. Через два планетарных года вышла из зоны притяжения солнца.

Разум мыслит и потому способен ошибаться.

Ничтожная неточность вычислений в сотые доли секунды привела к тому, что планета не попала к намеченной звезде. Долгое путешествие кончилось ничем. Огромный астероид, в который превратилась когда-то живая планета, не попал в зону притяжения звезды и черной точкой удалился в пустоту открытого космоса.

Но планета жива! Спят глубоким сном корни, на страже чуткие датчики. Миллионы лет летит чудовищный болид в пустоте. Может быть, когда-нибудь приблизится спящий астероид к звезде, от тепла проснутся датчики, покрытые многовековой космической пылью и оповестят планету, пора, пора!

А может, за миллионы лет давно уже вышли из строя чуткие приборы и с чудовищной скоростью войдет когда-то живая и теплая планета в звезду и в страшном взрыве погибнет чужая планетарная система. А может быть попадет астероид в притяжение черной дыры и пропадет навсегда в темной бездне! Или в беззвучном взрыве погибнет при столкновении с таким же скитальцем и навсегда погаснет спящая искорка разума...

Очнулся от дикой головной боли. Всё плывет и кружится, зрение нечеткое, будто смотрю сквозь мутное стекло. Еще и двоится, даже троится, изображения мелькают и уменьшаются, их перед глазами сразу несколько. Искусственный полумрак, где-то шипит и мигает люминесцентная лампа, тишина. Краем глаза заметил рядом кто-то сидит. Сдержал стон, при попытке повернуть голову, внутри что-то взорвалось. Ко всему еще и тягучая боль в шее. Только сейчас понял, связан, вернее, скован наручниками.

Осторожно повернул голову, напротив, облокотившись на стол мускулистыми руками, спит здоровенный мужик, видна только плешь на короткой прическе. Мирно посапывает. Ноги тоже связали... Очень нас опасаются!

Интересно, он меня по голове угостил? Вроде был удар... не помню! Сразу потерял сознание.

Главный вопрос, где Таня?

Судя по всему, это подвал. В этом ли доме она?

Надо сканировать пространство. Зачем? Просто открыться, и сразу Таня будет здесь! Болезненно сжалось сердце, если она здесь, значит, не смогла, а вернее не успела ничего сделать!

Невольно шевельнул занемевшей рукой, еле слышно звякнули наручники, мгновенно охранник вскинул заспанную физиономию, лицом назвать это нельзя. Не успел вовремя прикрыть глаза.

– Не придуривайся, вижу, что не спишь! – со вкусом зевнул и вытащил телефон. – Шефу ляпнешь, что кемарил на посту, голову оторву.

Сказал обыденно, но на меня пахнуло запахом могилы, последняя надежда, что это спецслужбы рухнула.

Тем временем громила набрал номер:

– Алек... Шеф! – покосился на меня. – Он очухался!.. Понятно!

Попытался напрячь бедную голову, взрыв боли!

Алексей Михайлович Замалдинов... «вор в законе»... за деньги... коронован не по «понятиям»!..

Если бы смог, схватился бы за голову. Взрыв прошел, осталась вытягивающая боль, и как будто перекатался на карусели. Всё плывет и кружится, тошнота. Сквозь боль – информация.

Директор охранного... жесток по необходимости... не сидел... только два раза в КПЗ...

Новый взрыв! Стиснул зубы, всё равно не сдержал слабый стон. Шаги. Звук каблуков по бетонному полу отдается ритмом боли в голове.

– Здравствуй, Антон Константинович! – морщины разгладились от широкой улыбки на приятном лице. Никогда бы не подумал, что за этакой простецкой внешностью мелкого клерка на пенсии скрывается волк. – Как спалось в наших палестинах? Поговорим? – взглядом показал на единственный стул. Громила с готовностью вскочил и подставил, шеф сел.

– Мне с тобой Алексей Михайлович говорить не о чем, – попытался повернуться, пришлось стиснуть зубы. Передохнул. – Пока моя жена не будет рядом, разговора не получится!

– Какая жена? – делано удивился, но заметно дернулся, когда назвал его по имени. – Вы же не расписаны!

Постарался улыбнуться, хотя страх холодной жабой застыл внутри живота.

– Ты же вор тоже не по закону!

Удар! Умеет бить! Без замаха под дых. Перехватило дыхание, стиснул зубы. Как ни странно страх отступил, осталась злость. Наконец вздохнул, постарался, чтобы голос не дрогнул.

– Побоями ничего... не добьетесь! – перехватило дыхание. Как ни старался, последние слова скорее пролепетал, чем сказал. – Пока Тани здесь не будет...

– Ее Таня зовут!

С удовлетворением отметил озадаченное лицо, значит, не всё они знают! Кстати, в глазах уже не двоится, только вот голова!

– Не важно! Пока ее не увижу, говорить не буду! – они переглянулись, с яростью смотрю ему прямо в старчески мутные зрачки. – Ваши пытки ничего не дадут! Я уйду! – показал глазами на потолок. – Потом хоть до смерти пытайте, ни-че-го не добьетесь!

Они переглянулись. Шеф кивнул на меня.

– Займись им!

– А у тебя, животное по имени Вадим Петрович Свистунов, погоняло Свисток, как у собаки, если меня еще раз тронешь – стоять никогда не будет, – с бешеной злобой смотрю в переносицу.

Ага! Глазки забегали, отчаянно трясет головой, выразить отказ членораздельно не получается. Блеф удался! Перевел взгляд.

– У тебя, Алексей Михайлович, рак! Никакие анализы не помогут, рано, но через три месяца будешь до полированного гроба в каталке ездить...

Удар в челюсть! Бешеные глаза шефа, темнота...

Бескрайняя зеленая степь. Трава еще только поднимается, но горизонт плывет и струится в знойном мареве. Серая прошлогодняя полынь высокими островками проглядывает через молодую сочную зелень. Ковыль добавляет своей сединой белизны в зелень юной травы. Высокое без единого облачка глубокое синее, синее небо недвижно застыло в редких зеркалах озер. Вот, вот степь зацветет. Бутоны набрали цвет и ожидаемым буйством красок превратят степь в красавицу, от которой не отвести глаз. На тонких стеблях плотные амфоры уже прорезали красными лепестками маки и стремятся к весеннему яркому солнцу. Нежной голубизной зацветают капельки анютиных глазков. Жаркам еще рано, но и они тянутся к солнцу, им становится тесно в бутонах. В горьком запахе полыни чувствуется тонкий аромат пробуждающихся цветов.

Еле видимая темная точка движется сюда. Спешу к ней, она увеличивается, женская фигура, Таня! Но что-то механическое в движениях... фарфоровое лицо... это копия, подделка! От моей Тани только неживая улыбка и фигура в ядовитом зеленом платье!

Ее голос с неба:

– Антон! Я здесь!

Но сверху только пустое небо...

Невозможная боль! Всё тело – кусок невыносимой боли!

С трудом разлепил глаза, слепящий свет, сощурился, вижу только неясный силуэт, мужская сутулая фигура, с кряхтением поднялась со стула. Рот чем-то залеплен, хватило сил усмехнуться, отобрали последнее оружие.

Уйти! Немедленно уйти! Туда в манящую степь в знойном мареве! Только сейчас понял, меня бьет дрожь.

– Ты его не убьешь? – голос шефа, ответил старый пропитой голос с хрипотцой курильщика:

– Молодой, выдержит.

Укол еле почувствовал. Рука раскалилась, от нее можно прикуривать, саднит всё, от кончиков пальцев до плеча!

Сквозь пелену боли информация:

Шестьдесят восемь лет... бывший хирург... спился... кличка Эскулап... только что пытал Андрея!.. не сдавал нас, они сами вышли на него, но выложил всё добровольно... дали денег пообещали еще... ставили укол на всякий случай... жаль, пострадал ни за что...

Боль накатывает волной, кажется, не может быть так больно, но накатывает шквал, сметающий всё на своем пути, Господи! Как больно!

– Смотри! Осторожней, подохнет, с тебя спрошу!

– Ничего, выносливый паренек, это последняя инъекция, если не разговорится, – развел мосластыми руками.

Разве можно таким равнодушным обыденным тоном говорить о пытках живого человека!

Кровавой пеленой затягивает сознание.

Ухожу!

Белоснежные с голубизной горы, с ледников реки с прозрачной водой...

– Антон! Отзовись!

Внутренности нестерпимо печет, вырывается стон из заклеенных губ, не вынесу! Черная пропасть передо мной, балансирую на краю и срываюсь! Успел подумать, там нет ничего, темная пустота...

Опять в этом опостылевшем мире! По краю сознания качаюсь в утлом челноке. Боль прибоем бьет истерзанное тело. Кажется, болит всё, даже органы, о существовании которых знал только в теории. Левую руку печет привычным огнем. Привычным? Вроде бы становится лучше, уже держусь в сознании. Оказывается, и к боли можно привыкнуть!

Ничего не вижу, ослеп? Нет! Слева виден слабый отсвет по прямоугольнику двери. В комнате выключили, зачем электричество тратить на покойника! Зло усмехнулся, рано вы меня списали!

Прислушался, тишина, где-то далеко капает вода.

Пора! Сосредоточился, адская головная боль! Голова сейчас разлетится на части!

Алексей Михайлович в частной клинике... Свисток на входе... разговаривает с Микроном... не до них сейчас!.. Где Таня?

Сквозь слезы – прямоугольник двери. Всё кружится, тошнота, пульсирующая боль в висках. Передохнуть. Еще раз, сосредоточиться на Тане!

Эскулап в обшарпанной квартире... в руке полстакана водки в захватанном стакане... обгрызенная луковица... полбулки подсохшего хлеба... безнадежность в пьяных глазах... сейчас выпьет!..

К черту! Не до них! Теперь пульсирует вся голова! Как будто больное сердце бьется в затылке! Несколько раз вздохнул и выдохнул. Вытягивающая душу боль в руке, обе примотаны к туловищу, видимо, скотчем, голову тоже не повернуть. Как мумия запакован, пора в пирамиду! Еще раз вздохнул, сосредоточиться!

Рухнул вниз!

Мы в подвале. Внизу инженерные сети, ржавые трубы, кабеля... Где Таня? Лечу вниз, темнота! Вернуться! Пылает голова, боль в руке отдается в сердце...

Подвал промышленного здания, Свисток мычит популярный мотивчик, крутит ключи на пальцах, легкой походкой спускается вниз, ко мне... Быстрее!.. пульсирующая точка... Таня! Через три стены наискосок от меня!

– Где ты был? – радость в измученных глазах.

– Быстрее! Свисток идет сюда!

Валюсь на нее, тут же повисаю рядом.

– Он не войдет, двери заблокированы! Как они тебя!

На мне остатки скотча, пытаюсь поднять скованные руки.

– Не суетись! – звякают упавшие наручники.

Плаваю в приятном полусне. Ни о чем не надо думать, боль прошла, изредка легкая дрожь сотрясает тело, прямо под моей рукой рассасывается синяк на скуле.

Свисток в моей комнате... ошарашено и испуганно оглядывается, матерится... нехотя с тяжелым вздохом достает телефон...

– Не дай ему позвонить!

Смотрит на телефон, нажимает кнопки, со злорадством наблюдаю, как он трясет мобильник, опять с недоумением смотрит на экран, засовывает в карман, крадучись

идет к двери. Дверь с грохотом захлопывается перед носом! Еще и без света посиди! Люминесцентная лампа, почему также недобро потрескивает и мигает. Свисток подергал дверь, вдруг силой вырвал ручку. Удивленно смотрит на нее. Досматривать представление не стал. Пусть посидит, может, кто-нибудь и выпустит!

– Это он тебя по голове ударил! – наябедничала Таня, наказал, чтобы из баллончика брызнул, а он сначала ударил для верности, только потом брызнул! Ты же больше суток без сознания был!

Постарался скрыть удивление.

– Вот и пусть посидит, подумает о грехах своих тяжких! Дверь, думаю, сломать невозможно?

– Только если стены сломают!

– Вот и славненько! – представил, как выламывают фундаментные блоки, животное, а всё равно жалко. – Его хоть услышат?

– Прислушайся!

Только сейчас обратил внимание на мерные глухие удары, Свисток пытается сломать дверь.

– Давай посмотрим, чем Алексей Михайлович занимается.

– В частной клинике анализы сдает! – улыбается Таня.

– Ты что, всё видела?

Кивает головой:

– Кроме тебя! Всех вижу, ты как в дымке!

– Тебя-то не пытали? – смотрю на чистое умытое лицо.

– Нет! – как будто с сожалением качает головой, – они сначала от тебя обо мне хотели всё вызнать, если бы сегодня молчал, взялись бы за меня!

Усмехнулся.

– Немного потеряла! – с содроганием вспомнил Эскулапа и Алексея Михайловича. – Давай всё же шефа навестим! – мстительно улыбнулся, – мне есть, что ему сказать!

– Может, не надо? – жалобно совсем как покорная жена спросила Татьяна.

– Ты совсем землянкой становишься! Скоро меня христианскому смирению будешь учить...

– Месть один из пережитков вашего общества, вы еще во многом дети природы...

– Ничего себе! Вышли в космос, побывали на Луне, на Марс спутники отправляем, ядерное оружие уже больше полувека! Детей природы нашла!

– Ядерное оружие – дубинка в руках дикарей! В космосе вы делаете первые шаги. Даже на ближайшем спутнике не были, на околоземной орбите примитивные станции построили и всё! – пытался возразить, но Таня не дала. – Вам необходимо прекратить бессмысленную гонку вооружений, тогда смогли бы сделать резкий рывок!

– Как?

– Не знаю! Это долгий разговор...

Перебил с усмешкой:

– Тогда это БЕСПОЛЕЗНЫЙ разговор, – сарказм сгладил примеряющим жестом. – Давай к Алексею Михайловичу, пока ему в глаза не посмотрю, душа будет не на месте!

Таня скривилась.

– Он сейчас в машину сядет...

В тот же миг увидел своего «героя», с достоинством усаживается на заднее сиденье нового «лексуса».

– Давай к нему!

– Ты уже сам сможешь, ко мне ведь переместился!

– Помогала ведь!

Она грустно покачала головой:

– Только наблюдала со стороны, если помогала, то только своим присутствием.

Сделал зарубку себе на память. Удивился, вижу Алексея Михайловича, могу наблюдать за «лексусом» и одновременно видеть Таню. И мне ничего не мешает наблюдать за несколькими объектами сразу! Или быстро учусь, а скорее всего, сказались интенсивные пытки Эскулапа. Ухмыльнулся, попросить его провести дополнительные «занятия». Всё сжалось, когда вспомнил «уроки», решил, лучше не надо!

Тут же увидел Эскулапа. Спит на грязных скомканных простынях на продавленном диване, кривит открытый щербатый рот в пьяной ухмылке. Дернулся кадык в неопрятной седой щетине. На столе всё так же, обгрызаная корка хлеба, крошки, мутный стакан...

Вдруг понял! Он доживает последние дни, шеф от него хочет избавиться. Убить его должен Свисток. По мысли Алексея Михайловича ликвидацией выполняются две задачи, убирается ненужный свидетель, Эскулап слишком много знает и спился, а спьяну может сболтнуть всё, что угодно и кому угодно, и второе: нужно связать убийством Свистка. Тот пока относительно чист, чтобы стал еще более управляем, должен «замазаться» убийством! Студент последнего курса мединститута готов сменить Эскулапа.

Сколько грязи на этом респектабельном индивидууме с благообразной внешностью! Сейчас он совсем не похож на доброго пенсионера, человек с деньгами цену себе знает!

Ненависть захлестнула меня с головой! Вспомнил, как с деловым видом заставлял старика не убить меня, не замучить до смерти! И всё это, как будто выполняет неприятную, но необходимую работу!

С бешенством глянул в глаза Татьяне.

– Мне надо посмотреть ему в глаза!

Качает головой, умоляющий взгляд.

– Нельзя! Ты станешь таким же, как они! Прошу тебя, не становись дикарем...

– Плевать! Он должен знать, зло должно быть наказано! Даже в Библии сказано: «Аз воздам!»

Она опять качает головой и с тоской смотрит мне в глаза:

– Прошу тебя, не надо...

С силой схватил ее за руку, увидел близко ее расширенные глаза, промелькнул ужас и бездонная мгла, но мы уже в машине.

Не знаю, что ждал от этой встречи. Панический страх, боязнь мгновенной расплаты? Ничего подобного! На какой-то момент животный ужас мелькнул в мимике Алексея Михайловича, но на удивление быстро пришел в себя. Кроме некоторой растерянности, вполне естественной при подобном развитии событий, ничего не заметно.

Но в голове у него полнейший сумбур...

Первый раз наблюдаю, никаких связных мыслей нет у человека...

...Все-таки Федор Феликсович! Нет! Он не причастен к пыткам и похищению. Всё гораздо проще и, одновременно, сложнее.

Счастливый отец все-таки устроил праздник в честь чудесного выздоровления сына! Приглашены были самые близкие люди, и, конечно, самые нужные.

Свадебным генералом пригласили Сергея Борисовича, зама губернатора по архитектуре и строительству, регионального министра.

Близким другом он никогда не был, хотя знакомы были еще с Советских времен. Но оказался очень нужным человеком. Федор Феликсович еще недавно жил в Питере, но всегда хотел вернуться в родной город, мегаполис на Неве никогда не станет родным, да и все родные и друзья остались здесь. Решил вернуться, справедливо полагая, что история с заводом давно канула в лету. Ему снова нужно оказаться в обойме властителей города, из которой он выпал. Сергей Борисович лучше многих подходил на роль работодателя, а точнее ходатая в этом далеко непростом деле. Конечно, Федор Феликсович прекрасно понимает, сразу хорошее место ему не дадут, на первых порах его устроит главенство в каком-то малозначительном отделе, но со временем... он верит в свои деловые качества и в свою звезду. В стране не хватает грамотных менеджеров, хорошие головы всегда в цене!

Можно спокойно жить на деньги, приобретенные в веселые девяностые и приумноженные в Питере, но всё когда-нибудь заканчивается, особенно деньги. И еще, жизнь рантье никогда не прельщала его деятельную натуру.

Если бы он хорошо знал реалии родного города, несколько раз подумал бы, прежде чем приглашать старого знакомого к себе домой и тем более попридержал бы язык.

Сергей Борисович – тогда еще молодой чиновник средней руки в послеперестроечные годы резко пошел вверх по карьерной лестнице. Причина не в деловых качествах, хоть ему их и не занимать, главное, его непосредственный начальник выиграл губернаторские выборы, и ему на новом месте стали необходимы преданные люди.

Сейчас он занимает должность регионального министра и крепко сидит в своем кресле.

С Алексеем Михайловичем познакомился не так давно. Богатые люди – чиновники, предприниматели и выжившие бандиты – вращаются в одном кругу. Последние всячески дистанцируются от криминала и стараются преобразиться в солидных бизнесменов. Сергей Борисович предпочитал не показывать виду, что знает, чем тот зарабатывает себе на хлеб с солидным куском масла, судя по уровню жизни. Конечно, он как педантичный и предусмотрительный человек сразу же собрал после первого обращения за «помощью» досье на Алексея Михайловича. Не раз «сотрудничали» к немалой выгоде обоих, несколько раз сидели в ресторанах, хотя Сергей Борисович старается, чтобы его окружение поменьше знало о такой «дружбе». Алексей Михайлович с пониманием относится к таким опасениям.

После пьяных речей Федора Феликсовича о чудесном исцелении сына Сергей Борисович насторожился. Если даже списать на пьяный треп рассказ об угадывании имени жены, о том, что узнала о нахождении той же в подъезде, самопроизвольное открывание дверей, то чудесное излечение сына – вот оно, перед глазами! И оказывается, был еще один случай! Там не такой серьезный, но сделала мимоходом, прямо во дворе! Это пахнет очень большими деньгами! То, что не берет денег, он просто не обратил внимания. Или предложил мало, или они набивают цену. А лечение – просто грамотная пиар компания.

После долгого размышления Сергей Борисович решил обратиться к Алексею Михайловичу. Рассказать всё начальнику регионального ФСБ то же самое, что подарить целительницу государству, о полиции думалось только в гипотетическом плане. Еще фактор времени играл свою роль. Как здравомыслящий человек он понимает, такой врач не может не попасть в поле зрения соответствующих органов. И скорее всего в руки какого-нибудь более расторопного чиновника.

Не раскрывая карт, попросил узнать адрес и проследить, с кем встречается, замужем официально или нет, есть ли дети, образование. В общем – основные данные. Конечно, дал денег, сколько попросил, даже добавил за срочность.

Адрес пробили быстро. Не смогли установить ни имени, ни фамилии. Решили, что, скорее всего из другого города. Начали аккуратно следить, посмотреть, что у них дома, но специалист по замкам, который должен незаметно вскрыть квартиру, не успел вовремя приехать. Точнее, запил. Пока его приводили в чувство, пока везли, мы уже вышли от Чернавских.

Как мы не заметили слежку, непонятно! Ладно, я, но Таня!.. Правда, у меня было неприятное чувство чужого взгляда, да и то списал на развивающуюся паранойю. Таня вряд ли ожидала такого развития событий. Одно дело знать, а совсем другое столкнутся с такой ситуацией вот так, лицом к лицу.

Сюрприз их ожидал, когда мы появились в квартире. «Наружка» сообщила, что мы зашли в незнакомый подъезд, и сразу загорелся свет в квартире. Наблюдающий из окон напротив увидел меня на кухне. Когда еще раз сопоставили время, пришли в недоумение и насторожились.

На другой день вышли на Риту и Андрея.

Обоих на встречу пригласил прикормленный участковый. Допрашивал их сам без свидетелей под фальшивый протокол.

Рита не хотела вспоминать, долго мялась, пришлось надавить. Рассказ получился сумбурный, с истерикой и слезами и демонстративным приемом лекарства. Алексей Михайлович после подписания документа о неразглашении отпустил Риту. Она и безо всяких бумаг никому не рассказала бы о своем унижении, но надо было соблюдать антураж.

Андрей, наоборот, на контакт пошел охотно, довольно-таки быстро расколол шефа на незнании основ при допросе, участковый его не впечатлил. Такое впечатление,

что он готовился к подобной беседе. Почти сразу сказал, что информация стоит денег. Внутренне усмехнувшись, шеф, поторговавшись для вида, денег дал.

Рассказ впечатлил.

Это не Рита! Впечатление умного наблюдательного человека с богатым языком и высшим образованием произвело, если не фурор, то заставило серьезно задуматься. Сам Андрей объяснял всё просто и материально. Она сильный гипнотизер с задатками экстрасенса, то есть Андрей не выходил за границы официальной науки. Татьяну называл почему-то Аэлитой. Вроде бы всё логично в его рассказе, но наше появление в квартире за неуловимый промежуток времени разрушает все логические построения Андрея. И еще, Алексей Михайлович почувствовал, что-то он скрывает, отпускать нельзя.

И все-таки Андрей спокойно покинул кабинет, но вечером, после работы в тупике у гаражей его пригласили для продолжения беседы. Видимо, он что-то почувствовал, дернулся, но ствол пистолета оказался достаточно весомым аргументом.

Так он оказался в похмельных руках Эскулапа. Нового практически ничего не сказал, даже Таню продолжал звать Аэлитой. Когда же начались повторения с элементами фантастических романов, шеф, досадливо поморщившись, понял, из Андрея больше ничего не выжать.

Шеф понял, может получить в руки оружие невиданной мощи, нужно только суметь правильно достать и научится пользоваться.

Сейчас Алексей Михайлович сидел рядом и ждал возмездия за зло, причиненное мне. Несмотря на мою ярость и жажду мести, такое поведение вызывало только уважение.

Он давно внутренне готовился к смерти. На его глазах прошло множество смертей. Гибли соратники и друзья, недоброжелатели и кровные враги. Кого-то убил он, кого-то с его непосредственным участием, убивали его близких друзей и товарищей, умирали и от болезней, шестьдесят четыре – возраст почтенный, количество гробов за спиной только растет.

Алексей Михайлович проиграл, ставки в игре ему оказались не по зубам, сейчас осталось только достойно встретить окончание жизни. Все душевные силы сосредоточил на усилии воли подавить животный ужас насильственной смерти. Он не был верующим человеком, хотя старался соблюдать внешние религиозные обряды. Подумал, наверняка верующему умирать легче, знает, за чертой ждет другая жизнь, но там после гробовой доски смертельные грехи утянут вниз...

В момент нашего появления в салоне «лексуса» я хотел изо всех сил ударить его в живот, как там, в подвале, но Таня удержала мою руку. С бешенством взглянул ей в глаза и встретил умоляющий взгляд. Не было ни слов, ни образов – только взгляд! Рядом другие всё понимающие прямые глаза.

Первая злость схлынула, только мутный осадок на душе.

Вышел из машины, подошел к водительскому месту, распахнул дверцу, приказал водителю пересесть на лавочку в чахлом скверике рядом с поликлиникой. На негнущихся ногах с остановившимся взглядом, как сомнамбула, вылез из-за руля и основательно устроился на скамейке.

Вокруг проходят сотни людей, проезжают машины. Никто не обращает внимания на солидного сорокалетнего мужчину, с отсутствующим взглядом сидящего с прямой спиной на скамейке. Только какой-то молодой парень скользнул взглядом на странного мужика и прошел. Даже не оглянулся!

Только сейчас понял, как изменилось зрение. Мир вижу почти черно-белым! Как невесомая серая дымка прикрывает всё вокруг меня. Невидимый туман стер краски, пепельным налетом прикрыл лица людей, тротуар, серые деревья с чуть зеленеющими почками, даже уже весеннее солнце сквозь прозрачную кисею выглядит уныло.

Сел за руль, нужно доехать до места недавнего заточения, но не знаю дороги. Цвета светофора различаю нормально, только горят они для меня тускло. Отсутствие прав и страховки меня волновало в последнюю очередь. Проехал с километр, остановился в кармане и посмотрел в глаза бывшего шефа. Он с усилием разомкнул уста, закашлялся, прозрачная капля слюны вытянулась с подбородка, не сводя с меня замороженных глаз, невнятно проговорил:

– Старая промзона... около бывшего дворца... переплетчиков...

В сознании проезд, заброшенные цеха с выбитыми стеклами, вот и знакомый спуск в подвал. Подавил удивление и, не показывая виду, поехал.

Пришлось полностью переключиться на управление незнакомым автомобилем. Минут через пять всё вошло в свою колею. Действительно, за комфорт надо платить. Машина отлично слушается руля, двигатель не слышно, к габаритам быстро привык, только резвая без меры, чуть нажал на акселератор, скорость уже под сотню. Сейчас не хватает еще конфликта с гаишниками.

Спускаясь в подвал, смотрю на шагающего впереди деревянной походкой Алексея Михайловича.

Получается, он ответил на невысказанный вопрос... с такой ситуацией еще сталкиваться не приходилось... но и с чтением мыслей не приходилось, единственное, не знает ли мои мысли бредущая передо мной сомнамбула? Но это вряд ли... хотя поговорить с Таней надо.

Вставили в бывшую мою камеру шефа. Открыл дверь, Свисток вскочил и тотчас отпрянул, увидел меня. Оставили его с шефом наслаждаться общением друг с другом. Уже на выходе я сказал Свистку, что он должен был убить Эскулапа, тот ошарашено и вопросительно посмотрел на меня, а потом таким же взглядом на шефа.

Прошли в конец коридора, пора навестить бывшего друга.

– Они там умрут, – констатация факта от Тани. Хмыкнул.

– Ты видишь будущее?

– У них нет ни воды, ни продовольствия. Пока обнаружат, вытащат...

– Выведи им родник где-нибудь... в углу, картошки сырой, желательно гниловатой, подкинь...

– Родник не получится, очень сухо, – Таня улыбнулась. – Водопроводная труба рядом проходит, только давно никто не пользовался, ржавая и вонючая...

Перебил.

– Во-во, им самое то будет!

Из высокого потолка вылезла ржавая труба, посыпалась пыль, шипение, бульканье как в старом унитазе, вдруг хлестнула коричневая жижа. Свисток отреагировал первым, шеф вторым, возраст и, видимо, еще не отошел от нашего общения. Роскошный костюм от какого-то кутюрье украсился мокрыми пятнами, седой прическе тоже досталось. Поднял голову, клетчатым платочком вытирает голову. Из трубы тоненькой струйкой льется желтая вода.

С потолка посыпалась картошка, всё как заказывали! С гнильцой! Только падала почему-то исключительно на головы сидельцев! Таня, как и земные женщины, не чужда мелкой мстительности, а может, это уже земное?

Андрей, оказывается, сидел в соседней камере. Здесь почти настоящая тюрьма. Шеф давно использовал заброшенные цеха как лобное место. Оказывается мы не первые постояльцы. До нас несколько человек и собака находились здесь в заключении, впрочем, как и мы недолго.

Подергал ручку, закрыто. Надоели Танины чудеса.

– Надо было ключи у шефа взять!

Из-за двери истерический вопль:

– Не знаю я больше ничего! Будь проклят Антон! Это он ее на «Птичке» подобрал!

Таня из воздуха подала ключи, попытался вставить в замок, но дверь с легким скрипом открылась. Сам собой щелкнул выключатель.

Андрей вскочил, грязной в коростах и сукровице рукой с черными ногтями пытается закрыться от меня, искаженное ужасом лицо, на губах коросты лопнули, кровь алой струйкой стекает на шею. Правой рукой пристегнут к трубе, только сейчас обратил внимание, здесь работает отопление!

– А, это ты... тоже с ними...

– Ну и дешевка ты! – сказал устало. – За шестьсот баксов меня продал! Хоть бы штуку попросил.

Наручники упали, не успел сказать, не надо было, чтобы Андрей видел ее чудеса! От него теперь можно ждать что угодно!

– Ты сам дешевка! – растирает руку. – Квартира тебе от бабушки досталась, девчонки самые лучшие, на работу папин друг устроил, чем не жизнь! А я всю жизнь ишачу, за квартиру ипотеку еще не выплатил! Всё собственным горбом!

– Да я... – задохнулся. – Квартиру бабушкину давно детям с бывшей оставил!.. Эту уже на свои бабки купил... – махнул рукой. – Вали отсюда, пока я сам тебе голову не оторвал!

– И оторви! – бывший друг с ожесточением и вызовом смотрит воспаленными глазами. – Только сестренок моих и сына сам поднимать будешь!

Конечно, я помнил. У Андрея две сестренки-близняшки, мать на инвалидности, он их любит и трогательно заботится. Отец спился и давно умер.

И вдруг понял его! Он всегда мне завидовал! Городской, а он полжизни прожил в Романовке, двадцать километров от города, всегда модно одет, родители в последнее время хорошо зарабатывали, высокий, в свое удовольствие занимался спортом, дом – полная чаша. Летом мы ездили на море, он всё лето «шабашил». Кормить и одевать его никто не собирался.

С презрением глядя ему в глаза, сказал:

– Вали отсюда! Ляпнешь еще кому-нибудь про нас – жалеть будет некого!

26.03.

Жаль, снегопад здесь редкость. За зиму нападало всего сантиметров пять, даже толком трава не прикрыта. При нас снег шел всего лишь раз, да и легкую порошу снегом назвать трудно. Днем яркое весеннее солнце слепит глаза, проталины на открытых местах, а ночью стоит нешуточный мороз.

Глубокое высокое синее-синее небо, темная малахитовая хвоя, желтые стебли прошлогодней травы, снег искрится так, что больно глазам.

Природа медленно пробуждается от долгого сна.

А мне хочется спать, хотя сейчас позднее утро. Здесь другой часовой пояс, привыкнуть трудно.

Вокруг дремучая тайга. Ближайшая деревня – двести километров на северо-восток. Обитаемое зимовье далеко – через долину за хребтом. За увалом в падушке под корнями вывороченного дерева спит в своей берлоге медведь. Хоть подтаяло воронкой от его дыхания отверстие, но вставать ему только через месяц. Тайга тогда окончательно пробудится от крепкого зимнего сна.

Наше жилище язык не повернется назвать домом. Висящая в воздухе капсула на человеческий взгляд для обитания никак не предназначена. Выглядит огромной прозрачной каплей дождя в момент приземления. Края жилища можно увидеть только, если внимательно присматриваться. Очертания капсулы видятся как преломления света в яркий день. Оканчивается запятой в десятке сантиметров от земли. Забавно смотреть на наше чудо, когда идет снег. Снежинки обтекают оболочку, а препятствие только угадывается.

С некоторой гордостью констатирую, что принимал непосредственное участие в проектировании шедевра инопланетной мысли, но с горечью замечаю, мои наработки оказались сплошь ретроградными. Ну не принимает душа авангардную Танину архитектуру!

Если снаружи наша «капля» выглядела не такой уж большой, то внутри – иллюзия бесконечности. Осень плавно переходит в лето, весенняя молодая весна с набухшими почками сменяется знойным маревом степного разнотравья. Ласковая волна с мягким шорохом омывает песчаный пляж. Запах степной полыни причудливо смешивается с соленым прибоем и ароматом хвои и лесного мха. Не хватает только шезлонгов и субтропических пальм на берегу.

Всё слишком красиво, слишком чисто и ярко, как будто предва-

рительно всё тщательно почистили и отмыли набившим оскомину рекламным порошком. Подсознательно ждешь, сейчас всё кончится, и угрюмые рабочие с похмельным выхлопом растащат красивые декорации по пыльным углам.

И вправду, иногда близко видишь зимний лес посреди иллюзорного океана, как уши зайца в шляпе фокусника. Мгновенная сосредоточенность... перед тобой безбрежная морская гладь...

Устал, очень устал от чудес моей феи. Психика обычного человека не выдерживает. Уже нет сил удивляться, сознание и восприятие притупились от иррациональности происходящего. Да и человек ли я? Конечно, человек! Но обычным человеком меня назвать уже нельзя никоим образом! Перемещение в пространстве, телекинез, гипнотическое воздействие на других людей... всё, что придумали фантасты, и даже то, о чём они даже не подозревали! Когда-то в детстве читал фантастику и представлял, вот бы мне такие возможности!

Но за эти волшебные чудеса взимается непомерная плата. Хотя и говорят, что человек не понимает, когда сходит с ума, я прекрасно осознаю, нарушение психики у меня присутствует. Дальше будет только хуже.

И не мудрено! Сразу вспомнилась Рита, одного испытания оказалось достаточно для основательной встряски! А я ведь не только видел, но и принимал непосредственное участие в создании чудес!

Резкая головная боль! Даже качнуло. Сломанными тенями деревья плывут в сторону. Закрыл глаза, темнота. Нестерпимо яркая точка взрывается светом. Сел в снег, удержался от желания потрясти головой. Мир кружится медленней, тошнота. Еле успел опуститься на четвереньки.

После рвоты полегчало. Мир обрел четкость.

Не хочу идти к Тане, видеть жалость и участие в ее глазах. Должен справиться сам!

С удовольствием вдыхаю холодный воздух, на миг кольнуло опасение, с детства проблемы с ангиной, тут же горько усмехнулся, с моей-то феей это пустяки, на которые не стоит обращать внимания.

С координацией всё равно есть некоторые проблемы. Через десяток шагов, наконец, всё проходит.

Опять утомительные занятия. Далекие студенческие годы вернулись в образе очаровательнейшей преподавательницы, знания и возможности которой дадут фору всемирной академии наук.

Здесь нет конспектов и планшетов. Таня не читает лекций, но устаю намного сильнее, еще и сразу наваливается постоянная головная боль. Приходится с ней мириться. Фея пыталась лечить, но после ее процедур голова – как в тумане, пришлось оставить всё как есть.

В мучительных снах вижу чужие миры. Фантазии Всевышнего завидую, не знаю и не хочу знать, существует ли он.

Есть ли Бог? Или другие Высшие силы, которые стоят и наблюдают над жалкими потугами человечества понять и принять их замыслы и цели.

Исчезаем ли мы после смерти, как уверяют атеисты, или все-таки остаемся существовать в виде каких-то эфемерных сущностей?

Не хочу ничего знать. Сыт по горло знаниями, а новые вызывают только тоску и душевное неудобство.

27.03.

Меня вяло интересовал космический корабль, но Татьяна все-таки удивила. Никакого корабля не оказалось. В путешествие мы отправились в своем доме. Она для меня хотела сохранить подобие пола, но я воспротивился.

Стартовали от Земли в полнолуние.

Начало путешествия стартом можно назвать с большой натяжкой. Задрав голову, рассматривал кроваво-золотую Луну, мгновенно она как будто прыгнула на меня.

Ждал невесомости, легкости тела на Луне, но никакого различия, как будто смотришь огромный телевизор, точнее аттракцион имитатора путешествия. В Диснейленде сделали бы круче.

Зависли на дне огромного кратера. Плавно поднимаемся. Черное небо, красноватый холм горизонта, обрывается, кажется, прямо в космос. Видимость исключительная. Видны камни, бархатная пыль. Тени резкие контрастные, даже от мелких камешков, как будто в черноте нет ничего.

Перед нами красавица Земля. Шар, висящий в пустоте. Какой маленькой оказалась наша огромная планета! Мир, в котором кипят шекспировские страсти, создавались и рушились бескрайние империи, погибали миллионы героев и трусов, и на смену им рождались мириады следующих. И всё это – на этом прекрасном шарике, который просто закрыть ладонями.

Блестками праздничных брызг сверкают бесчисленные звезды, объемными туманными клубами светится Млечный Путь.

Вдруг всё вокруг начинает вращаться, успел вопросительно глянуть на Татьяну, но и она кружится, испуганные светлые глаза полосой описывают окружность, мелькают росчерки звезд, мутит... падаю, падаю в темную воронку...

Очнулся с улыбкой от легких похлопываний по щекам любимых ладоней. Встревоженные глаза.

– Ты мне лунный камень подари! – непонимание мелькнуло на долю секунды, тут же улыбнулась:

– Хочешь, подарю кратер? На Земле долго будут гипотезы выдвигать об исчезновения объекта с Луны.

Мой капитан решила провести мне обзорную экскурсию. Конечно, не ставила целью показать мне красоты Земли, ее беспокоило состояние моей психики. Отлично понимаю сам, предел уже рядом. Чуть, чуть переступлю грань, из черной воронки уже не вернусь. Таня понимает не хуже, а может быть, лучше.

Предстоит путешествие, уже не астральное, а первое перемещение моего физического тела в неведомые дали.

Спросить, что там за черным горизонтом?

Если не тело, а душа распадется на мелкие осколки! У меня нет

животного ужаса перед неизбежным концом, только тоска и вялое любопытство... знаю, боли не будет, она сделает посмертную анестезию.

Конечно, боюсь! Я ведь живой. Боль страшна, но после рук Эскулапа – она ничто! Страшен мрак души. Как это? Не будет моих воспоминаний, не увижу больше зеленой травы, друзей, НИЧЕГО!

Показалась ночная сторона земли. Сколько огней! Китай светится весь, Японские острова, Корея – всё залито яркими огнями. Где места для дикой природы? Мы заняли всё. Только в Африке сохранились не освещенные места и Арктические холодные места, да и там редкие цепочки огней. Скоро, через несколько десятков лет, мы не оставим природе места. Даже скотина, предназначенная на убой, не видит солнечного света. Мы семимильными шагами уходим от природы и готовим себе синтетическую могилу.

Тем временем приближаемся к родному миру. Голубой шар в белых мазках облаков с тонкой пленкой атмосферы. Под нами желтые Африка и Аравия. Надвигается и медленно выпрямляется дуга горизонта. Начинаем смещаться в облачном тумане. Проявляются злой щеткой горы, блеск далеких озер, аквамариновое море. И вот уже бескрайняя водная гладь под нами.

Вопросительно взглянул на Таню, ответная улыбка:

– Тебе не надоела таежная романтика?

Ухмыльнулся, все-таки Земля мою фею ассимилирует.

– Чем тебя тайга не устраивает? – пожал плечами. – Мне райских островов не надобно.

Сразу представил липкую жару, галдящую толпу туристов, отчаянных продавцов сувениров, пыльные пальмы у дороги.

Пожала плечами:

– У вас еще много необитаемых островов, и люди – не такие ненавистники липкой жары.

28.03.

Передо мной – мой старый двор.

Узнаю качели, их давно уж нет. Потом, в лихие девяностые, отец Кольки-Кудри срежет их «болгаркой» и сдаст на металлолом. Сейчас стоят зеленые столбы, ржавая перекладина, на толстых проволоках двух сидений нет, осталось одно с облупившейся желтой краской. Грибок, песочница с поломанным ржавым совочком, скамейки. Одну сломали мы с Виталей, играли в Зорро. Палисадник – как зубы алкоголика, в драке выломать штакетину – святое дело, да и мы с Аликом из доски выстругали автомат.

Середина сентября. Среди тополиной тяжелой зелени еще редкие желтые листья. После августовской жары – ясная осенняя свежесть. Октябрьская слякоть и промозглость еще далеко.

Спешу домой из школы. Плечи оттягивает ранец с учебниками и «чешками» – последним уроком была «физра».

Очень хочется посмотреть, какой я, но сегодняшний двенадцатилетний пацан не спешит к зеркалу. Навстречу плывет моя уже вторая любовь Женька Бондарева в белой кружевной блузке и черной короткой юбочке, на каблуках! Тоненькая девочка, ей почти тринадцать, она выше меня на полголовы, каблук добавляет еще почти пять сантиметров. Девочка на шаре! Когда собирал марки, у Мишки Фаермана выменял марку с иллюстрацией Пикассо на разведчика Кузнецова. Альбом еще не забросил? Есть, собираю «героев» и «искусство»!

Хмуро спросил:

– Где такие ласты надыбала?

– Маринке отец из командировки привез! – с удовольствием разглядывает туфли, только сейчас заметил бумагу за пятками, белые гольфы маскируют.

Летит Время! Женю видел мельком, тяжело, с одышкой забиралась в трамвай. Она уже давно не вспоминает ту тоненькую девочку, оставшуюся только на фотографиях, на меня мельком, не узнавая, взглянула усталая полная женщина, шрамик на щеке, когда-то умилявший меня, давно стал продолжением морщины на одутловатом лице. Она мама, даже бабушка, и сегодняшние заботы, и диабет не позволяют толком следить за собой.

Тем временем я – дворовый мальчишка – провожаю взглядом уходящую танцующей походкой Женю. Спешу домой. Достаю из холодильника наполовину опорожненную отцом бутылку кефира. Снимаю смятую зеленую крышку, вытряхиваю кефир в отцовскую кружку. Отрезаю от булки ломоть серого хлеба, сахар забыл добавить! Лежащие сахаринки топлю ложкой, размешивая, глотаю слюну. Слышу, в замке поворачивается ключ, мама пришла!

– Опять кефир с хлебом! – с облегченным вздохом осторожно ставит звенящую банками авоську на табурет. – Котлеты ведь на плите!

Какая красивая у меня была мама! Строгое лицо, чуть тронутые помадой губы. Прическа Сессун очень ей к лицу, серая юбка-клеш, такая же водолазка и синяя вельветовая жилетка.

– Не хочу, мам, в школе котлеты с картошкой давали!

– Уроки сделал?

– Я только пришел, Кудря с Пароходом меня в футбол зовут играть...

– Пока уроки не сделаешь – никакого футбола! – мама выкладывает из авоськи колбасу в серой оберточной бумаге, молоко и кефир в бутылках. – И что за манеры! Друзей у тебя зовут Коля Кудрявцев и Вадик Пароходов. Вот пусть они вдвоем мячик пинают!

– Я же команду подведу, они меня ждут...

– Подождут!

Странно видеть свои детские руки с обгрызенным мизинцем и пятнышком синей пасты на запястье. Неуверенными кривоватыми буквами пишу упражнение по русскому языку. Почерк так мне никто и не исправил! Теперь арифметика... дроби!

Господи! Понял, вдруг, я здесь в своем детстве! Но здесь и сейчас только наблюдатель. Что-нибудь сделать, хотя бы предостеречь от неизбежных ошибок, не могу...

– Антошка! Сбегай в магазин, сейчас отец придет, а у нас хлеба нет!

На коробке галдеж, Пароход «подковал» Кирюху, тот корчится от боли, пацаны сочувствуют.

– Ну, его на фиг! Еще в своих ботинках, – возмущается Кудря. – Вечно вместо мяча по ногам бьёт.

– Антон, давай, вместо него! – сосед по подъезду Лёшка.

– Меня мать за хлебом послала! – показываю авоську.

В магазине давка, «выбросили» колбасу. Краснощекая продавщица орет:

– ...Сказала по два килограмма...

Мать Витьки Степанова униженно просит:

– Палка только на двести грамм больше!

– Другим не достанется!

– Женщина! Не держите очередь! – какой-то мужчина в галстуке.

На полках – пирамида из жестянок с морской капустой, стеклянные банки с «заморской икрой баклажанной». В пустых витринах тоже банки, но трехлитровые с березовым и яблочным соком. В хлебном отделе купил булку серого за восемнадцать копеек и батон за двадцать две. Сдачу с полтинника честно заработанный гривенник сунул в карман.

Около подъезда столкнулся с отцом. Он всегда был худым, у меня сжалось сердце, темные мешки под глазами, сутулый, свежий перегар. Мятые брюки, жеваный галстук. Ему только сорок, жить папе осталось неполных семнадцать лет. В две тысячи втором инфаркт, второй не перенесет...

Спешу к ребятам, на кухне скандал. Мама особенно красивая, когда злится, выговаривает отцу:

– Что ты держишься за свой завод! Оклад сто восемьдесят, премия раз квартал, если твои алкаши план еще выполнят. Была бы должность, вечный сменный мастер! Авдеев с тобой институт заканчивал, уже главный инженер, им открытка на машину пришла, а у нас, Аленке кое-как на выпускной собрали, мне шубу год купить не можешь! Еще поддаешь каждый день!

Пьяненький папа вяло обороняется:

– Живем не хуже других...

Пацан спешит в коробку играть в футбол...

Ломит в висках, сердце, кажется, стучит о ребра, кузнечный молот бьется в груди, голова сейчас лопнет! Проснулся весь в мыльном поту.

Мама! Ведь совсем одна...

Аленка со своим Патриком в Марселе, племянница на русском с французским прононсом говорит, смех сквозь слезы!

С силой сжал голову, мелькнула на краю сознания мысль о беспредельном давлении, в детстве простудил почки, поморщился, сейчас эта мысль несущественна! Переждал приступ боли. Сердце уже не так стучит... только ноющая ритмичная боль в правом виске.

Шеф! Алексей Михайлович. Может, отстанет? Мы его изрядно напугали... Нет, бояться не его профессия!

Приходили к матери на день рождения с Леной месяц назад, потом только звонил как раз перед появлением Татьяны!

Так! Нужно в город. Сам вряд ли смогу. Посмотреть... вокруг всё закружилось... сотни, тысячи, уже миллионы людей в моей бедной голове... хоровод голосов черная меланхолия, слюнявая приторная радость, мальчишка с «тарзанкой» на поясе стоит на карнизе высотки, за два квартала от него, человек с петлей на шее готовится шагнуть с табуретки в вечность... воронка затягивает меня. Стена! Серая стена передо мной.

На пальцах снег. Как здесь оказался? Участие и страх в таниных глазах.

– Мне нужно обратно, домой...

– Что-то случилось?

– Мама там у меня...

– И что?

Безучастный вопрос. Она не землянка, мой тяжелый взгляд уперся в пустоту.

Мы перед маминой дверью. Волнуюсь как школьник перед доской. Мать на кухне расставляет чашки по ранжиру, так было при отце.

Позвонил, мама, держась за поясницу, с трудом разогнулась, медленно идет к двери. Родной голос:

– Кто там?

– Сын! Открой!

Распахнулась дверь, мать у меня на груди, обнял ее, худенькие плечи содрогаются под руками, сквозь слезы причитает:

– Который день место себе не нахожу, дозвониться до тебя не могу! Телефон отключен, и по вацапу пыталась звонить, тоже тишина... уже Аленке звонила... в полицию уже собиралась...

Стыдно! Со всеми приключениями совсем забыл о матери.

– Ну, ну! Успокойся, что со мной будет! – шагнул в сторону. – Моя девушка... Таня!

– А... Людмила Александровна!

Все-таки у меня очень тактичная мать, хотела спросить о Лене, но вовремя опомнилась.

Только сейчас увидел, как постарела моя мама! Ведь только что видел ее молодой. Сдала резко после смерти отца, всю жизнь ссорились, а кончину его пережила очень тяжело. Всегда очень молодо выглядела, даже я помню, как мужчины оглядывались ей вслед, и сразу поблекла, болезненно похудела, нездоровая кожа, темные мешки под глазами остались на память о рано ушедшем отце.

– Ты болеешь? Похудел, – и без перехода. – Пойдемте на кухню, только что чай заварила!

Всё по-прежнему, только чайник не эмалированный, пластиковый, как у всех. На пенале стоит самовар, родителям подарили на новоселье. Родные запахи, пахнет травами, еще отец каждое лето собирал букет из листьев и трав, весь год в доме аромат скошенного луга. Сейчас примешивается запах валосердина. Мать-паникерша принимала, почему-то она решила, у меня гены отца и после его первого инфаркта долго канючила, чтобы проверил сердце. Никаких возражений и слышать не хотела, успокоилась только после моего визита к Наталье Георгиевне, ее давней подруге, врачу-кардиологу.

Половина вафельного торта на столе, постелена знакомая скатерть в честь нашего прихода, чашки из сервиза, одну когда-то в детстве разбил я.

После допроса с пристрастием о состоянии моего нездорового вида и в третий раз с клятвенными заверениями о моем прекрасном

самочувствии мама приступила к тактичным расспросам Тани.

Фирменная улыбка подействовала. Матери гостья понравилась чрезвычайно. Она расцвела, старалась положить Тане лучший кусочек торта, Лена забыта окончательно.

Так не хотелось разрушать идиллию, и как прыжок в прорубь сказал:

– Тебе придется уехать!

Мать и притворщица Татьяна с удивлением уставились на меня.

– Куда? Вроде бы никуда не собиралась...

Таня с пропавшей улыбкой поддержала меня.

– С внучкой повидаетесь.

– Они же во Франции, наша Аленка за француза замуж вышла!

– Вот вместе и поедете в Новую Зеландию, вы же мечтали посмотреть!

Мама беспомощно посмотрела на меня.

– Уехать придется! Тыл у меня должен быть прикрыт.

– Они же с Патриком работают, Кристина в гимназии! – она поочередно смотрит на меня и Таню. – Вы что, с нехорошей компанией связались, с бандитами?

– Вон перед тобой главная бандитка сидит!

– Таня! – ахнула мать.

– Пошутил он неудачно!

Мама очередной раз рассмотрела меня и Таню, поджала губы и решительно заявила:

– Никуда я не поеду, что они со старухой сделают!

После долгих уговоров мать начала сдавать.

– Давление у меня высокое, Антонину Михайловну помнишь?

Неуверенно подтвердил.

– Дочка ее на Кубань увезла, полгода Тоня не прожила, в чужую землю похоронили!

– Ты ведь на здоровье никогда не жаловалась...

– Годы берут свое.

Удивила Таня. Достала из взявшейся ниоткуда изящной сумочки коробочку, в ней бластеры голубых таблеток.

– Это экспериментальные пищевые добавки.

Мама с сомнением смотрит на таблетки, я постарался вернуть собственную челюсть на положенное ей место.

– У вас есть тонометр?

Достал с полки аппарат, мама проговорила недовольно:

– Зачем сейчас-то, утром мерила! – но покорно одела манжету.

После приема чудодейственных таблеток давление стабилизировалось до эталонных значений.

– В бластере тридцать таблеток, курс рассчитан на месяц, потом десять дней перерыв, и еще месяц принимать. Давление во время приема мерить, если почувствуете ухудшение, но никаких аллергических реакций ни у кого не было.

– Танечка! Вы доктор?

Ого! Уже Танечка, Лена такого обращения так и не дождалась!

Обаятельная улыбка, посмотрела на меня.

– Врач, только без диплома!

– Ты ей, мама, верь, она волшебница.

С Таней наблюдаем, как мое «святое семейство» идет по аэропорту. Впереди этаким д'Артаньяном выступает Патрик, чтобы сразу было понятно, кто главный петух в курятнике. Рядом с ним вприпрыжку Кристина, для нее такое путешествие – дар небес. Сзади ворковали о своем девичьем мама и Алена.

Неожиданное продолжение получилось с Таниными «волшебными таблетками». Понятно, что это обычные плацебо. После нашего ухода мать позвонила своему главному специалисту по медицине упомянутой уже Наталье Георгиевне. Конечно, о чудодейственных пищевых добавках врач-кардиолог не слышала и потребовала дать ей таблетки для анализа. Пришлось вмешаться мне. Под большим секретом рассказал маме о закрытых военных исследованиях в фармацевтике. Мать уже сама додумалась связать наши проблемы с «секретной фармакологией». Не стали ее разубеждать.

Ехать в неожиданное путешествие глава семейства принял с энтузиазмом, в отличии жены. Она недавно получила в своей фирме долгожданное повышение и незапланированный отпуск ее никак не устраивал. Даже приличные финансовые вливания не особо повлияли. Только пугало русской мафии заставило ее со скрипом согласится.

Деньги на карточки перевела Таня. Откуда она перевела, я даже не задумывался. Приличные деньги не только у мамы с Аленкой, но и отдельный счет у Патрика и даже у Кристины.

Поймал себя на мысли, приземленная и практичная Алена никогда бы не поняла меня с Татьяной, а компьютерный дизайнер Патрик, несмотря на свою насквозь западную натуру, понял бы и поддержал. Конечно, как все французы, мелочен. Цивилизованный до приторности, но есть в нем русский порыв и самопожертвование.

Сейчас они сядут в самолет.

Счастливого пути!

29.03.

Все-таки райский остров.

Атолл посреди океана. Белый искрящийся с розовым отливом песок, легкий ветерок играет растрепанными листьями пальм и в бездонном небе гонит вымытые облака. Рыжие рваные тени деревьев. Легкий бриз ласкает песок, и гладкие камни на берегу. Мохнатая гора перед глазами, над самой головой ослепительное солнце. Дурманящий запах тропической зелени причудливо смешивается с запахом йода и водорослей.

Одуряющей жары нет. Легкий ветерок освежает. Теплое море манит прохладой, ручей впадает в бухту и разбавляет океанскую воду.

– Может, ты прав, и мне придется остаться на Земле...

– И как мы будем жить, скитаться...

Усмехнулась:

– Зачем! Весь мир перед тобой, живи, где хочешь! – меня неприятно кольнула мысль о моей жизни без нее. – Конечно, о работе на фирме придется забыть, но есть много занятий помимо проектирования...

– Боишься за меня?

– Не только! Ты уже понял, нам вместе нужно преобразоваться в

точку, выныривать, осматриваться, снова точка. И так бесчисленное количество раз...

Перебил:

– Боишься, в определенный момент придется остаться одной в мире худшем, чем наш?

– Вместе с тобой!

Хмыкнул и махнул рукой.

– Моя жизнь давно уже ничего не стоит. Ты – другое дело!..

– Я не хочу и не могу убивать тебя!..

– А остаться слепой и глухой у нас...

– Ко всему можно привыкнуть!

– У тебя есть шанс вернуться домой, и его надо использовать!

– Не такой ценой!

– Таня! Есть реальная достижимая цель, вернуться домой, я тоже вернусь, думаю, твои соплеменники смогут в благодарность за тебя починить мою психику.

Покачала головой.

– Ты нас ведь не знаешь...

– Вы ведь люди...

Печально улыбаясь, опять качает головой:

– Мы совсем не такие, как вы! Наша цивилизация на исходе, даже гуманизм и жалость уходят вместе с нами.

Как далеко они ушли! Наши последние научные достижения и открытия для них как открытие огня питекантропами! Медицина – уровень знахарства первобытных людей. Только сейчас начинаю понимать, сколько нам предстоит пройти, чтобы не догнать, а хотя бы начать понимать, где находятся их знания и понимание Вселенной!

Мы им не интересны. Агрессивны, эгоистичны, с ворохом собственных проблем. Что мы сможем им дать? Ресурсы? Но перед ними Вселенная. Только биологические продукты, но с их знаниями взять биологию гораздо дешевле синтезом.

Человечество в случае контакта с чуждой цивилизацией сможет сделать технологический рывок, но сможем ли мы пережить шок? Были ведь примеры, когда человеческая цивилизация гибла после контакта с более развитой. А ведь там были такие же люди! А при плотном контакте не с людьми? Когда разумные существа эволюционировали совсем по другим законам?

Между нами – пропасть, и большой вопрос – сможем ли мы преодолеть ее. Дело даже не в том, сможем ли пройти весь путь, хватит ли времени, не убьем ли мы сами себя? Человечество пришло к пониманию, следующая мировая война поставит за грань существования не только человека, как вида, но и само существование жизни на Земле. Но продолжает разрабатывать всё более разрушительное оружие. Уже раздаются голоса, ядерное оружие оружие бедных! С развитием технологий скоро сделать нейтронную бомбу сможет школьник, а сколько фанатиков в мире!

Терроризм исламский у всех на слуху, а существует католический, баскский, да мало ли...

Но не только гонка вооружений делает проблематичным существование жизни на Земле. В Китае – экологическая катастрофа, а что ждет нас при промышленном развитии всей Земли? Французы посчитали, если всё население Земли будет потреблять как средний француз, нам нужно восемь таких планет, как Земля!

За пятьдесят лет количество населения увеличилось вдвое, а дальше? Скоро не только дикой природе, но и нам не будет хватать места на планете

Завтра старт в неведомое.

Вернусь ли я домой, а если вернусь – какой? Моя Таня, пока моя, постарается всё сделать для моего благополучия. Но какая она будет там, у себя дома – я не знаю.

...Эту рукопись принес мне давний приятель, практикующий врач-психиатр. Я дал слово, имя его называть не буду, автор рукописи тоже останется безымянным. Вполне возможно – Антон, от имени которого ведется повествование, и пациент клиники – одно и то же лицо, но я бы поостерегся категорически это утверждать.

Появление этого человека достаточно необычно. Однажды в частную психиатрическую клинику обратился молодой человек. По словам приятеля, выглядел он вполне обеспеченным и обычным. Предъявил паспорт, по документу мужчине сорок пять лет, а внешне выглядел на тридцать с натяжкой. По медицинской карточке, затребованной из районной поликлиники, паспортный возраст подтвердился.

Клиника достаточно дорогая. Пациент изъявил желание лечиться платно. Приятель обратил внимание, у молодого человека не было телефона, но после согласия заплатить оговоренную сумму, счет был сразу оплачен.

Насторожило отсутствие каких-либо шрамов, излеченных болезней. Даже зубы все свои и без следов кариеса. Для жителя мегаполиса – очень нетипично.

Во время обследования никаких патологий выявлено не было. Пациент адекватно прошел все положенные процедуры, сдал положенные анализы, охотно шел на контакт, но доктор почувствовал, что-то пациент скрывает.

Сказал, что по неизвестной причине может в любой момент потерять сознание. Пожаловался на периодическую головную боль.

Прием закончился необычным образом, молодой человек понял, доктор пытается его разговорить на неприятную или стыдную тему. Внимательно посмотрел на врача и сказал:

– У вас камень в почках, попробуйте растворить мумиё, десять грамм на литр воды. Пейте каждый день по столовой ложке по утрам перед едой...

– Вы врач, чтобы давать такие рекомендации? – тот отрицательно качает головой, доктор продолжил. – Я дипломированный специалист, перед тем, как лечить человека, нужно сделать анализы, хотя бы спросить, на что человек жалуется! Насколько я знаю, мумиё рекомендуют при переломах и язве!

В ответ обаятельная улыбка:

– Конечно, я не врач, но у вас сейчас ноющая боль с правой стороны.

Подавил желание потрогать бок, но пациент уловил мимику и еще шире улыбнулся.

– Последовать моей рекомендации вам ничем не грозит, на му-

миё не отмечена аллергия. Только покупать нужно на центральном рынке. Перед главным входом бабушки стоят, третьим завтра дед с утра будет за прилавком, вы его узнаете, на нем синий старый пуховик и борода окладистая.

Доктор, молча, рассматривает странного пациента.

– У него мед купите. Чайная ложка на стакан кипяченой воды после приема мумиё, – улыбка увяла, – давайте завтра продолжим?

Доктор, также молча, задумчиво кивнул.

Утром приятель поехал на центральный рынок.

Действительно, третьим среди бабушек за прилавком стоял дед, продавал мед. Сразу не подошел, обошел весь ряд, мед еще продавали трое, молодой парень и две бабушки, мумиё не увидел ни у кого. Вернулся к деду.

– Вы мумиё продаете?

Старик подозрительно рассмотрел незнакомца.

– Нет у меня никакого мумиё! Мед покупать будете?

Доктор растерялся.

– Извините, мне вас рекомендовали... сказали третий в ряду, синий пуховик...

– Это ты, господин хороший, заливаешь, – дед зло ухмыльнулся. – Я сам не знал, что этот пуховик одену! Сын отдал перед самой поездкой, кто ж меня ре-ком-давал! – дед намеренно тянет слова, доктор еще более смешался.

– Мне надо-то всего десять грамм и банку меда...

– Какой мед-то надо?

– Не знаю... какой дадите!

Дед заметно подобрел.

– Рекомендатель-то не сказал? Что лечить-то мумиём собрался?

– У меня камень в почке...

– Ну не знаю, его больше от переломов да от желудка берут.

– Об этом читал, но пациент о мумиё сказал...

Продавец удивленно перебил:

– Так вы врач?

Доктор сам был не рад, что затеял никчемный разговор.

– Психиатр!

– Ваш подопечный-то псих, выходит? – дед удивленно качает головой. – Нельзя нам мумиём торговать, бумага специальная нужна!

– Лицензия?

– Вот, вот!

Все-таки старик продал десять грамм мумиё. Оглянулся по сторонам и достал откуда-то из сумки два пакетика по пять грамм в фольге. Пока не скрылся с глаз, чувствовал взгляд деда.

Поговорить с пациентом не удалось. Уже подъезжал к больнице, звонок. Звонила старшая медсестра, больной в бессознательном состоянии.

Толком не удалось выяснить, когда он потерял сознание. Во всех палатах установлены камеры, дежурная медсестра постоянно наблюдает на мониторе состояние больных. Пациент был помещен в отдельный бокс, долго не спал, ходил по палате, выходил в коридор, на вопрос сестры, не нуждается ли в чем, улыбнулся и, молча, отрицательно покачал головой.

Уснул, по словам сестры, около двух часов ночи. Никаких утренних процедур у него не было, пришли будить к завтраку, пациент никак не реагирует.

Реанимационные манипуляции успехов не принесли. На поднесенную ватку с нашатырем не реагировал. У больного все параметры абсолютно нормальны. Пульс, давление, температура в пределах нормы.

Почти двое суток пациент пробыл без сознания. Не удалось взять повторный анализ крови. Врачи даже не смогли проколоть кожу на пальце. На консультацию вызвали лучших специалистов города. Никто из врачей – в консилиуме участвовали профессора, академик – ни разу не наблюдал такое необычное заболевание. В специально литературе описаны подобные случаи, но чтобы игла шприца гнулась и не оставляла следа на коже, такого даже в мировой практике не наблюдалось! Не только на пальце, при попытке проверить реакцию организма на боль, не смогли ткнуть иголкой ни один участок кожи!

Больной лежал на спине, в той же позе, в которой нашла его медсестра. Кожа выглядела абсолютно нормальной, без бледности, мышцы не напряжены. Но при очередной попытке взять анализ крови всё повторилось, вена не прокалывалась, профессор Степченко лично погнул иглу, на коже опять не осталось и следа.

Пациент очнулся вечером второго дня. Открыл глаза и сразу сел на кровати. Санитарка мыла в палате пол, тут же вызвала медсестру, но та уже бежала по коридору.

Больной сжал голову руками, лицо исказилось, и попросил воды.

Доктор примчался через десять минут, пациент жаловался на нестерпимую головную боль. Врач разрешил принять таблетку обычного цитрамона и предложил сдать очередной анализ крови. Больной нехотя согласился. На этот раз всё прошло гладко, кожа прокололась, кровь из вены взяли без проблем. По словам пациента, головная боль всегда его сопровождает при пробуждении.

На вопрос доктора – были ли ранее эксцессы во время сдачи крови на анализ, пациент сделал большие глаза, но доктор понял, он говорит неискренне.

Анализ крови не выявил никакой патологии, практически ничем не отличался от первичного. Пульс и давление – в пределах нормы, температура нормальная, доктор в недоумении.

После таблетки больной почувствовал облегчение. Только почувствовал слабость. Врач уложил больного, полчаса сидел рядом со спящим пациентом и затем уехал домой.

На завтра продолжили прерванный два дня назад разговор. Доктор рассказал о поездке на рынок и своей беседе со стариком. Особенно его заинтересовала история с пуховиком. Пациент рассказал, просто увидел старика во сне. О боли в почках доктора нес околесицу, сказал, что угадал по мимике, но неправильно назвал мышцы лица, доктор понял, пациент не хочет говорить правду, и не стал давить.

Доктора уже не беспокоила боль в спине, сегодня собрался сделать рентгеновский снимок правой почки. Спросил о своей почке, тот одобрил рентген и сказал с улыб-

кой, доктора ждет приятный сюрприз.

Знакомый рентгенолог был поражен не меньше врача. Камня не было – совсем. Абсолютно чистая лоханка! Рентгенолог предположил, что ранее они снимали левую почку, нашли снимок двухнедельной давности, сомнения отпали.

Оставил ошарашенного приятеля, доктор задумался о «приятном сюрпризе». В пустой голове крутилась мысль, этого не может быть, потому что не может быть никогда! Усмехнулся. Произошедшее еще более поразило, чем непробиваемая кожа! Может быть, потому что это произошло с ним??

Третий разговор начался с благодарности доктора, принятой со снисхождением. Доктор понял, больной не бравирует, действительно не считает выздоровление чем-то существенным. Выглядел задумчивым, спросил, на какой день человека, находящегося без сознания, кормят искусственно? Объяснил ему саму технику, он внимательно выслушал.

– А если сейчас, находясь в полном здравии и отвечая за свои поступки, смогу отказаться от этой процедуры?

– Если возникнет угроза вашей жизни...

– Не возникнет! Может, нужно подписать какие-то документы?

– Ничего не нужно, я ваш лечащий врач. А если все-таки возникнет угроза вашей жизни, тем более бумаги не нужны. Кстати, вы настаиваете, что в случае экстраординарных обстоятельств никому сообщать не нужно?

Пациент тяжело вздохнул, кивнул головой и просто сказал:

– Да!

А между тем больного не лечили, просто не знали как? Кроме пресловутого цитрамона – ничего! Не понимали, по какой причине происходит у него потеря сознания, даже не понимали, от чего у него головная боль! Исследования происходили регулярно. Сделали еще раз томограмму головного мозга, сканировали шейный отдел позвоночника, повторная кардиограмма – всё впустую!

Через день он снова потерял сознание. На этот раз вечером в сквере. За ним вели пристальное круглосуточное наблюдение и увидели, как всё произошло. Он сидел на лавочке, за клиникой – приличный сквер, клумбы, подстриженные кусты, беседки. Сидел один на лавочке, медленно откинулся на спину, а потом так же медленно повалился на лавочку. Ноги остались на тропинке.

Через минуту прибежала медсестра, следом дежурный врач. Позвонили доктору, через двадцать минут – он около больного.

На этот раз пациент без сознания пролежал три с лишним дня. Перевезли в его бокс, снова сделали томограмму мозга, шейного отдела позвоночника – никаких существенных изменений!

Три дня наблюдений ничего не дали. Больной не шевелился, кожные покровы здоровы. Впечатление, как будто человек спит. Только разбудить его невозможно.

Очнулся ночью на четвертый день. Когда доктор приехал в клинику, он уже принял неизменный цитрамон и просто спал. Доктор посмотрел на спокойно посапывающего пациента, будить не стал. Домой ехать бессмысленно, устроился досыпать в кабинете.

Утром, когда уже умылся, причесываясь перед зеркалом, в сомнении рассматривал собственный подбородок, думал бриться или нет, в дверь деликатно постучали.

– Войдите!

В дверь вошла тетя Клава, Клавдия Владимировна, старейшая и самая надежная санитарка и сиделка в клинике.

– Ваш пациент просит разрешения моего мужа к нему привезти...

– У вашего мужа онкология... – только сейчас до него дошло. – Он хочет его вылечить?

Пожала плечами:

– У вас ведь камень вывел...

Подивился, как интимная информация распространилась по клинике, на всякий случай поинтересовался:

– Он сам завел разговор о муже?

Сиделка опустила глаза.

– Нет! Я его попросила.

За мужем Ксении Владимировны поехал на собственной машине. В квартиру она его не пригласила, полчаса торчал в салоне автомобиля. Не знал ни номер квартиры, ни сотовый, уже хотелось плюнуть на авантюру и ехать в клинику, но из подъезда медленно спиной вперед выходит Ксения Владимировна. Выскочил помочь, кляня себя, надо было взять служебный фургон, предназначенный именно для перевозки больных.

Анатолий Сергеевич производил отталкивающее впечатление. Конечно, больные не выглядят ангелами, болезнь не красит, тем более онкология, но есть категория людей, которым все должны. Муж Ксении Владимировны – типичный представитель всемирных кредиторов. К запаху застарелой болезни и прокисшей мочи он давно притерпелся, в клинике запахи, конечно, старались не допускать, но полностью побороть невозможно, тем более пациенты, в основном, в почтенном возрасте. Но постоянное брюзжание с обидой на весь мир, конкретно на жену, надоело хуже горькой редьки. Похмельный выхлоп внушал опасения о перспективах лечения.

Наконец, приехали в клинику.

Новоявленный доктор ждал в беседке. Посмотреть, как будет протекать лечение, не удалось. Анатолия Сергеевича посадили в кресло-каталку, и санитары по просьбе пациента и с молчаливого одобрения доктора завезли к нему в палату. Врач сел к монитору посмотреть, как будет происходить лечение, он почему-то не сомневался, тот онкологию вылечит, но камеры не работают.

Пока дозвонился сисадмину, того не было на месте, в палате какой-то шум, вышел из кабинета, даже сквозь плотно закрытые двери – бессильный злой мат Анатолия Сергеевича. Перед дверью с испуганными глазами Ксения Владимировна. Вышел пациент.

– Докторишка! – и снова горькие маты плачущим голосом.

Только тетя Ксюша увезла мужа – камеры включились. Врач с интересом посмотрел на пациента.

– Почему вы его лечить не захотели? – доктор наливает из тур-

ки кофе, пациент кивком поблагодарил и пожал плечами.

– Я ведь не врач! Почему вы думаете, что рак в четвертой стадии вообще можно вылечить?

– Камень же у меня растворили?

– Нужен был толчок, камень сам разрушился.

– А у Анатолия Сергеевича толчок не получился?

– Не принимаю ваш сарказм, – он твердо взглянул в глаза. – Он не должен жить!

Доктор поражен. Качает головой:

– Вы слишком много на себя берете! Господь решает, сколько человек проживет и как!

– Он всю жизнь сидел на шее у нее, пил, бил смертным боем, да так, чтобы без синяков, никогда нормально не работал, сейчас вообще своей болезнью и капризами изводит ее.

– Всё равно вы – не Господь Бог! Не вправе решать, кому жить, кому умирать!

– Я бы мог убить сразу, и никто бы не смог меня обвинить, но пусть всё идет своим чередом, ему осталось не более месяца.

Доктор с удивлением и оторопью смотрит на него:

– Вам не страшно? Никто не давал таких полномочий...

Он невесело усмехнулся и перебил:

– Мне самому немного осталось!

– Вы физически полностью здоровы, проблемы с психикой мы решим...

– Решать не вам! – он снова горько усмехнулся. – Я ухожу, и вряд и мне кто поможет!

– Куда уходите? Когда?

Светлая улыбка.

– Когда-то не придете в себя?

– Наверное... Но если вдруг исчезну, не поднимайте панику, и не ищите... найти меня невозможно... никогда и никому.

Вздохнул, опять улыбнулся:

– Если уйду...

– Как уйдете, – доктора сложно вывести из себя, но от абсурдности разговора начал закипать, профессионально старался держать себя в руках. – Что вы имеете в виду? Потеряете сознание на долгий срок?

– Может быть... если в себя не приду несколько месяцев... Вы не паникуйте, – он сглотнул, с трудом выговорил: – Если умру, – еще раз сглотнул комок, – тогда делайте с трупом что хотите. – решительно махнул рукой и жалко улыбнулся.

– У вас ведь есть родные, родители, простите, если живы...

Решительно покачал головой.

– Никому ничего не надо сообщать!

– Разговор абсолютно не нужный! Мне бы ваше здоровье! Меня переживете!

Ухмыльнулся.

– Бросьте, доктор! Перед вами не девочка, залетевшая от заезжего гусара, меня не надо успокаивать! Если завел такой разговор, значит, время мое подходит, – врач пытается возразить, но он движением руки останавливает его и продолжает. – У меня рукопись на флэшке, только дайте слово, ознакомитесь, когда меня... не будет...

Это оказался действительно последний разговор. Не было никакого трупа, он просто исчез. Конечно, искали, из клиники не так просто выйти. Специально подобранные и проинструктированные охранники, им неплохо платят, случайных людей нет. Они ведь сталкиваются не с гипотетическими преступниками, а с неадекватными людьми, готовыми на всё, чтобы вырваться.

Пациент как будто растворился, на мониторе временной провал. Нормально идет запись, перескакивает через двадцать три секунды, и показывает пустую кровать. Поиски организовали немедленно, но безрезультатно. Прочесали здание, заглянули в самые невероятные углы, дважды обошли периметр – ничего!

Доктор приехал через пятнадцать минут, флэшку нашел на туалетном столике. Верхняя одежда аккуратно развешана на плечиках, нижнее белье в шкафу – и всё! На ноутбуке никаких записей, стоит восьмой Windows, и нет даже следов работы. Хотя доктор сам видел, как теперь уже бывший пациент сидел за ноутбуком.

Мы вдвоем провели собственное расследование.

Оказывается, описанные в рукописи события, произошли почти три года назад.

Алексея Михайловича искать начали сразу, как нашли водителя. Его увидела около поликлиники подруга жены, когда поняла, в себя он не приходит, позвонила жене. Водителя увезла «скорая» в городской психоневрологический диспансер. Даже через три дня после того, как он пришел в себя, что-либо сообщить не смог. Даже не помнит, как попал на скамейку.

Уже ночью осмотрели промышленное предприятие около дворца переплетчиков, ничего не нашли. Только еще через два дня одному из приближенных, а именно Микрону, пришла в голову фантастическая мысль, ведь там должны быть четыре двери, а в этот раз их оказалось три... Утром проверили, действительно вместо четырех – три двери.

Недавних строительных работ никто не вел, да и кому и зачем что-то перестраивать! Микрон вспомнил, привозил левые продукты как раз накануне и видел четыре двери. К мистике подручные Алексея Михайловича отношения не имели, на всякий случай решили простучать стены. Почти сразу услышали приглушенный звериный вой. Ломами и лопатами продолбить не удалось, пришлось искать перфоратор. Огласка ни к чему, и пришлось самим долбить фундаментные блоки. Работа продвигалась медленно, непривычные к физическому труду и пыли подручные роптали, вой с той стороны на одной ноте настораживал и раздражал.

Микрон решил плюнуть на конспирацию, позвал рабочих со стройки, хозяев перфоратора. За те деньги, что пообещал Микрон, мужики бросили собственную работу и поехали с ним.

– Собака у вас там что ли? – услышав вой, поинтересовались рабочие.

– Собака, собака, работайте, давайте!

За шумом и пылью вой не слышен, остановились на перекур, не слышно! Настороженная тишина.

Как будто с той стороны осыпаются камни.

Микрон посвятил фонариком в пролом, сквозь оседающую пыль. Увидел скрюченные черные пальцы, впившиеся в камень, и белые яростные глаза. За спиной какой-то бабий голос:

– Мамочка моя! – рабочий, не выпрямляясь, быстро на четвереньках задом бежит назад.

Микрон отпрянул, из дыры звериный рев!

Как он оказался во дворе, не помнил. Рядом бегут рабочие. Недоумение курящих подручных развеял повторный рев, эхом прокатившийся по подвалу. Микрон бежал к машине, на ходу оглянулся, волосы зашевелились на голове. Черная страшная фигура, в ней нет ничего человеческого, летит, кажется именно за ним. Понял в машине – не спастись!

Пришел в себя уже около пятиэтажек. По пустырю пробежал метров пятьсот. Какая-то мамаша катит коляску, за руку держится пятилетний малыш. Вокруг никого из своих.

Микрон вытащил из кобуры пистолет, дослал патрон в патронник, поставил на предохранитель и сунул обратно. Вообще он впервые за три года взял с собой оружие, если бы не форс-мажорные обстоятельства, пропажа шефа, лежал бы браунинг в сейфе. С кривой усмешкой вспомнил позорное бегство, но холодом повеяло, как представил белые глаза, черные пальцы, рев и ужас, летящий вслед. Он считал себя решительным человеком, были в жизни страшные моменты, но такого тошнотворного страха не испытывал никогда!

С тяжелым вздохом пошел по пустырю обратно. Из оврага его окликнули. На краю оврага сидел Серёга Мингалёв. Кислое лицо, подвернул ногу, на лодыжке опухоль. Конечно, сердце грело, что не он один испугался, Сергей даже ногу вывихнул, но идти всё равно придется.

– Это чудище, обличьем оно на Свистка похоже!

Вспомнил последний день, он тогда разговаривал со Свистком, но вряд ли, всегда ленивый увалень Свисток и – ЭТО!

К подвалу подошли уже втроем, по дороге встретил перепуганных «соратников». Вниз они пошли с величайшей осторожностью, пистолет Микрон держал наготове. Из пролома – запах гнили и нечистот, тлена. Стараясь не дышать, Микрон полез в провал, освещая себе путь телефоном. Преодолевая рвотные спазмы, осмотрелся. Сначала не понял, что за тряпье под ногами? Седые волосы, голова, успел отвернуться, вырвало. То, что было Алексеем Михайловичем, валялось под ногами.

Вадима Петровича Свистунова поймали в тот же день на помойке. Чуть не до смерти напугал пенсионерку, она подошла выбросить мусор, а Свисток как раз вылез из бака. Бабушка прибежала домой, куда девался пакет с мусором, так вспомнить и не могла. Трясущимися руками накапала корвалол, позвонила сразу и в «скорую» для себя, в полицию – для незнакомца. С собственного балкона наблюдала за эпической битвой полиции, а потом подоспевшей бригадой психиатрической скорой с засевшим в мусорном баке сумасшедшим Свистком.

В клинике в адекватное состояние привести не смогли. Не говорит, пищу пытается хватать руками, впадает в беспричинную ярость. Проводит остаток жизни крепко зафиксированным к кровати. Даже естественные надобности справлять в унитаз его заставить не смогли.

У Наденьки всё хорошо. Лариса Андреевна наняла самого лучшего специалиста по лечебной гимнастике, совершенно напрасно сходила с ней к дорогому диетологу и также зря без очереди попала к светилу детской ортопедии Владимиру Николаевичу. Профессор осмотрел девочку, они были на приеме две недели назад, пришел в полное недоумение. Спросил адрес и телефон целителя, но, конечно, не дозвонился.

Федор Феликсович работает директором областного архива. От общения уклонился, пригрозил, если попытаемся поговорить с Вадиком, у нас будут очень большие неприятности. С усмешкой добавил напоследок:

– Любопытство сгубило кошку...

Пришлось из-за ограждения наблюдать, как Вадик с увлечением играет в большой теннис.

Андрей через неделю после заключения спешно выплатил ипотеку, продал квартиру и уехал с женой в неизвестном направлении.

С Маргаритой Семеновной, в рукописи Марго, разговор не получился. Когда узнала, о чем мы хотим поговорить, сказала, рассказать ей нечего, отвернулась и больше ни на какие вопросы отвечать не стала. Так и ушли от нее ни с чем.

Юрий Сергеевич Каратаев, в рукописи Эскулап, умер через месяц после описываемых событий. Прозаический обширный инфаркт, никакого криминала.

Так бы и окончилась история с рукописью, но на глаза попалась желтая газетенка. В небольшой статье корреспондент рассказывает о целителе в забайкальской глуши. Там вдали от людей в зимовье поселился нестарый еще мужчина. На что он живет – никто не знает. Занимается целительством, предсказывает погоду. Деньги его не интересуют, иногда принимает продукты.

От интервью целитель уклонился, фотографировать себя запретил, но сказал, чтобы корреспондент прекратил пить кофе, иначе в скором времени будут проблемы с печенью. Молодой человек всё-таки один удачный снимок сделал.

С коллажа на фоне заснеженной тайги на доктора смотрит его недавний пациент. Несмотря на бороду, он его сразу узнал.

Только одна неувязка: газета пятилетней давности...

Все-таки навели справки. Адрес подсказать никто не смог, корреспондент через полгода умер, цирроз печени.

Кто этот загадочный целитель, как его найти – никто не знает.

Натюрморт с агератумом.

Натюрморт с бархатцами.

Белый натюрморт.

